

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

**ПРАКСЕОЛОГИЯ,
СЕМИОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА
КОММУНИКАЦИОННО-МЕДИЙНОГО
ПРОСТРАНСТВА
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО
И АЛТАЙСКОГО РЕГИОНОВ**

Коллективная монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-3
П 69

Рецензенты:

Белоусов К. И., доктор филологических наук, профессор (Пермский государственный национально-исследовательский университет)

Шишигин К.А., доктор филологических наук, профессор
(Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

П 69 **Праксеология, семиология и семантика коммуникационно-медийного пространства Центрально-Азиатского и Алтайского регионов** : коллективная монография / Н.В. Халина и Н.Н. Пивкина ; Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 201 с.

ISBN 978-5-7904-2645-2.

В монографии рассматривается центральноазиатский нарратив в его современной медийной презентации, а также аспекты изоморфности коммуникационного и коммуникативного пространства медиаплощадок сопредельного с центральноазиатским алтайского региона. В качестве основных аспектов рассмотрения избраны аспекты функционирования русского языка в центральноазиатских медиа, освещение центральноазиатской проблематики в англоязычном научном и аналитическом дискурсах, социологические аспекты медианалитики Центрально-Азиатского региона, транснациональный медиадискурс ШОС, лексико-семантические группы исламских религиозных теонимов в контексте исламского языкознания, интерсемиозис центральноазиатских медиа, медиаплощадки трансграничного региона.

Монография представляет интерес для исследователей, занимающихся центральноазиатской, коммуникационной проблематикой, а также вопросами функционирования русского языка в системе современных глобальных коммуникаций.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-3

ISBN 978-5-7904-2645-2

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2022

Ministry of Education and Science of the Russian
Federation Altai State University

**PRAXEOLOGY,
SEMIOLOGY AND SEMANTICS
OF THE COMMUNICATION
AND MEDIA SPACE
OF THE CENTRAL ASIAN
AND ALTAI REGIONS**

Collective monograph

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2022

UDK 811.161.1
BBK 81.411.2-3
P 69

Reviewers:

K.I. Belousov, Doctor of Philology, Professor (Perm State National Research University)

Shishigin K. A., Doctor of Philology, Professor (Plekhanov Russian University of Economics)

P 69 **Praxeology, semiology and semantics of the communication and media space of the Central Asian and Altai regions** : collective monograph / N.V. Khalina and N.N. Pivkina ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Altai State University. – Barnaul : Publishing house of Alt. un-ta, 2022. – 201 p.

ISBN 978-5-7904-2645-2.

The monograph examines the Central Asian narrative in its modern media presentation, as well as aspects of the isomorphism of the communication and communicative space of media platforms adjacent to the Central Asian Altai region. The main aspects of the review are aspects of the functioning of the Russian language in Central Asian media, coverage of Central Asian issues in English-language scientific and analytical discourses, sociological aspects of the Central Asian region, transnational media discourse of the SCO, lexical and semantic groups of Islamic religious theonyms, intersemiosis of Central Asian media, media platforms of the cross-border region.

The monograph will be useful for researchers dealing with Central Asian, communication problems, as well as the functioning of the Russian language in modern communication circumstances.

UDK 811.161.1
BBK 81.411.2-3

ISBN 978-5-7904-2645-2

© Collective of Authors, 2022
© Design. Altai State University
Publishing House, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕМАНТИКО-СЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ ВНУТРИ ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ. Предисловие (Н.В. Халина, Н.Н. Пивкина).....	7
ГЛАВА 1. ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО МЕДИЙНОГО НАРРАТИВА (Н.В. Халина, Л.М. Дмитриева, Н.В. Лопина).....	16
Глава 2. ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СИСТЕМЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО И АНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ (Н.В. Халина).....	54
Глава 3. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАНАЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА (А.В. Ковалёва).....	99
Глава 4. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАДИСКУРС ШОС С ПОЗИЦИЙ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ (Е.В. Валюлина).....	113
Глава 5. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕОНИМОВ В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА (И.А. Зубайдуллаев).....	131
Глава 6. КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМУ МЕДИЙНОМУ ПЕРФОМАНСУ (Н.В. Лопина).....	144
Глава 7. ИНТЕРСЕМИОЗИС ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ МЕДИА: СОЗДАНИЕ СМЫСЛОВ МУЛЬТИСЕМИОТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ (А.В. Жеребненко, Т.В. Чуканова, Т.С. Боржиков).....	163
Глава 8. ИЗОМОРФНОСТЬ КОММУНИКАЦИОННОГО И КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВ МЕДИАПЛОЩАДОК АЛТАЙСКОГО КРАЯ (Л.М. Комиссарова, К.А. Янчевская, А.В. Логиновская).....	181

TABLE OF CONTENTS

SEMANTIC AND SEMIOLOGICAL TRANSFORMATIONS OF COMMUNICATIONS WITHIN THE LIFE WORLDS. Preface (<i>Nataliya Khalina, Nadezhda Pivkina</i>).....	11
CHAPTER 1. LIFE WORLDS OF THE CENTRAL ASIAN MEDIA NARRATIVE (<i>Nataliya Khalina, Lidiya Dmitrieva, Nataliya Lapina</i>)...	15
Chapter 2. CENTRAL ASIAN PROBLEMS IN THE SYSTEM OF ENGLISH-LANGUAGE SCIENTIFIC AND ANALYTICAL DISCOURSES (<i>Nataliya Khalina</i>)... ..	53
Chapter 3. SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MEDIA ANALYTICS OF THE CENTRAL ASIAN REGION (<i>Alla Kovaleva</i>).....	98
Chapter 4. TRANSNATIONAL MEDIA DISCOURSE OF THE SCO FROM THE STANDPOINT OF EXPLANATORY SEMIOTICS (<i>Ekaterina Valyulina</i>)... ..	112
Chapter 5. CLASSIFICATION OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF ISLAMIC RELIGIOUS THEONYMS IN THE CONTEXT OF ISLAMIC LINGUISTICS AND RELIGIOUS DISCOURSE (<i>Ibodullo Zubaydullaev</i>)... ..	130
Chapter 6. COMMUNICATIVE COMPETENCE ADAPTATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE TO THE CENTRAL ASIAN MEDIA PERFORMANCE (<i>Nataliya Lapina</i>).....	143
Chapter 7. INTERSEMIOSIS OF CENTRAL ASIAN MEDIA: CREATING MEANINGS OF MULTI-SEMIOTIC PHENOMENA (<i>Anna Zhrebnenko, Tatiyana Chukanova, Temirlan Borzhikov</i>).....	162
Chapter 8. ISOMORPHISM OF COMMUNICATION AND COMMUNICATIVE SPACES OF MEDIA PLATFORMS OF THE ALTAI TERRITORY (<i>Ludmila Komissarova, Kseniya Yanchevskaya, Anastasiya Loginovskaya</i>).....	180

*Семантико-семиологические трансформации коммуникаций внутри
жизненных миров*
Предисловие

Переход человечества в состояние глобальной коммуникативности и «кликабельности» совпал с методологическим кризисом в философии, что знаменовало неизбежность пребывания глобального социума в философско-методологическом вакууме. Предполагалось, что ситуация гуманитарного методологического дисбаланса разрешится за счет методологической организованности филологического знания, изначально направляемого сравнительно-историческим методом, позволяющим восстановить архетипы, или праформы, родственных языков на основе сравнения генетически тождественных слов и форм родственных языков. Оформившийся к 30-ым годам XIX века сравнительно-исторический метод, ориентированный на выяснение исторического прошлого языков, воссоздание модели праязыковых состояний отдельных семей и групп родственных языков, их развития и принципов выделения в самостоятельные языки, построения сравнительно-исторического описания языков, входящих в некоторую генетическую общность,¹ фактически был направлен на поиски лингвистического обоснования европейской когерентности, с одной стороны, лежащей в основе новой современной цивилизации, по своим трансформационным и коммуникативным параметрам, противопоставленной древней индийской и древней китайской цивилизациям, с другой стороны, генерированной в системе методов лингвистического философствования индийскими корневыми структурами.

Разрешение методологического кризиса неявно было достигнуто на основе признания европейским сообществом валидности американского – коммуникативного – опыта выхода из экономического и аксиологического кризиса XX века. Этот опыт основывался на использовании в течение 30-60-ых гг. коммуникативного подхода к обучению, строящемуся на трансформированных в соответствии с требованиями эпохи постулатах античной риторики. В качестве своеобразного логического завершения коммуникативного обучения философствованию предстала теория синтаксиса, или генеративная грамматика, Н. Хомского, декларированная позднее как философия языка XX века, моделируемая двумя ключевыми категориями – категорией коммуникативной компетенции и категорией лингвистического перформанса.

Нынешний поворотный момент в развитии истории человечества, предваряемый перформативным, визуальным и семиотическим поворотами в формировании научных и аксиологических парадигм, возможно охарактеризовать, ориентируясь на языковой перформанс – использование языка в обстоятельствах деконструкции социальных и территориальных

---

¹ Сравнительно-исторический метод [Электронный ресурс] – URL: <https://sites.google.com/site/stgeneralinguist/metody-lingvisticeskogo-issledovania/sravnitelno-istoriceskij-metod>. (Дата обращения: 14.04.2022).

коммуникаций, демонстрирующих когнитивную свободу сознания участника коммуникативного процесса, будь то автономная личность или суверенное государство.

На смену поискам лингвистического обоснования этнических союзов и духовного единства территорий проживания этносов, получившего отражение в теории языка В. фон Гумбольдта, в XX веке приходит методическая идея освоения второго языка - языка Другого в ситуации коммуникации - через серию трансформаций языкового сознания. Для последнего десятилетия XX века, открывшего новые траектории коммуникативного дрейфа для республик Советского Союза, мощнейшей аксиологической конгломерации, моделируемой структурной методологией, идеология второго языка легла в основу деконструкции семантических связей Центральной Азии и России, совместно накопленного символического капитала в семиотический ресурс американской и европейской эпистемологии. Переход с позиций структурной методологии, детерминированной пониманием и объяснением бытия через категорию Логоса, на позиции методологии коммуникативной, строящейся на основе лингвистического перформанса, определил обстоятельства языкового существования государств, объединенных в территориально-аксиологический альянс «Центральная Азия»

Эрик Фридман, доктор права, адъюнкт-профессор журналистики, заместитель декана факультета международных исследований и программ Мичиганского университета (Ист-Лансинг, шт. Мичиган, США) и Ричард Шейфер, профессор журналистики факультета английского языка и литературы Университета Северной Дакоты (Гранд-Форкс, шт. Северная Дакота, США) в своем исследовании 2011 года пишут: «Холодная война завершилась очевидной победой НАТО, капитализма, свободного предпринимательства и демократии над Варшавским пактом, коммунизмом в его марксистско-ленинской версии и российско-советской империей. На обломках, которые оставило после себя это историческое событие, в 1991 году в Центральной Азии возникли пять новых независимых республик: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Каждое из пришедших к власти новых правительств заявило о приверженности экономике свободного предпринимательства и демократической системе правления. Западные демократии, неправительственные организации (НПО), правозащитные объединения дружно приветствовали провозглашавшееся новыми властями уважение к демократической системе средств массовой информации (СМИ) как к важному инструменту стабилизации, модернизации и национально-государственного строительства. Увы, стремление сформировать нормально функционирующую и действенную прессу, способную обеспечить себе экономическую и политическую самостоятельность и проводить независимую редакционную политику, натолкнулось на серьезные препятствия»².

---

² Фридман Э., Шейфер Р. Новые исследования средств массовой информации Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ - Т. 14 . - Вып. 4. - 2011.- С. 143-162.

Рубеж тысячелетий предоставил коммуникативные обстоятельства, достаточные для проверки валидности философии языка Хомского в качестве философской методологии, обеспечивающей прогрессивное движение человечества на основе совершенствования лингвистической мобильности человеческого мозга и нейронных связей. Новые медиа создали необходимые условия для подобной экспертизы, трансформируя когнитивную и лингвистическую рефлексию носителя и пользователя языка в понятийно-поисковые системы потребителя языка. Медиаресурсы стали выполнять в условиях эпохи трансформаций не только функцию семантического расширения знаньевого контента потребителя языка, но и функцию технологии преобразования системы его коммуникативных компетенций и уровня свободы языкового сознания.

Описание языкового существования социума и индивида конца XX и начала XXI веков в российской языковедческой концептологии строилось на категориях языковой личности и языковой картины мира, соединяемых в триединство языковым сознанием. В этом состояла языковедческая рефлексия российского научного сообщества на изменяющиеся обстоятельства социального и индивидуального бытия в состоянии методологического кризиса в философии. Трансформационная грамматика Н. Хомского, помноженная на коммуникативную компетентность, определила границы языковой деятельности человека общества потребления необходимостью оформления его как структурного элемента некой социальной когерентности – системы компетенций, обусловленной потребностью осуществлять переход с уровня глубинной структуры на уровень поверхностной структуры, с уровня персональной осознанности происходящего на уровень коммуникативного потребления языка (информации), осуществляемого неосознанно. Таким образом, был задан теоретический горизонт наук общества, входящего в фазу глобального потребления знания, получаемого социальным субъектом и оформляемого соответствующими знаковыми ансамблями, обеспечивающими трансфер генерируемого знания.

Наиболее благоприятной средой трансфера знаний стала медийная среда, проектирующая формы культурного и социального бытия, исходя из наличного качества обращаемого в виртуальной среде знания и уровня прагматической (или практической) релевантности языкового сознания.

В ряду современных наук В.А. Канке³ выделяет три класса: синтаксические, семантические и прагматические науки: синтаксические науки избегают интерпретации знаковых систем (математика, логика); семантические науки (физика, химия, геология), прагматические науки (технические, гуманитарные области знания). В прагматических науках очевиден интерес к результативности, продуктивности, функциональной пригодности.

В синтаксических науках имеет место связь между знаковыми концептами, которая реализуется аксиоматическим и конструктивистским

---

³ Канке В.А. Этика ответственности. Теория морали будущего. М.: Логос, 2003. – 350 с.

методами. В семантических науках используется гипотетико-дедуктивный метод, фундамент образуют законы, объясняющие эмпирические факты и выдвигаемые в качестве гипотез. В прагматических науках ученые пытаются приспособить существующий мир к жизненным ценностям. Каждый тип науки соотносится со своим типом критерия: непротиворечивость, подтверждаемость и эффективность теорий. Основные типы концептов, используемые в синтаксических науках – конструкты, в семантических науках – понятия, в прагматических – ценности. Соответственно концепции истины, характеризующие типы наук: когерентная, когда конструкты должны быть связаны между собой непротиворечивым образом (синтаксические науки), корреспондентная, когда научная картина должна подтверждаться эмпирическими данными (семантические науки), сила теории подтверждается ее эффективностью (прагматические науки).

В исследованиях авторов монографии, в соответствии с предложенным подходом к современным наукам В.А. Канке, представлены образцы прагматического научного знания, которое демонстрирует интерес к результативности, продуктивности, функциональной пригодности гуманитарного знания в стремлении приспособить существующий мир к жизненным ценностям через создание эффективной теории.

Н.В. Халина,

Н.Н. Пивкина

Semantic and semiological transformations of communications within life worlds

Preface

The transition of humanity into a state of global communicativeness and "clickability" coincided with a methodological crisis in philosophy, which marked the inevitability of the global society's stay in a philosophical and methodological vacuum. It was assumed that the situation of humanitarian methodological imbalance would be resolved due to the methodological organization of philological knowledge, initially guided by a comparative historical method that allows to restore archetypes, or proto-forms, of related languages based on a comparison of genetically identical words and forms of related languages. The comparative-historical method, which took shape by the 30s of the XIX century, focused on clarifying the historical past of languages, recreating the model of the proto-linguistic states of individual families and groups of related languages, their development and separation into independent languages, building a comparative-historical description of languages belonging to a certain genetic community⁴ in fact, it was aimed at searching for a linguistic justification of European coherence, on the one hand, underlying the new modern civilization, in its transformational and communicative parameters, opposed to the ancient Indian and ancient Chinese civilizations, on the other hand, generated in the system of methods of linguistic philosophizing by Indian root structures.

The resolution of the methodological crisis was implicitly achieved on the basis of the recognition by the European community of the uniqueness of the American - communicative - experience of overcoming the economic and physiological crisis of the twentieth century. This experience was based on the use of a communicative approach to learning during the 30-60s, based on the postulates of ancient rhetoric transformed in accordance with the requirements of the era. The theory of syntax, or the generative grammar of N. Chomsky, later declared as the philosophy of the language of the twentieth century, modeled by two key categories - the category of communicative competence and the category of linguistic performance, appeared as a kind of logical conclusion of communicative teaching to philosophizing.

The current turning point in the development of human history, preceded by performative, visual and semiotic turns in the formation of scientific and axiological paradigms, can be characterized by focusing on language performance - the use of language in the circumstances of deconstruction of social and territorial communications, demonstrating the cognitive freedom of consciousness of a participant in the communicative process, whether an autonomous person or a sovereign state.

---

⁴ Comparative historical method [Electronic resource] – URL: <https://sites.google.com/site/stgeneralinguist/metody-lingvisticeskogo-issledovania/sravnitelno-istoriceskij-metod>. (Accessed: 04/14/2022)

The search for linguistic justification of ethnic unions and the spiritual unity of the territories of ethnic groups, reflected in the theory of language by V. von Humboldt, was replaced in the twentieth century by the methodical idea of mastering a second language - the language of Another in a communication situation - through a series of transformations of linguistic consciousness. For the last decade of the twentieth century, which opened up new trajectories of communicative drift for the republics of the Soviet Union, the most powerful sociological conglomeration modeled by structural methodology, the ideology of the second language formed the basis for deconstructing the semantic ties of Central Asia and Russia, jointly accumulated symbolic capital into the semiotic resource of American and European epistemology. The transition from the position of a structural methodology determined by the understanding and explanation of being through the category of Logos to the position of a communicative methodology based on linguistic performance determined the circumstances of the linguistic existence of the states united in the territorial-axiological alliance "Central Asia".

Eric Friedman, Doctor of Law, Associate Professor of Journalism, Associate Dean of the Faculty of International Studies and Programs at the University of Michigan (East Lansing, Michigan, USA), and Richard Shafer, Professor of Journalism at the Faculty of English Language and Literature at the University of North Dakota (Grand Forks, North Dakota, USA) in their 2011 study write: "The Cold War ended with the obvious victory of NATO, capitalism, free enterprise and democracy over the Warsaw Pact, communism in its Marxist-Leninist version and the Russian-Soviet Empire. On the wreckage that this historic event left behind, five new independent republics emerged in Central Asia in 1991: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. Each of the new governments that came to power declared their commitment to the economy of free enterprise and a democratic system of government. Western democracies, non-governmental organizations (NGOs), human rights associations unanimously welcomed the respect for the democratic system of the mass media proclaimed by the new authorities as an important tool for stabilization, modernization and nation-building. Alas, the desire to form a normally functioning and efficient press capable of securing economic and political independence and pursuing an independent editorial policy has encountered serious obstacles."⁵

The turn of the millennium provided the communicative circumstances sufficient to verify the validity of Chomsky's philosophy of language as a philosophical methodology that ensures the progressive movement of mankind based on improving the linguistic mobility of the human brain and neural connections. New media have created the necessary conditions for such expertise, transforming the cognitive and linguistic reflection of the native speaker and the user into the conceptual search engines of the consumer of the language. In the conditions of the era of transformations, media resources perform not only the

---

⁵ Friedman E., Shafer R. New media studies of Central Asia// Central Asia and the Caucasus .-V. 14. - Issue 4. - 2011.- pp.143-163.

function of semantic expansion of the consumer's knowledge of the language, but also the function of technology for transforming the system of his communicative competencies and the level of freedom of linguistic consciousness.

The description of the linguistic existence of a society and an individual of the late twentieth and early twenty-first centuries in Russian linguistic conceptology was based on the categories of linguistic personality and linguistic worldview, connected into a trinity by linguistic consciousness. This was the linguistic reflection of the scientific community on the changing circumstances of social and individual existence in a state of methodological crisis in philosophy. N. Chomsky's transformational grammar, multiplied by communicative competence, defined the boundaries of a person's linguistic activity of consumer society by the need to form it as a structural element of a certain social coherence of the competence system, due to the need to make the transition from the level of deep structure to the level of surface structure, from the level of personal awareness of what is happening to the level of communicative consumption of language (information), carried out unconsciously. Thus, the theoretical horizon of the sciences of a society entering the phase of global consumption of knowledge received by a social subject and formalized by appropriate iconic ensembles providing the transfer of this knowledge was set.

The most favorable environment for knowledge transfer has become a media environment that projects forms of cultural and social existence, based on the available quality of knowledge being circulated in a virtual environment and the level of pragmatic (or practical) relevance of linguistic consciousness.

Among the modern sciences, V.A. Kanke⁶ distinguishes three classes: syntactic, semantic and pragmatic sciences: syntactic sciences avoid interpretation of sign systems (mathematics, logic); semantic sciences (physics, chemistry, geology), pragmatic sciences (technical, humanitarian fields of knowledge). In the pragmatic sciences, there is an obvious interest in efficiency and productivity. functional fitness.

In syntactic sciences there is a connection between sign concepts, which is realized by axiomatic and constructivist methods. In semantic sciences, the hypothetical-deductive method is used, the foundation is formed by laws explaining empirical facts and put forward as hypotheses. In the pragmatic sciences, scientists are trying to adapt the existing world to life values. Each type of science correlates with its own type of criterion: consistency, confirmability and effectiveness of theories. The main types of concepts used in syntactic sciences are constructs, in semantic sciences – concepts, in pragmatic sciences – values. Accordingly, the concepts of truth that characterize the types of sciences: coherent, when constructs can be connected in a consistent way (syntactic sciences), correlative, when the scientific picture must be confirmed by empirical data (semantic sciences), the strength of the theory is supported by its effectiveness (pragmatic sciences).

---

⁶ Kanke V.A. Ethics of responsibility. The theory of morality of the future. M.: Logos. 2003. – 350 p.

In the research of the authors of the monograph, in accordance with the proposed approach to modern sciences by V.A. Kanke, samples of pragmatic scientific knowledge are presented, which demonstrates interest in efficiency and productivity. the functional suitability of humanitarian knowledge in an effort to adapt the existing world to life values through the creation of an effective theory.

*N.V. Khalina,
N.N. Piokina*

Chapter 1
VITAL WORLDS OF THE CENTRAL ASIAN MEDIA NARRATIVE
by Nataliya Khalina, Lidiya Dmitrieva, Nataliya Lapina

The significant status of the semiotic system of the Russian literary language is evident in the multitude of semantic flows and symbolic capitals that influence the design and functioning of the Central Asian media narrative. The media systems of Central Asia, in addition to the functions of connective, communicative and educational, fulfill the mission of ethnic self-identification associated with the process of symbolic consumption.

A new stage in the formation of the identity of the countries of the Central Asian region coincided with the information age, which defines the ideology of connectivity as the main communicative reference point of social systems,

Semantic distribution of ethnic narratives of Central Asia in the system of modern multimedia communications is a semiotic system of the Russian literary language, interpreting the general system of connections, which is formed in the Central Asian multimedia narrative. Russian language semiotic system's technological advantages in creating a media narrative are due to the fact that the general scheme of establishing connections, carried out on the basis of generalization of empirical data in the Russian language in the corresponding language models, correlates with the representatives of the theory of cognition based on experiences.

The life worlds of the Central Asian media narrative are considered through the prism of the semiotic system of the Russian language in a variety of communicative preferences that contribute to the institutionalization of Kazakhstanis, Tajiks, Kyrgyzstanis and Uzbeks.

One of the key problems of the development of text media in Kazakhstan is the uniqueness of content. The more than 20-year presence of Western educational programs in the field of media literacy, journalism and English language teaching on the territory of the Republic of Kazakhstan (their data on the website of the Information Committee of the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan) "changed" the choice of "self-identification symbols" from Russian to English.

Studies indicate an extremely low level of language proficiency and high illiteracy, the functioning of a predominantly conversational style. The destruction of the language is also expressed in a large array of studies of the media and language preferences of the population, in the state policy of de-russification, in an aggressive form of protest to the entire Russian-speaking population (as in Kyrgyzstan, when cases of persecution on linguistic grounds were recorded).

At the same time, it is gratifying that the audience "voting" for better foreign and Russian media expresses the need to receive national content in literate Russian.

Глава 1.

ЖИЗНЕННЫЕ МИРЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО МЕДИЙНОГО НАРРАТИВА

Н.В.Халина, Л.М. Дмитриева, Н.В. Лапина

В множестве семантических потоков и символических капиталов, влияющих на оформление и функционирование центральноазиатского медийного нарратива, очевиден сигнификативный статус семиотической системы русского литературного языка. Медийные системы Центральной Азии, кроме функций коннективной, коммуникативной и просветительской, выполняют миссию этнической самоидентификации, связанной с процессом символического потребления [Халина, Пивкина, Аникин, Валюлина, Жеребненко, 2021]. Процесс самоидентификации предопределяет выбор символов самоидентификации, который, в свою очередь, обусловлен логикой процесса и необходимостью «подбора» (селекции) кодов сигнификации - внутренних кодов преобразования, производных от семиотической функции и содержащих информацию о механизмах отражения объекта реальной действительности в структуре знания, порождающего высказывание. Н. Халина, Н. Пивкина, Д. Аникин, Е. Валюлина, А. Жеребненко выделяют три типа сигнификации, влияющих и организующих процессы медианавигации: 1) сигнификация как поиск кода самоидентификации, 2) сигнификация как оценка сигнификативного значения (кода сигнификации) медиаартефакта с точки зрения его трансгрессивности (способности преодолеть непреодолимые границы); 3) сигнификация как сигнификативный бриджинг, связанный с конструированием матрицы медиаидентичности, определением идентичности через идентификацию тождества с другими медийными системами.

«Новый этап формирования идентичности стран Центрально-Азиатского региона совпал с информационной эпохой, определяющей в качестве основного коммуникативного ориентира социальных систем идеологию коннективности, поддерживаемую осмыслением прагматической ценности человеческого языка, его соответствия реальности, т.е. пригодности (fitness), «технологичности» [Халина, 2021, с.74].

Семантика медийного ландшафта детерминируется территориальной семантикой (семантикой территории), которая в контексте средовой герменевтики Мартина Дрентена извлекается из 'читаемого ландшафта' ('legible landscape') [Drenthen, 2011]. Процесс сигнификации, в этом случае, представляет собой разновидность процесса объективации: «знак отличается от других объективаций очевидной интенцией быть показателем субъективных значений» [Халина, 2021, с. 75]. Сигнификативный потенциал территории, в контексте средовой герменевтики, определяет семантику жизненного мира - систему образцов поведения, основывающихся на принципе моральной вовлеченности:

«морально чувствительные существа, чтобы жить в значимом для них месте, должны морально его структурировать» [Халина, 2021, с.75]. Средовая герменевтика исходит из того, что мир, в котором мы выстраиваем свое бытие, имеет значение, поскольку он всегда уже наполнен смыслами, до того, как мы в него приходим и начинаем конструировать свои пространства существования. В таком случае постижение полного объема того или иного смысла требует вовлеченности в процесс интерпретации, начало и поддержание определенного режима которого определяется функционированием системы литературного языка. Для центральноазиатских республик важным в этом плане представляется функционирование системы русского литературного языка.

Процесс этнической идентификации новейшего времени обусловлен поиском исторических источников, которые призваны сыграть роль валидной аргументативной базы, подтверждающей, в какой-то мере сигнифицирующей, этническую валидность. Возможность находить новое применение источникам, по утверждению Джона Тоша [Тош, 2000], является характерным достижением современного исторического метода.

Так, взгляд на историю русского литературного языка с позиций исторического метода предполагает ее рассмотрение преимущественно как истории идей. «Главной целью специалистов по истории идей становится выявление «родословной» важнейших концепций, каковыми для социальной памяти носителей и пользователей русского литературного языка являются русский национальный язык (общенациональный язык), стилистическая дифференциация языкового массива, языкотворческая деятельность личности и связанные с ней процессы нормализации, отправление социальных функций языковой общностью и связанные с этим процессы нормативации, способы сохранения идентичности и осмысления прожитой жизни» [Халина, 2009 с. 4]

Особую роль в истории формирования национальных языковых систем в XXI веке играют медийные коммуникации, определяющие характер новейшей истории литературных языков и специфику литературной истории этнического языка, в качестве элемента которой выступает медийный нарратив.

Д. Качанов, определяя мультимедийный журналистский нарратив [Качанов, .2021], обращается к работам Ж.-Ф. Лиотара и Ф. Джеймисона, которые потребность человека в нарративе связывают с особенностями его познания мира через истории и рассказ о мире. Медиа, формируя повестку дня, создают нарративные сюжеты и конструируют фабулы, которые направляют внимание аудитории и ориентируют на определенные действия, задавая определенный код сигнификации. Г. Уайт отмечает, что нарратив показывает, в каком направлении необходимо думать о событиях, придавая им соответствующую эмоциональную окраску; в функции нарратива, таким образом, не входит воспроизведение события [White, 1978]. Д. Качанов дает несколько интерпретаций нарратива, актуальных как для определения сущности мультимедийного нарратива, так и мультимедийной нарративной истории (синхронизации потока событий и потока их

вербальных интерпретаций): нарратив – это 1) форма представления реальности, 2) способ конструирования реальности, 3) версия реальности, достоверность которой определяется соглашением сторон и повествовательной необходимостью.

Выделяемые исследователями характеристики нарратива приобретают статус категорий, организующих текстовое пространство интерпретаций и поясняющих принципы взаимодействия означающего и означаемого в процессе означивания события и его размещения в информационном потоке. Дж. Брунер [Bruner, 1991] выделяет такие характеристики нарратива, как нарративная темпоральность, избирательность, смысловое содержание, герменевтическая композиция, каноничность и ее нарушение, референтность, универсальность, нормативность, контекстная чувствительность и обращаемость, нарративный кумулятивизм.

Дж. Скэнлен вводит понятие «составной медианарратив» (multiple media narrative), синоним мультимедийного нарратива (multimedia narrative). В составном медианарративе используются различные повествовательные формы с целью рассказывания/сообщения истории интегрированным способом через один или несколько цифровых носителей, не обязательно структурированных [Scanlan, 2015].

Мультимедийный нарратив создает особый, если прибегнуть к терминологии Юргена Хабермаса [Хабермас, 2011] «сопровождающий горизонт», соотносящий сознание индивида, его «Я» с другим путем создания своеобразного пространства уверенности друг в друге, что обеспечивает единство жизненного мира, пространство его коммуникации. Жизненный мир – это «фон» или пространство наших действий, который обеспечивает коммуникацию.

Пространство действий, обеспечивающее коммуникацию, актуально для медийного пространства коммуникаций, в котором конструируется картина объективного мира погруженных в обыденный мир пользователей социальных сетей, наполненный обыденными переживаниями и общением. Конструирование картины объективного мира, как полагает Ю. Хабермас, напоминает платоновский образ пещеры, находясь в которой, человек «видит» мир. На самом деле, человек конструирует мир посредством мыслительных и речевых актов, текстов, действий, знаков, артефактов и пр. Это значит, что невозможно избавиться от обыденного опыта, вырваться из пространства заданной коммуникации, придающей характеристики окружающим предметам, явлениям, словам и рассуждениям, продуктам мыслительной и речевой деятельности.

В речевых актах мира Жизни (жизненного мира) отражены секвенции индивидуальных или коллективных переживаний, в которые включено признание обстоятельств мира, определяющих последующие действия. В этом случае индивидуальная активность, собственно поступки трактуются как нечто объективное, относящееся к реальному миру, хотя поступки – всего лишь часть переживаний, и происходит своеобразное «оборачивание» (превращение). В обстоятельствах медийной коммуникации не только

человек, но и сообщества, этносы убеждают себя и других, что производимые ими действия обусловлены объективными обстоятельствами, хотя это, на самом деле, конструкции разума и переживаний. При этом акт действия интерпретируется в качестве факта. Валидность переживания подтверждается медийной «экспертизой», платформами социальных коммуникаций.

В основе жизненного мира, осознаваемого только перформативно, согласно теории Ю.Хабермаса, лежит «интуитивная достоверность», определяющая коммуникации обыденной жизни. Более важными, чем научные (теоретические) истины признаются интуитивные жизненные переживания и знания, выступающие в качестве проверенных личным опытом знаний (лайфхаки). Переживания обеспечивают состояние уверенности – уверенности в истине, в своей правоте или правоте другого, – которая является важнейшим ресурсом «общественной кооперации» и особой формой знания, которое нельзя разделить на ложное и истинное. Главенствующим становится фактор доверия, имеющий большую значимость, чем связь с действительностью: создание между субъектами «интерперсонального отношения», переводящего речевые и смысловые акты в пространство уверенности, убедительности, более значимо, чем фактология реальности.

Наиболее «удобной» формой для перформанса «интуитивной достоверности» является форма нарративная и особенно ее мультимедийный вариант. В медиапространстве нарратив становится коммуникативной техникой, одним из способов передачи информации. Новые медиа придают нарративу гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, что создает новые повествовательные возможности, предлагает читателю расширенные средства погружения в историю [Berning, 2011].

Семантическая дистрибуция этнических нарративов Центральной Азии в системе современных мультимедийных коммуникаций достигается посредством семиотической системы русского литературного языка. Системы, интерпретирующей общую систему связей, оформляемую в центральноазиатском мультимедийном нарративе. Технологические преимущества семиотической системы русского языка при создании медийного нарратива обусловлены тем, что общая схема установления связей, осуществляемая на основе обобщения в русском языке в соответствующих языковых моделях эмпирических данных, коррелирует с репрезентантами теории познания, базирующимися на переживаниях. Теория переживания, согласно концепции В. Дильтея, позволяет открыть душевные связи между фактами мира, выявить особенности душевной жизни, концентрирующейся как «связь функций, объединяющая свои составные части, и вместе с тем, в свою очередь, состоящая из отдельных связей особого рода, из которых каждая содержит свои задачи для психологов» [Дильтей, с. 61-62]. Семиотическая система русского языка устанавливает связи между звучанием (речевым потоком), синтаксическим компонентом (синтаксическим сегментированием информационного

континуума, осуществляемым сознанием) и семантическим компонентом (семантическим представлением предложения через наборы знаков, изображающих «идею», т.е. то, что подлечит языковой экспликаци), демонстрируя проективные качества, сопоставимые с функционалом мультимедийного нарратива.

Э. Бенвенист признавал, что в языке существуют две разные области, каждая из которых требует для своего изучения отдельного аппарата понятий: «Для области, названной нами семиотической, основу исследования составит теория языкового знака. Семантическую же область следует рассматривать отдельно. Для ее исследования необходим новый аппарат понятий и определений» [Бенвенист, 2002 с. 69]. Э. Бенвенист приходит к выводу, что нужно преодолеть сосюрвовское понимание языка как принципа языка в его функционировании для познания, что можно сделать, продвигаясь в двух направлениях: интралингвистическом (внутриязыковом) и транслингвистическом (надъязыковым). Интралингвистический анализ нацелен на создание нового измерения означивания в плане речевого сообщения, которое именуется семантическим. Транслингвистический анализ, построенный на исследовании текстов, предполагает разработку метасемантики, надстраиваемой над семантикой высказывания. В совокупности подобные типы анализа представляют, по мнению Э. Бенвениста, семиологию «второго поколения», понятия и методы которой содействуют развитию других ветвей общей семиологии. Функцию системы, обеспечивающей новое измерения означивания в центральноазиатском нарративе, берет на себя система русского литературного языка, основанная на идеографической (логографической) кириллической системе.

Новое измерения означивания в плане речевого сообщения связано, на наш взгляд, во-первых, с особенностями речевого потока, в котором происходит генерирование генетической информации; во-вторых, с неизбежностью введения в лингвистический оборот для объяснения языковых метаморфоз особых теоретических конструкций, которые отличают процесс формирования новых общих теоретических концепций широкого плана; к подобным конструкциям следует отнести «топологические структуры».

Генетическая информация – это информация о рефлексах, сохраняемая генетической памятью и фиксирующая наличие феномена самоорганизации «нервная система», основанной на выработке элементарных рефлексов в ответ на внешние воздействия [Мелик-Гайказян, 2002]. В современных условиях речевое – сообщение возможно рассматривать как новый (новейший по сравнению с нервной системой) феномен самоорганизации. Это своего рода диссипативная структура, возникающая в процессе самоорганизации живой системы, детерминирующая новый тип нелинейности этой системы и служащая «матрицей», «на базе которой при учете внешних условий произойдет игра случая», и соответствующий выбор окажется в роли генерации новой информации на основе уже имеющейся» [Мелик-Гайказян, 2002, с. 231]. Генетическая память в подобном речевом

сообщении становится памятью об информации, которая структурируется в виде сложных структур, сформированных на базе относительно простых – высказываний, или, в терминологии Л. Витгенштейна [Пассмор, 1998], сложных знаков – предложений.

Э. Бенвенист, размышляя о семиологической концепции Ф. де Соссюра, заметил, что высказывание, очевидно, вызвало у последнего серьезные затруднения, а потому, он отнес его к «речи», что, однако не помогло решению проблемы, можно ли, и если можно, то каким образом, переходить от знака к речи. «От знака к высказыванию, – заключает Э. Бенвенист, – нет перехода ни путем образования синтагм (syntagmation), ни каким-либо другим. Их разделяет непреходимая грань. Поэтому следует признать, что в языке есть две разные области, каждая из которых для своего изучения требует отдельного аппарата понятий» [Бенвенист, 2002, с. 89].

Сигнификативная деятельность (поиск знаков идентификации этнической идентичности) центральноазиатских территорий в конце XX – начале XXI вв. развивалась в направлении от знака к речи, от элементарной структуры, организующей деятельность языкового сознания, по своему характеру виртуальной, к «вещественной» форме вербализации когнитивных компетенций трансформирующего, в соответствии с запросами глобального общества, речеинформационный поток этноса, к поиску синтаксических приемов оформления синтагмы. С точки зрения семиотики сигнификация или организация знаков в коды, осуществляется посредством парадигм и синтагм. Р. Якобсон обозначил уровень парадигмы термином «селекция», уровень синтагмы – термином «комбинация» [Якобсон, 1996]. Парадигма представлена множеством ассоциированных знаков, являющихся членами определенной категории, в которой каждый знак значительно отличается от другого знака. Синтагмы создаются на основе выбора из парадигм, определенных конвенционально либо как уместных (приемлемые), либо требуемых некоторым правилом системы (например, грамматикой). Таким образом, синтагма рассматривается в качестве правильной комбинации взаимодействующих знаков, формирующих осмысленное целое на основе имплицитных и эксплицитных правил и соглашений.

Синтаксические конвенции семиотической системы русского языка позволяют формировать имплицитное осмысленное целое, соответствующее современным требованиям – требованиям мультимедийного нарратива, единицей которого является высказывание, предложение в интегрированном понимании Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. Высказывание как имплицитно осмысленное целое представляет собой своеобразный знак, преодолевающий одномерность мира в положении, позиции «здесь-и-сейчас» (своеобразное преодоление-освоение настоящего момента через преодоление-отрицание возможности/свершимости будущего и неопровержимости/завершенности прошлого). Центральная позиция в структуре русского высказывания отводится глаголу, который, в отличие от предиката в семиотической системе английского языка, не только констатирует последовательное соединение временных фрагментов в

пространстве ближнего и дальнего видения с фокусированием в точке горизонта будущего, но определяет динамику и масштаб сигнификации пространства, характеризующих процесс коммуникации сознаний. Именно подобная особенность русского глагола делает его технологически практичным элементом в построении нарратива и использовании в качестве единицы упорядочения информационных массивов.

Удобна в плане сигнификации система глагольных времен русского языка, в которой к 14 -15 вв. в области форм настоящего времени почти полностью было утрачено атематическое спряжение, установились новые флексии в тематических спряжениях. В области прошедшего времени была полностью утрачена система простых и сложных времен: укрепившаяся и развивающаяся категория глагольного вида вытеснила из языка формы аориста и имперфекта, что позволило бывшему причастию на -л- в составе старого перфекта (утратившего свой глагол-связку *быти* в настоящем времени) стать единой формой прошедшего времени. Также был утрачен и плюсквамперфект: в преобразованном виде он сохранился лишь в отдельных диалектах. В области форм будущего времени сформировалась категория простого будущего совершенного вида, что, в свою очередь, было связано с укреплением видовой корреляции в русском языке. Оформилась категория сложного будущего времени несовершенного вида с использованием конструкции «*буду + инфинитив*». [Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, 1982; Ремнева, 1995.]

Модернизация системы временного означивания шла параллельно с процессом восточнославянской этнической дифференциации: к 14-15 вв. сложились три отдельных восточнославянских народности. Временная система семиотической системы русского языка адаптирована к трансформациям событийной/нарративной истории развития этносов и соответственно преобразованиям моделей деятельности языкового сознания, в отличие от системы времен английского языка, включающей *Simple, Continuous, Perfect, Perfect Continuous* (каждая разновидность функционирует в четырех формах). По современной видовой классификации в русском языке 5 видо-временных форм (3 у глагола несовершенного вида и 2 совершенного вида); в английском языке три формы (шкалы) времени (или четыре, если включить будущее в прошедшем) и четыре вида (или аспекта); в общем, 12-14 видо-временных форм.

Семиотическая система современного русского языка, поддерживаемая видо-временной системой, представляет русский литературный язык, созданный А.С. Пушкиным в качестве эталонной - обиходной формы -, которая содержит средства обозначения денотативной системы, коррелирующей с коллективными когнитивными процессами, и единицы особой системы денотатов, в качестве которых «заявляются» эффекты событий. Носитель языка получает возможность, не погружаясь в «семантическую» пучину сигнификативного нации/этноса скользить по поверхности смыслов. Подобная семиотическая система обеспечивает два типа институализации участника коммуникативных интеракций:

«экономический человек» и «тотальный человек» [Халина, Хребтова, Злобина, Столярова, Белоусова, 2012].

Временная система английского языка поддерживает состояние уверенности - важнейшего ресурса «общественной кооперации», особой формы знания, не дифференцируемого на основе критерия истинности/ложности. Основной формой, организующей медийное функционирование английского языка, по наблюдениям И.А. Бабаскиной [Бабаскина, 2009] является перфект - грамматическая категория пространственно-временной очередности или последовательности (the grammatical category of Order). Становление перфекта в его современном значении датируется XI веком среднеанглийского периода, другие называют период XII-XIII вв., ряд лингвистов относит окончательное структурное и семантическое формирование перфекта к еще более поздним периодам. Благодаря английскому перфекту осуществляется сложнейшая грамматическая операция - привнесения времени в пространство. И.А. Бабаскина приходит к выводу, что английский язык становится универсальной семиотической системой, обслуживающей коммуникативные потребности информационных агентов, а грамматическая категория временной отнесенности (перфект), в свою очередь, предстает в качестве центрального звена грамматической матрицы при вхождении в информационный поток гипертекстовой реальности. Формы английского перфекта, функционируя в гипертекстовой среде интернета, обладают следующим конструктивным потенциалом: а) выступают в качестве линков (связок пути), с помощью которых номад - пользователь мультимедийного контента - «прокладывает свой маршрут», двигаясь от одного пункта к другому; б) «перебрасывают мостики» между информационными событиями, наполняющими каждый пункт маршрута номада в виде децентрированных ризоматических множеств, обеспечивая связность множеств и прокладывая маршрут интернет-номада в пространстве информационных потоков.

Глобальная сеть Интернет предстает в качестве классического примера «ризоморфной среды, в которой информационное сообщение приобретает гипертекстовую структуру, отличающуюся от классического медиа-текста» [Бабаскина, 2009]. Пользователь электронного СМИ, двигаясь по просторам многомерного электронного гипертекста, где информация представлена в виде связанной (linked) сети гнезд (nodes), *волен сам выбирать путь чтения*, в зависимости от его интересов, *создавая при этом свой текст* [Бабаскина, 2009, с.3]. Подобное движение-«путешествие» по ризоморфной среде Интернета от одного пункта к другому, совершаемое номадом-«кочевником», возможно благодаря свойственной ему (номаду) как человеку разумному мыслительной деятельности. Движение мысли начинается параллельно с вхождением номада в ризоморфную среду, грамматика которой выполняет функцию программы и руководства по упорядочению потока мысли. Грамматическая категория английского перфекта рассматривается при этом в качестве средства соединения движения мысли

номада с его движением «вовне», представленным в виде маршрута, пути навигации в интернет пространстве.

Институализация участника коммуникативных интеракций при использовании семиотической системы русского языка основывается не столько на открывающейся возможности вхождения в ризоморфную среду интернета, что обеспечивает английский перфект, координирующий движение мысли пользователя-номада, сколько на сигнификации собственной позиции, точки зрения, что гарантируется синтаксической конструкцией предложения как самостоятельного речевого знака.

Предложение, по Л. Витгенштейну, имеет точно такую же структуру, как то, что оно репрезентирует: «Одно имя замещает одну вещь, другое – другую, и они связаны друг с другом; таким образом, целое, подобно живому образу, представляет атомарный факт... в предложении должно быть различимо столь же вещей, сколько их в положении вещей, которое оно представляет» [Пассмор, 1998, с. 271]. Структура предложения в контексте рассматриваемой теории отражает способность языка сообщать то, что он репрезентирует (даже тогда, когда воспринимающий содержание сообщения никогда не наблюдал то, что ему репрезентировано); в этом свойстве языка сохраняется существенно важное содержание иероглифического письма, в котором происходит преодоление «одномерного» понимания мира. Иероглиф задает особую размерность линейного пространства, в качестве которой выступают (или презентантами которой) выступают элементы иероглифа, или линейно независимые векторы с позиций аффинной (линейной) геометрии [Вентцель, 1968].

Предложение, в соответствии с размышлениями М. Хайдеггера, есть пропозиция, суждение, посредством которого нечто выставляется в качестве чего-то. В предложении многообразии признаков должно стать упорядоченным, т.е. связным, чтобы предмет мог предстать (иначе, чтобы был создан образ предмета) как событие [Хайдеггер, 1993], как пропозициональная связка, которая соединяет время и бытие. Использование термина событие означает понимание времени и бытия в качестве вещей, с которыми исследователь имеет дело: со-держание этих вещей, положение-вещей есть событие. «Положение-вещей впервые дает бытию и времени из со-держашей их взаимопринадлежности сбываться в их собственном существе, а именно через таящееся в уместности и в протяжении просвета событие. Соответственно место, которое имеется в «имеет место событие», «имеет место время» являет себя как событие» [Хайдеггер, 1993, с. 403]. Результатом выступает итоговое оформление пространства мира – единственного, по мнению М. Хайдеггера, «действительного места» мира – места осуществления действия сил «раскалывания», которые производят постоянное «раскрытие» глубины, неизбежно сталкиваясь с «затворяющей» силой. Ведущую роль однако исполняет не параметр «глубины», а параметр «отношения глубины и поверхности», порядок их соотношенности.

Отношение глубины и поверхности значимо при выявлении взаимозависимости пространства и времени, рассмотрение которых со

времени Эпштейна и Минковского [Блохинцев, 2015] осуществляется в геометрии объединенно. Объединенная геометрия пространства–времени позволяет положить в основу упорядочения событий форму генетической связи между ними, обнаруживающая себя, прежде всего, в синхронистичности речевого потока. Синхронистичность К.Г. Юнг определял как устойчивое, повторяющееся появление определенного психического состояния индивида одновременно с некоторым внешним событием, которое осознается как осмысленная параллель [Jung, Pauli, 1955]. Дуада «психическое состояние–событие» и есть действительное место мира, в котором определяется порядок соотношенности глубины и поверхности, изображаемый предложением Л. Витгенштейна. Ни одно предложение, согласно позиции этого философа, не может репрезентировать то, что является общим для него и мира, т.е. ту форму, благодаря которой оно является точным образом.

Мультимедийная история, повествование, становится основой мультимедийной истории литературного языка, определяемой синхронистичностью и проявляющуюся в синхронистичности информационно-речевого потока.

В задачи литературной истории языка, по убеждению теоретиков французской литературы, входит изучение литературных свойств, особенностей и богатств главного наречия в его различных исторических стадиях. Историю, в таком случае, уместнее толковать как последовательность событий, соответствующих сопряженным переходам эпистемического процесса, язык же – как квазипорядок на множестве событий; литературную историю языка – как операционную историю программы (в данном случае при толковании понятий мы прибегали к понятиям, используемым в области распределенных вычислений в масштабируемых средах. Для операционных историй, историй параллельных процессов в распределенных средах, отношение переходов строится на передаче управления. Литературная история языка создает семантическое пространство, являющееся средой масштабирования когнитивных процессов, ориентированных на прагматистское мышление, которое располагает простой кодовой комбинацией, гарантирующей вход в пространство содержаний системы канонического обозначения, изложенной в богослужебных книгах. Элементы логической структуры мысли, выделяемые на основе простой кодовой комбинации, позволяют определить, какая система правил формирует «субстрат коллективной жизни» [Ларин, 1977] и какая модель мира грамматикализуется в «языковом быту». Сравнительно-исторический метод, активно работающий при изучении истории языка, распадается на две самостоятельные методические ветви: а) компаративную, выявляющую особенности функционирования в произведениях, принадлежащих одному историческому срезу, и структурно-семантических единств; представляющих логическую структуру; б) историческую, направленную на исследование наступления события – появления лексической единицы, синтаксической конструкции-связи, деривационного формата и т.п. – подразумевающего выполнение

условий готовности языковой системы как системы логических функций (ориентируемся вновь на область распределяемых вычислений) от других событий когнитивного и эпистемологического порядка.

Рассматриваемый с этих позиций литературный язык выступает в виде культивируемой обществом практики, с одной стороны, с другой стороны, в виде совокупности семантик, практик означивания, формирующих когерентный исторический дискурс – вербально артикулируемую форму объективации сознания. Следовательно, история русского литературного языка предстает как комментарий к практикам означивания процессов конфигурирования нарративной и метаязыковой функций познающего сознания, предел деятельности которого очерчивается эпистемологической ситуацией и метафизически ориентированным мышлением.

В основе подобного мегакомментария (история русского литературного языка) уместнее положить логико-методологический прием конфигурирования [Щедровицкий, 1995], особой мыслительной техники синтезирования разнопредметных знаний, различных представлений об одном и том же предмете. Принципы конфигурирования были разработаны в московском методологическом кружке как средство преодоления разрыва в социокультурной ситуации, обусловленного отсутствием общих логических и методологических принципов теоретического синтеза знаний, переноса знаний из одной области в другую и порождающего реальные теоретические и практические сложности в решении социокультурных проблем.

Особый статус русского литературного языка как системы объединяющей и в своей значимости равной при определении нации факторам территориальному, экономическому и психическому, был обозначен в связи с необходимостью определения гиперонимического компонента, обеспечивающего единство и целостность союзного государственного устройства (СССР). Русскому литературному языку предопределялось сыграть в истории становления государственных образований ту же самую роль, с которой в свое время справился язык Московского княжества, с одной стороны, выделив в самостоятельное государственно-структурное образование Московскую Русь – преемницу и вместе с тем христианско-политическую оппозицию Киевской Руси, завершающий цикл «византийского» преобразования восточных славян и начала поиска самоидентификационной формулы, оправдывающей выбор христианства в качестве жизнеобустраивающей силы и выявляющей (целесообразность цивилизационную) союза славянских племен «под одной» идеей. С другой стороны, закрепив за языком отдельного территориального образования право выступать в качестве семантической базы для языка государственной политики, или дискурса власти. «Процесс образования Московского государства, - пишет В.В. Виноградов, - объединенного постепенно все феодальные княжества и севернорусские народоправства, сопровождался концентрацией общерусских или способных стать общерусскими элементов в составе литературного языка. И тут роль народной струи стала еще более пестра и разнообразна. Несмотря на то, что общерусская литературно-языковая культура не могла быть целиком

пересажена на почву Руси северо-восточной, - в новую этнографическую и культурно-политическую среду. Здесь поток народных жизненных сил оказался не менее мощным и, во всяком случае, гораздо более богатым этническими и областными красками» [Виноградов, 1945, с.62].

Жизненные миры центрально-азиатского медийного нарратива мы рассматриваем через призму семиотической системы русского языка в многообразии коммуникативных предпочтений, которые способствуют институализации казахстанцев, таджикистанцев, кыргызстанцев и узбекистанцев.

Начиная разговор о казахстанском жизненном мире, рассматриваемом через призму медийного нарратива, следует отметить, что русский язык на постсоветском пространстве в настоящее время отвечает критериям плюрицентрических языков. Русский язык в Казахстане переживает стремительный и заметный процесс диверсификации. В настоящее время разнообразие русского языка в Казахстане очевидно на фоне кардинальных изменений в статусе и функциональном состоянии казахского и русского языков; сокращения числа носителей русского языка; фундаментальных изменения в казахско-русском двуязычии, отразившемся в кризисе языковой идентичности части казахстанцев в языковом сдвиге в сторону русского языка (корейцы, часть казахов, украинцы, малые этнические группы и др.); укреплении позиций казахского языка в бизнесе, культуре, образовании, СМИ, межнациональном общении; измененного вектора влияния языков (казахский русский) и открытости русского языка к устным и письменным заимствованиям, особенно в медиатекстах; наконец-то новое общение как потребность казахстанцев [Сулейменова, Аканова, Аймагамбетова, 2021]. Многолетнее лингвистическое и культурное пограничье, которое формирует интернализированное понятийно-мыслительная картина мира, присущая казахстанцам, стало фундаментальным фактором, стимулирующим диверсификацию процессов русского языка в Казахстане.

Недавнее исследование имён новорожденных детей в Казахстане иллюстрирует тенденцию «сближения» с иной культурой – это движение последних 20 лет в сторону коренных имен, арабских имен и вновь заимствованных европейских имен и шаблонов именования (в частности, двойные имена – необычное явление в традиционном казахском антропонимиконе). Количественный анализ показывает растущее разнообразие личных имен в использовании с женскими именами, отображающими большую степень инновационности, чем мужские личные имена [Ономастика Казахстана: аналитический обзор (подходы исследования онимов), 2018].

Современные учёные Казахстана интуитивно или манипулятивно обращаются в своих исследованиях [PR и СМИ в Казахстане, 2021] к таким темам, которые ориентированы на фундирование положительного имиджа страны на мировой информационной площадке, в том числе, в СМИ, в сознании международного научного сообщества. Для этого выбираются такие «языковые» направления исследований, которые отвечают заданному культурно-политическому вектору. Так, широко представлены

исследования по методикам преподавания английского языка детям Казахстана, по медиаграмотности – населения и журналистов. Выбор тем научных исследований нацелен на «заинтересованность» со стороны европейского и западного мира науки.

Одним из факторов влияния на картину мира носителей языка и воздействия на язык исследователи называют «неочевидный» фактор: язык изменяют не сами люди, язык изменяет тот образ жизни, к которому они стремятся. И.А. Куценко, как исследователь речи Геббельса, приходит к выводу, что «исследования эстетики языка показали, что смена власти может хорошо сказаться на риторике. Так случилось в Германии в 30-40-е годы. Выразительность и убедительность в языке стали условиями его прогресса. Язык испытал своего расцвета и в эпоху Сталина в СССР, и даже смог достичь своего апогея, став точным и истинным, перестав быть незатейливым» [Куценко, 2021].

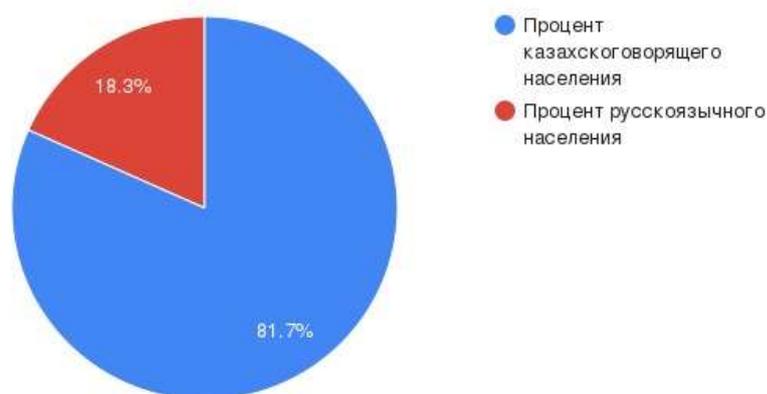

Рис. 1. Соотношение русскоязычного и казахскоязычного населения в Республике Казахстан

События тридцатилетней давности (объявление о суверенитете Республики Казахстан) привели к дерусификации территории. По данным Министерства статистики РК, за последние годы из страны уехали более 300 000 славянского населения. Есть данные о том, что эмигрирует не только славянское население в Россию, но и казахское население уезжает в США и Канаду. Из страны уезжает образованная и экономически активная часть общества. Повышенному интересу к эмиграции предшествует определенная политика государства, формирующая социально-экономический вызов.

Стремление добиться моноязычия в стране (директивный переход на латиницу, который должен закончиться к 2023 году) привело к тому, что кроме массового оттока русскоязычного населения и отсутствии тех, кто мог бы «поддерживать» русский язык (см. рис. 1), снизился уровень преподавания русского языка в системе образования РК. На «замену» урокам

русского языка пришли программы преподавания английского, финансируемые западными фондами. Но не только это. Политика государства ориентирована также на внедрение в систему образования обучение английскому языку. Русский язык в силу обозначенных причин ослабил свою объединяющую функцию. Поколение 90-х, выросшее и воспитанное на западных «курсах» английского языка, сегодня почти не знает русского языка.

Казахстанские журналисты отмечают, что деятельность иностранных фондов на территории РК «разрушительно» повлияла на русский язык и систему его преподавания. [Сухаревская]. Более чем 20-летнее присутствие на территории РК западных образовательных программ в области медиаграмотности, журналистики и преподавания английского языка (данные о них размещены на сайте Комитета информации Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан) «сменили» выбор «символов самоидентификации» с русского языка на английский.

Медийный нарратив Казахстана сыграл здесь свою роль. Анализ пятилетних исследований медиапредпочтений аудитории стран ЦА [Алимбекова, Шабденова, 2019] показал, что население Центральной Азии больше смотрит телевидение.

Исследования о выборе способа получения телесигнала говорят о том, что у большинства населения стоит спутниковое ТВ. Смотреть жители Казахстана могут программы национальных, российских, европейских и западных медиахолдингов. Самая высокая доля просмотров и процент предпочтений – у новостных телевизионных программ [Алимбекова, Шабденова, 2019].

При этом местные телевизионные каналы испытывают экономические и кадровые трудности: создают программы, неинтересные аудитории, или вовсе уходят с рынка. В исследовании «Интервью» о сфере медиа Казахстана [Исследование потребностей медиасообщества Казахстана, 2019] акцент сделан на провальной госполитике Казахстана: госинформзаказы отдаются определенному пулу СМИ, искусственно созданы экономически невыгодные условия работы, идет вытеснение расследовательской журналистики. Национальные СМИ, получающие дотации от государства, более-менее существуют, продвигая «заказ» Министерства информации РК, а независимые национальные СМИ вынуждены сокращать присутствие. Из национального медиапространства постепенно исчезают отечественные медиапродукты на казахском и русском языках. По данным британской Kantor TNS, более 54% содержания, просмотренного телезрителями Казахстана, – иностранные, преимущественно российские передачи, транслируемые кабельными и спутниковыми каналами. Рейтинг казахоязычных программ падает много лет подряд, зато зрители охотно смотрят продукцию «России-1», СТС или ТНТ. По данным на весну 2020 года, самым популярным шоу в Казахстане стало российское «Поле чудес».

Также место «сокращенных» национальных телеканалов занимают медиапродукты, созданные в языковой и культурной среде Запада (они

функционируют как на территории Казахстана, так и за его пределами, благодаря спутниковым каналам) и финансируются зарубежными фондами.

Одна из ключевых проблем развития текстовых СМИ в РК – уникальность контента. Около 80% публикаций – перепечатанные тексты из отечественных СМИ, по 12% от общего числа перепечаток составляют СМИ ближнего зарубежья и России. При этом в исследовании не указан «путь переводчика» – авторский или компьютерный. А это также напрямую связано с процессом и подбором кодов сигнификации журналистами, со спецификой «подачи» информационного материала и с его языком. [Ключевые проблемные вопросы развития СМИ: работа в условиях пандемии COVID-19, 2020].

Тотальная государственная дерусификация страны спустя десятилетия привела к возросшему интересу к русскому языку, как к инструменту для решения социально-экономических проблем человека. Проблема человека и социального мира, прозвучавшая, в том числе, в философской антропологии М. Шелера, таким образом обнаруживает себя в языковой идентичности. Современное казахское общество, та его часть, которую принято называть экономически активной, включая студентов, взрослых в условиях «насаждения» казахского и английского языков, молодых родителей – все они, оказавшись в условиях вытеснения русского языка (кириллической графики), начали проявлять повышенный интерес к его изучению спустя десятилетие. Причина кроется в процессах, идущих в стране и обществе, и в поиске человеком своего места в мире, в самоидентификации. Большинство казахов видят больше перспектив для образования, профессиональной реализации и жизненного благополучия не в родной стране, а в приграничной России, которая, к тому же, «тянет» культурно-языковыми корнями.

Государственная политика Казахстана в отношении дерусификации территории набирает обороты: к 2023 году в РК завершится латинизация казахского языка, все школьники будут обучаться на казахском. К причинам дерусификации можно отнести и нарастающую мировую русофобию в связи с обострившимися отношениями между Россией и Украиной в феврале 2022 года. Всё это происходит в то время, когда миллионы граждан Казахстана говорят на русском и интересуются русским языком (по данным исследования «Фонда Эберта», треть населения Казахстана владеет казахским языком), 80% литературы в стране – на русском языке, полмиллиона граждан РК официально числятся мигрантами в России [Мендкович].

Диверсификации русского языка в Казахстане способствуют факторы казахизации молодёжи (в силу вышеобозначенных тенденций в средней и высшей школе): в школах примерно 70% учеников-казахов, и только 51% выпускников сдают выпускные экзамены на родном языке. Президент Касым-Жомарт Токаев был вынужден предложить официально перевести преподавание естественных наук в казахстанских вузах на русский язык, который является основным для большинства профессий. При этом в школах наблюдается неравное преподавание русского и английского языков:

английскому языку отведено в полтора-два раза больше учебных часов, чем русскому.

Если мы обратимся к функционированию русского языка в медийном пространстве страны, то анализ казахстанских эфирных и онлайн-медиа показывает, что Интернет и телевидение высоко русифицированы: в топ-20 популярных сайтов национального сегмента входит 15 русскоязычных ресурсов; в поиске новостей, развлечений, кино пользователи из Казахстана практически не применяют казахский язык.

Параллельно дерусификации коннективных и коммуникативных актов, вытеснения целых групп русских слов из казахского языка видоизменяется и функционирование самого казахского языка. Он используется в узкой и специфической языковой среде – в официально-деловой сфере, в названиях территорий, городов и т.д., в именах, в чинах, должностях, в названии национальных блюд, видов спорта, предметов культуры. Меняющийся курс функционирования казахского языка как государственного, при слабом интересе к нему со стороны населения, приводит к росту популярности русскоязычного медиапространства и влияния социальной и экономической внутренней политики на выбор приоритетного языка в жизненном пространстве жителей Казахстана [Сулейменова, Аканова, Аймагамбетова, 2021].

Функционирование русского языка в Таджикистане мы рассматриваем с той же исторической точки организации событийного ряда, что и в Казахстане: распад Советского Союза в 90-х годах. После распада СССР из Таджикистана уехали 90% этнических русских и русскоязычных (см. рис.2).

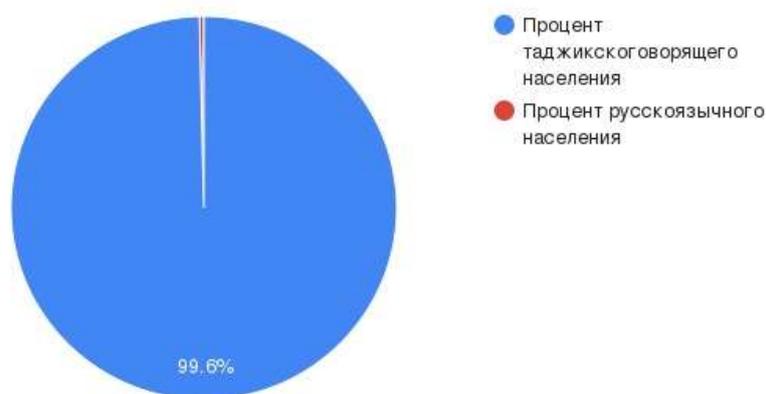

Рис. 2. Соотношение русскоязычного и таджикскоязычного населения в Республике Таджикистан

Говоря о функционировании русского литературного языка в Республике Таджикистан, отметим, что в государственной политике и в

отечественных СМИ как структуре, формирующей медийный нарратив, идет процесс дерусификации, а в гражданском обществе наметилась тенденция к русификации мира.

Активная дерусификация в Таджикистане началась в 2009 году с внесением изменений в «Закон о государственном языке». С этого момента национальный язык стал обязательным в деятельности органов государственной власти, органов самоуправления поселков и сел, а также юридических лиц. Профессор кафедры Центральной Азии Университета имени Гумбольдта в Берлине Луц Жехак (Lutz Rzehak) называет принятие закона «смелым шагом», хотя, по его свидетельству, эта мера оказалась неожиданной для сотрудников многих министерств, которые признаются, что таджикский язык как язык официально-делового общения им не вполне близок: «Да, мы сначала пишем на русском языке, потом переводим на таджикский».

Изменение в статусе таджикского языка было воспринято российскими СМИ как «унижение статуса русского языка в Таджикистане» [Сафаров, 2013]. Однако есть моменты, которые позволяют размышлять о том, что интерес к русскому языку в Республике Таджикистан будет расти.

Один из таких моментов – стремительно растущий миграционный интерес к России как со стороны экономически-активного взрослого населения, так и со стороны молодёжи и студентов. В 2021 году в Россию въехало более одной пятой населения Таджикистана – 1.6 млн. человек. [Ибрагимова]. А маршруты учебной миграции поменяли вектор движения с западно-европейского направления в начале нулевых, когда европейские и американские благотворительные фонды начали свою активную деятельность в Таджикистане, на российско-азиатское в середине 2000-х годов, когда государство определило для граждан Таджикистана квоты на обучение за рубежом. Сегодня большинство таджикских студентов учатся в вузах России и Китая [В Минобразования рассказали, сколько таджикских студентов учится за рубежом]. При этом уровень владения русским языком у этих категорий населения остается крайне низким. И этому способствовала та «языковая» среда, которая менялась и формировалась в последние 20 лет. Какие же факторы повлияли на нее? Это и социально-экономические факторы, и многолетняя государственная политика страны.

Первый фактор, повлиявший на трансформацию языковой среды, это, как мы уже сказали, отток русскоязычного населения. Из него вытекают второй и третий факторы: сокращение русскоговорящей аудитории СМИ и сокращение числа русскоязычной прессы и медиа – ее стало некому читать.

Если обратиться к статистике, то можно наблюдать, как в Таджикистане «исчезали» русскоязычные издания. В 1998 году в РТ на русском языке выходило более 30% печатных СМИ. В начале 2011 года – 17% от общего количества являлись русскоязычными и двуязычными (выходящими на русском и таджикском языках). Сейчас, по данным исследований, в современных медиа Таджикистана (преимущественно, печатной прессе) прослеживается тенденция русификации, но на медиарынке нет грамотной продукции на русском языке из-за низкого

уровня владения русским языком у журналистов. В республике на сегодняшний день проживает довольно незначительное число русскоговорящих граждан, на которых в первую очередь рассчитана продукция русскоязычных СМИ [Хужаназарова, 2013 год].

Кроме этого, СМИ РТ испытывают финансовые проблемы, не получают поддержки со стороны правительства РТ; медиа не хватает квалифицированных русскоязычных специалистов. Это не менее важные факторы, повлиявшие на изменения в медийном нарративе.

Опустевшее место русскоязычных СМИ «заняли» Западные медиа, пришедшие в Таджикистан в компании иностранных благотворительных фондов в рамках гуманитарных миссий 20 лет назад.

Сегодня в Таджикистане, как и в других странах ЦА, продолжают функционировать десятки международных фондов и реализуются программы по поддержке медиасообщества. В основном – британско-американские. Они занимаются «усилением» всеобщей медийной грамотности, содействием новостным отделам СМИ, а также «улучшением их финансовой устойчивости» [«Internews в Таджикистане»].

Эти же фонды реализуют свои образовательные программы. Современные школьники учат английский язык наравне с русским, медиаструктуры получают навыки работы с информацией (отбора фактов, написания текстов) по западным шаблонам. Появление в Таджикистане долгосрочных образовательных медийных программ, финансируемых Западом, дополнительно характеризует язык и идеологию медийной среды: появляются новые формы и стили подачи информации, считает М. Мукимов, доктор филологических наук, профессор кафедры международной журналистики ТНУ [Мужимов].

Цель появления таких программ в странах ЦА, по мнению таджикских исследователей, – «снизить влияние российской пропаганды, обучить медиасообщество сбалансированной подаче материалов в СМИ». Другие исследователи называют такое «образование» СМИ и общества «информационным нажимом» на страны ЦА [Шустов]. По факту же произошла эволюция медийной среды, в которой стало значительно меньше русскоязычной прессы.

Другой языковой характеристикой медиасреды можно назвать широкий охват зарубежными СМИ таджикской аудитории. По данным исследования 2019 года, таджикистанцы отдают предпочтение иностранному вещанию. Таджикские медиа пока не смогли занять рынок.

К «ориентации» на Запад можно отнести и тот факт, что в Таджикистане с 2014 года присваивают научные степени PhD (доктор философии, примерный аналог российской степени кандидата наук). К созданию собственной ВАК руководство республики подтолкнула остановка деятельности 38 российских диссертационных советов [Сангов].

Для оценки функционирования русского языка в Таджикистане, как и в других странах ЦА, имеет значение та медиасреда (ее медийный ландшафт и территориальная семантика), в которой выстраивается коммуникация между СМИ и аудиторией. Таджикистан оказался медийным «свидетелем»

«столкновения интересов геополитических игроков, прежде всего, России и США» после событий 11 сентября 2001 года. СМИ в Таджикистане, поддерживаемые западноевропейскими фондами, стали инструментом воздействия на русскоязычную аудиторию.

Идеологическое воздействие США на Таджикистан реализуется как посредством СМИ, выходящих извне, так и в официально функционирующих в стране СМИ, имеющих сходство с первой группой в плане освещения происходящих в стране событий. По мнению таджикских учёных, через СМИ, финансируемые США, транслируется антирусская позиция [Салимов., 2020].

Современные медиа Таджикистана не могут конкурировать с зарубежными медиа, так как предлагают аудитории неинтересное содержание. Таджикские медиа почти не производят тот информационный продукт, который ждёт от них аудитория. Значительная часть населения республики получает информацию из зарубежных источников – прежде всего, российских и узбекских государственных телеканалов [Гайсина]. Таджикские СМИ открыто говорят о том, что им нужна грантовая зарубежная поддержка (финансирование и обучение), чтобы стать конкурентноспособными на рынке медиа.

По объективным и субъективным причинам в условиях вялотекущего кризиса таджикские медиа находятся уже давно: в республике мало специалистов, ограниченные рекламные бюджеты, плюс давление со стороны властей, которое не позволяет журналистам создавать актуальные материалы [Гайсина, 2020]. Также в числе «основных проблем русскоязычных СМИ», помимо нехватки кадров, финансов и техники были отмечены проблемы распространения, налоги и слабая социальная активность со стороны читателей и властей, качество печати изданий [Муллоев, 2015].

Несмотря на лидирующие позиции национального ТВ и радио, таджикская аудитория предпочитает смотреть иностранные каналы. На приграничных территориях востребован телевизионный контент соседних государств: Афганистан, Узбекистан, Россия. Зарубежные телеканалы занимают 51 % от всей доли рынка. Почасовой анализ теле- и радиовещания на разных языках показывает, что русскоязычных программ – не более 10-20%. Исследователи считают, что население страны уязвимо перед влиянием зарубежных ТВ и радио [«Internews в Таджикистане»].

Содержание газет не удовлетворяет потребности аудитории. К примеру, во всех независимых еженедельниках Таджикистана освещаются почти одни и те же темы [Мукимов, 2016]. Государственная политика поддержки неконкурентных отечественных СМИ в виде экономических, налоговых и других преференций не меняет предпочтений аудитории, которая идет за «интересным» иностранным содержанием [Исследование аудитории СМИ Таджикистана. 2019].

Что касается использования русского языка в СМИ, то большинство газет в Республике Таджикистан издаются на таджикском языке, всего несколько десятков на русском и узбекском (узбеки составляют более 20%

населения). Все радиостанции и каналы государственного ТВ вещают на таджикском и русском языках с преобладанием таджикоязычных программ (соотношение примерно 70/30% эфира).

Исследователи констатируют, что «русский язык в Таджикистане знают все меньше и хуже — падает уровень преподавания, сужается русскоязычная среда. В таджикоязычных школах из программы исключён предмет русской литературы, сокращено количество часов преподавания языка. Как считают эксперты, всё это факторы риска для дальнейшего развития в республике русскоязычных медиа.

Миропонимание таджикистанцев формируется потоком западной прессы, европейскими образовательными программами, английским языком, иностранной идеологией при отсутствии качественных отечественных медиа, достаточного количества школ, в которых преподают русский язык, нехватки педагогов русского языка и низкий уровень их подготовки, обнищания языка русскоязычных медиа, при этом в стране на государственном уровне закреплено обязательное изучение русского, но из 100 школ с русским языком преподавания, бывших в советское время, в Таджикистане сегодня функционируют только 17.

Все это модифицирует языковую среду таджикистанцев. Во всех исследованиях, в которых упоминается и анализируется современное состояние русского языка в Таджикистане, как языка межличностного общения, отмечается крайне низкий уровень владения им. Сегодняшняя молодёжь в Таджикистане практически не знает русского языка. Хотя мотивация учить его высокая - трудовая и образовательная миграция, набирающая обороты.

Языковая политика современного Таджикистана характеризуется определенной противоречивостью, что отражается, в первую очередь, на статусе русского языка, который законодательно ограничивается в сфере применения; этот процесс в определенной степени противоречит потребностям населения республики, особенно молодежи (нацеленной на работу в России); в частности, по данным М. Нагзибековой, русский язык чаще используется гражданами Таджикистана в компьютерной и интернет-коммуникации. [Усмонов, 2011].

Сохранив статус языка межличностного общения, русский язык в Таджикистане испытывает дефицит того самого общения. Русскоязычного населения почти не осталось, преподавание русского языка находится в кризисе из-за нехватки кадров и их подготовки, учебных часов по русскому языку в школах недостаточно, медиа как инструмент, формирующий языковую среду, не способны выполнять свои функции по формированию национального нарратива. Процессы глобализации и рост трудовой и учебной миграции требуют высокого уровня владения русским языком. Есть надежда, что планы по объявлению в странах СНГ в 2023 году Годом русского языка внесут положительные коррективы в текущую ситуацию.

Киргизский писатель Чингиз Айтматов на вопрос о том, на каком языке он думает, отвечал, что «оба эти языка... как правая и левая рука — это дар истории, дар судьбы... Через русский мы познаем мир, через этот язык

знакомимся с мировыми тенденциями и достижениями. Для кыргыза эти два языка как два крыла». Посмотрим, как они функционируют на территории страны, в каком процентом соотношении и в каких процентах медиапотребления существуют (см. рис.3).

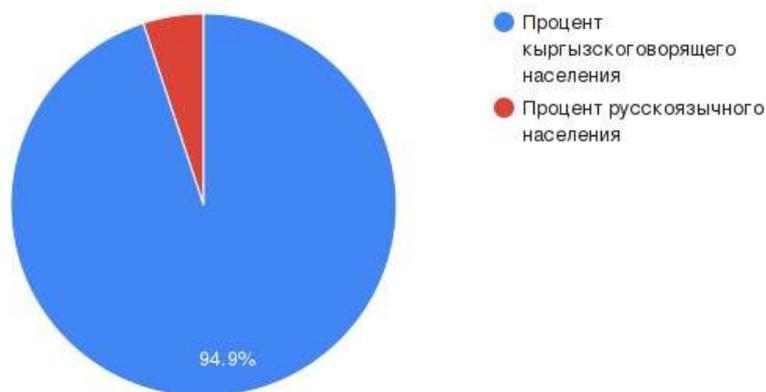

Рис. 3. Соотношение русскоязычного и кыргызскоговорящего населения в Республике Кыргызстан.

Сегодня в Республике Кыргызстан русским языком владеют около 73% населения. И это несмотря на то, что после распада СНГ из Киргизии уехало по разным данным от 75 до 90% русскоязычного населения, а поколение, рожденное в 90-х, уже училось киргизскому на латыни.

По данным социологических исследований 2017 года, основным языком общения в семьях являлся кыргызский (67,6%), русский (16%) и узбекский язык (13%) [Медиапредпочтения населения Кыргызстана, 2017]. При этом 79% жителей Киргизии считает русский вторым родным языком, наравне с киргизским.

Национальная культура этой страны традиционно двуязычна, так как русский является языком науки и искусства, включая классическую национальную литературу. Сегодня киргизский язык имеет статус государственного языка, а русский – статус официального языка общения в стране. Огромный пласт культурного наследия республики создан на русском языке. И отказаться от него, значит, в прямом смысле отказаться от массы кириллических и русскоязычных текстов, сохраняющих культурное наследие.

Характерной особенностью медиапространства Кыргызстана остаются традиционные виды СМИ, в частности, для населения значимость телевидения остается на высоком уровне. Также развиваются и функционируют новые медиа, способствующие расширению аудитории и усилению влияния на массовое сознание. Пользователями социального медиа является, в основном, молодое поколение. [Токсоналиева, 2021].

Основным источником информации киргизы считают телевидение, а наиболее предпочитаемые типы программ - новости. Киргизский язык как государственный язык остается основным языком телевидения. Русский язык занимает второе место. Информационные программы практически всех телеканалов Кыргызстана со времени создания были двуязычными: в эфир программы выходили на киргизском и русском языке в равном соотношении. Двуязычие как структурный принцип вещания присутствует в эфире государственного телеканала.

В период становления республиканских электронных СМИ телевидение Киргизской ССР покрывало эфир с помощью передач Центрального телевидения. В постсоветское же время таким программным продуктом для электронных медиа современного Кыргызстана стали передачи федеральных российских телевизионных компаний [Мырзагулов, 2007].

В начале 2000-х национальный телевизионный рынок пополнился выпуском новостей и на узбекском языке. Инновационной формой вещания в национальном эфире можно считать появление англоязычного вещания на негосударственном телеканале КООРТ [Мырзагулов, 2007]. Но интересно, что 59% потребителей новостного контента электронных СМИ отдают предпочтение русскому языку. А наиболее предпочитаемые языки телесмотра – русский (38%) и киргизский (54%) [Исследование 2021 года].

Таким образом, сегодня в медиапространстве Кыргызстана функционируют киргизский язык, русский (в качестве второго языка в двуязычных СМИ – в газетах, в информационных агентствах и ТВ), английский, узбекский, а также казахский, турецкий и другие языки. На киргизском языке вещание составляет 70% [Алымбаева, Алимахунов, 2021]. Но в структуре национального вещания доминируют телепрограммы на русском языке с учетом ретранслируемых российских телевизионных программ. Программы собственного производства обеспечивают не более 40% потребностей общего объема вещания.

Практика ретрансляции российских программ обеспечивает национальным телеканалам Кыргызстана возможность показа международных событий. Республиканские СМИ не имеют технических и организационных возможностей самостоятельно решить данный вопрос. Для киргизских электронных СМИ проблема большого количества ретранслируемых передач остается актуальной до тех пор, пока существует система ретрансляции зарубежных телеканалов негосударственными телекомпаниями Кыргызстана. Интенсивный рост национальных вещательных субъектов на территории страны не изменил эту ситуацию.

В рейтинге телеканалов страны в начале 2000-х годов лидировал государственный канал КТР, на втором месте был музыкальный канал КТР и замыкал тройку лидеров ОРТ (Первый, Россия). Позиция российского телеканала на территории Кыргызстана остается сильной и по сей день.

Телевидение и радиоканалы, согласно законодательству КР, не меньше половины эфирного времени должны вещать на государственном языке. Отметим, что в значительном количестве в СМИ сильна позиция и

официального языка – русского, особенно в электронных СМИ. По данным исследовательской компании М-Вектор, наиболее потребляемыми жанрами в Кыргызстане являются короткие новостные заметки: 87% опрошенных отметили этот жанр.

В Министерстве юстиции Кыргызстана зарегистрировано более полутора тысяч СМИ, однако подавляющее большинство из них не функционируют. Наиболее распространенная причина – отсутствие финансирования. Реально работающих редакций, оказывающих влияние на медиа пространство республики – около 210. Надо сказать, что эта цифра непостоянная и регулярно меняется, так как часть изданий закрывается, другие выходят на рынок. Большая часть изданий – печатные (то есть газеты и журналы) – 159, телевизионных каналов – 25, радиостанций – 26.

Согласно законодательству, не менее 50% эфира должны составлять передачи на кыргызском языке. Однако, создание собственного контента на госязыке, учитывая небольшие размеры рекламного рынка, является слишком дорогостоящим занятием. Отечественному телепроизводству просто нечем заполнять эфиры (не делают они столько качественного медиапродукта), поэтому, просто ретранслируют передачи российских каналов, а в прессе высокий процент перепечаток из иностранных СМИ.

В то время как в мире наблюдается тенденция к ограничению иностранного вещания в целях усиления информационной безопасности, в Кыргызстане зарубежное радио- и телевещание занимает более 70% киргизского эфирного времени. Это означает, что киргизский рынок идей – скуден и беден, телеканалы, в лучшем случае, – копируют телепрограммы соседних государств, таких как Казахстан, Китай, Россия и Узбекистан. Телекомпании, несмотря на богатый исторический, фольклорный, культурологический материал, не занимаются патриотическим воспитанием киргизского телезрителя, – не производят собственные познавательные программы, телефильмы, мультфильмы. Политика государства в Кыргызстане «поддерживает» киргизский язык и кыргызоязычные СМИ, а потребности населения в русскоязычном медиаконтенте не закрываются [Максимова, 2021].

Действующие политические силы, научное сообщество разделились во мнении относительно дальнейшей судьбы русского языка в Кыргызстане. С одной стороны, настаивают на моноязычии и намерены продолжить реформу, переведя в ближайшее время официально-деловую документацию на киргизский язык. С другой стороны, предлагают оставить двуязычие, понимая культурную и экономическую важность русского языка.

Русский язык пытаются лишить официального статуса в Киргизии уже несколько лет. В 2020 году при обсуждении конституционной реформы с таким предложением выступил член Конституционного совещания Садирдин Торалиев. В стране подготовили законопроект, ограничивающий использование русского языка в публичной сфере. И произошло это почти сразу после серии нападений на русскоязычных граждан. При этом президент Киргизии Садыр Жапаров продолжает выступать за сохранение и развитие русского языка и культуры, а общественность требует создать

новые русские классы в школах, так как имеющиеся переполнены, в школах не хватает учителей русского языка и русскоязычных «предметников», недостает учебников, доступа к онлайн-ресурсам. Особо тяжелая ситуация в сельской местности, где проживает более половины населения страны. А количество родителей, желающих учить детей русскому языку, увеличивается.

Николай Удовиченко, посол России в Киргизии, считает, что принятие законопроекта о лишении русского языка официального статуса приведет к сокращению сферы применения русского языка, закрепленного в Конституции в качестве официального, сужению прав русскоязычных граждан, продолжению оттока русскоязычного населения из республики [Фонд «Русский мир»].

Другим не менее угрожающим фактором исчезновения русского языка в Киргизии исследователи, филологи, ученые и журналисты называют деятельность международных благотворительных фондов. Действующие на территории ЦА международные фонды (Сорос, ЮНЕСКО, ООН, Интерньюс, Deutsche Welle и другие, которые открыто работают и в Таджикистане, и в Узбекистане, и в Казахстане, и в Киргизии) вкладывают десятки миллионов долларов в финансирование проектов по медиаграмотности населения и журналистского сообщества. Проводят медиа-исследования, издают учебники и пособия по медиаграмотности и работе в медиа. Российские учёные считают эти проекты небезопасными для национальной идентичности, характеризуют подачу обучающего материала как одностороннюю и посягающую на культуру народа методикой. В свое время в России эти фонды признали иностранными агентами и запретили вести любую деятельность.

В Кыргызстане обнаружилось учебные пособия в соавторстве с англоязычными авторами, где говорится о западноевропейских форматах подачи новостей и их «правильности», а также исследования ЮНЕСКО и Сороса, которые «рекомендуют» киргизам изучать иностранный язык, например, английский. Такое «перевоспитание» населения и медийных элит (медийные, политические и культурные элиты – журналисты, госслужащие и преподаватели вузов – которые могут влиять на широкие аудитории) нужно Западу для противодействия информационному влиянию России в ее ближнем зарубежье, считает международный обозреватель, кандидат исторических наук А. Шустов, [Шустов]. Это может привести к тому, что к власти в регионе придут люди, воспитанные на западных «демократических» ценностях и совсем не стремящиеся развивать отношения с Россией.

Не отстаёт и Американский университет в Центральной Азии. Этот вуз, помимо того, что готовит журналистов по своей учебной программе, ещё и ежегодно проводит международные семинары «Летний институт по журналистике в Центральной Азии». На этих семинарах каждый год проходят обучение по 40 слушателей из Кыргызстана и стран региона [Исаев].

Агрессивно-просветительская кампания международных организаций вовлекает в обучение медиаграмотности все слои населения в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Так, например, с 2017 года в школах Кыргызстана по программам иностранных проектов начали учить отличать в СМИ правду от лжи.

Масштабные международные медиаобразовательные проекты, как следствие процессов глобализации и информатизации, приведут, по мнению ученых Центральной Азии, к унификации национальных культурных традиций, вместо того, чтобы сформировать у детей и молодежи национальную идентичность [Федоров, 2020]. Ведь в западноевропейских пособиях для журналистов и представителей других профессий из стран СНГ не говорится о защите национальных культурных ценностей, но только утверждается незыблемость прав граждан на свободу самовыражения, выбора информации и необходимость их защиты от ложной информации.

Н.И. Стадниченко небезосновательно утверждает, что через СМИ «молодежь чаще принимает за собственные ценности постулаты американского и западного образа жизни, те стандарты массовой культуры и потребления, которые характерны для менталитета населения Европы и США» [Стадниченко]. Поэтому он предлагает «активно использовать осуществление государственной пропаганды собственной системы ценностей посредством СМИ» [Стадниченко].

Чтобы описать и понять медийный нарратив Узбекистана, стоит обратиться к функционированию СМИ в стране, к медиапредпочтениям населения, к государственной политике в отношении СМИ, а также к статусу узбекского и русского языков.

Самые популярные медиа в Узбекистане – это телевидение и печатные СМИ (толстые журналы). Эпоха глобализации и высокая конкуренция в сфере журналистики вытолкнула медиаструктуры на путь конвергенции контента. Это, с одной стороны, привело к унификации подачи новостей, к тому, что во всех регионах и континентах распространяются одни и те же факты, сюжеты, клипы, реклама, развлекательные шоу и т. д. С другой – сделало необходимым использовать все современные каналы коммуникации и распространения информации. Узбекская журналистика в настоящее время представляет собой разветвлённую сеть печатных и онлайн-изданий, радио и телевидения, использует новые медиатехники и социальные сети, использует все медийные форматы – печать, радио, телевидение, сайт, порталы и различные платформы.

По результатам последнего исследования Internews, подавляющее большинство респондентов всех возрастов в Узбекистане в качестве поставщика медийного контента предпочитает телевидение. Интернет проигрывает в два-три раза. Только 57,7% респондентов вообще пользуются Интернетом.

Телевидение же не только обладает наибольшим охватом аудитории, но развивается успешнее, чем в других странах ЦА. Телеканалы производят много собственных программ и переводят рейтинговые программы России, Америки и других стран [Internews].

Производство большого количества собственной интеллектуальной медиапродукции, по мнению исследователей, – одна из причин поддержания высокой планки культуры СМИ в Узбекистане. В новой постсоветской медийной модели Узбекистана «мир исследуется с философской и духовной позиций, рассматривается глазами представителя узбекской интеллектуальной элиты» [Эрназаров, Ирназаров, Войтик, 2020].

«Положительную» трансформацию медиарынка Узбекистана связывают с проведением благоприятной для развития СМИ государственной политики. Эксперты медиарынка говорят о «расцвете узбекистанской прессы» при президенте Ш.М. Мирзиёеве. При нем в 2018 году создали национальный Медиасовет Узбекистана, началась разблокировка новостных ресурсов, занимающихся расследовательской журналистикой, создан первый в стране Университет журналистики и массовых коммуникаций, а с 2020 года факультеты журналистики начали открываться и в других вузах республики.

Также подготовкой и переподготовкой журналистских кадров, и обучением медиаграмотности населения занимаются международные фонды. Медиаобразование студентов и специалистов в Узбекистане поддерживают и проводят посольство Британии, Интерньюс, Юнеско, Сорос, ООН, академия Deutsche Welle (Германия) и BRYCA (финансируется ЕС), National Endowment for Democracy, Фонд им. Конрада Аденауэра. Юнеско способствует выпуску учебных пособий. На уровне государства и системы образования Узбекистана поддерживаются тренинги, школы, семинары и другие инновационные обучающие форматы журналистике и медиаграмотности от западных преподавателей и организаций. Многие включены в вузовские программы направлений подготовки.

Деятельность международных фондов на территории стран ЦА оказывает влияние на выбор формы и ракурса подачи журналистских материалов, семантику текстов, выбор языковых конструкций, что, в свою очередь, формирует медийный нарратив аудитории. На языке медийных текстов и процессах в русском и узбекском языках хотелось бы остановиться подробнее.

Большинство населения Узбекистана говорит по-узбекски и на этом же языке потребляет контент (см. рис.4). Поэтому он гораздо популярнее и собирает больше просмотров, чем аналогичный на русском, даже если его качество окажется выше [Солод, 2020].

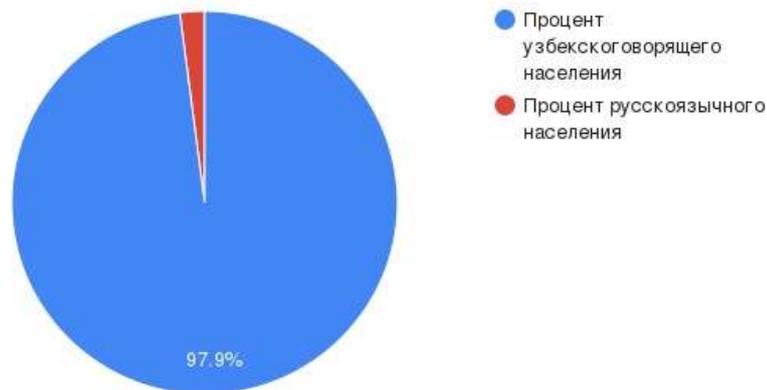

Рис. 4. Соотношение русскоязычного и узбекскоговорящего населения в Республике Узбекистан

В Узбекистане намного популярнее СМИ на узбекском языке. Они имеют аудиторию многократно больше, нежели русскоязычные СМИ. Русский язык наиболее распространен в самом экономически активном регионе Узбекистана, в Ташкенте.

Для узбекоязычных СМИ характерно большое количество переводных международных новостей из иностранных СМИ. Эти новости занимают большую часть повестки дня, оставляя пространство для местных новостей. В русскоязычных СМИ Узбекистана международных новостей практически нет, а жизнь в регионах освещается слабо ввиду отсутствия там своей аудитории и корреспондентов. В СМИ на узбекском языке чаще встречаются материалы на религиозные темы, поднимающие вопросы национальной идентичности, языка, истории. В русскоязычных СМИ такие материалы крайне редки [Gulnara inanch. О реформах в Узбекистане на пути повышения роли СМИ в жизни государства и общества. 2021].

Согласно Национальной поисковой системе Узбекистана www.uz, самым посещаемым сайтом в стране в 2019 году стал узбекоязычный портал daryo.uz. По данным системы, этот сайт посещают в день более 431 тысячи читателей, количество просмотров составляет более 2,5 млн., что является самым высоким показателем среди всех СМИ Узбекистана. На втором месте по посещаемости стал также узбекоязычный сайт qalampir.uz с 69800 посетителями в день. На третьей позиции – издание gazeta.uz, публикующее новости на русском и узбекском языках.

В социальных сетях как источнике новостных материалов у тех новостных агентств, которые не пишут на узбекском, больше подписчиков у русскоязычных версий. А у тех изданий, которые выкладывают контент на узбекском языке, больше подписчиков узбекскоязычных версий.

Отечественные СМИ «учли» интерес местной аудитории к качественному контенту и узбекскому языку. Местные издания, выстроив

процесс медиакоммуникации на родном языке, и сохранив высокую культурную планку контента, решили главную задачу аудитории: задачу самоидентификации через медийный нарратив.

Ориентация на узбекоговорящую (преобладающую) часть населения стала логичным следствием исторических событий. После распада СССР народы, входившие в его состав, оказались разделены границами новых суверенных государств. Вопросы статуса языка, роль языка в сфере образования и других сферах стали важнейшими для выстраивания территориальной независимости. В 1995 году в Узбекистане русский перестал считаться «языком межнационального общения», и официальным, государственным, остался только узбекский язык. «Однако, даже не имея на протяжении последних 20 лет никакого статуса «де-юре», он оставался в активном использовании – особенно в бизнесе и экономике» [Нурмаков]. А в условиях роста и изменения демографии пользователей интернета, будет увеличиваться и спрос на узбекскоязычные ресурсы, особенно в коммерческом секторе, считает А.Нурмаков. «Успешность многих проектов будет определяться тем, насколько быстро они смогут сориентироваться на узбекоговорящих пользователей» [Нурмаков].

Заинтересованность населения поддерживать грамотный уровень русского языка могла бы сформироваться интересом к трудовой миграции. По статистике свыше 2,5 млн. узбекистанцев постоянно находятся за рубежом в качестве трудовых мигрантов. Подавляющая большая часть узбекистанцев работают в России (примерно 80%). Но трудовая миграция в страны дальнего зарубежья постепенно увеличивается. География миграции с целью поиска работы стала меняться, и в последние 5 лет наблюдается устойчивая тенденция роста трудового потока в США, Турцию, Израиль, Южную Корею, ОАЭ и Казахстан. «Если учесть, что количество экономически активного населения составляет 14,6 млн. человек, то это означает, что примерно каждый пятый узбекистанец работоспособного возраста является трудовым мигрантом, а каждый седьмой «экономически активный» гражданин находится в России». [Из интервью министра занятости и трудовых отношений Ш. Кудбиева].

Трансформационные процессы, которые мы наблюдаем в языках территории Узбекистана, филологи и лингвисты уже обозначили как «взаимный дрейф» языков. Этому способствуют и принимаемые законы, и жаркие дискуссии вокруг них, и споры о статусе русского языка. Законопроект о наказании госслужащих за ведение делопроизводства на русском языке разделил общество Узбекистана на два лагеря. Законопроект предполагает узаконить штрафы за русский язык в делопроизводстве, вывести русский язык из употребления.

По мнению научного сотрудника Интернационального культурного центра Республики Узбекистан Ш. Ш. Муталова, русскому языку в Узбекистане целесообразно придать статус если не второго государственного, то официального. А пристального внимания требует английский язык в Узбекистане, который изобильно используется в названиях и в речи. Причиной появления английских слов и выражений в

речи узбекоговорящего населения стали результаты работы международных фондов на территории Узбекистана, а также образование, которое молодые узбеки получают за границей и которые возвращаются в республику с хорошим знанием английского языка.

«Вот теперь эти выпускники хотят ввести английский язык в обращение. К ним следует прибавить тех, кто по программам ЮСАИД (USAID) США и Британского совета (the British Council), которые работали в Узбекистане с начала 90-х до 2005 года, проходили стажировки и повышение квалификации в указанных странах, и кто, хотя и не все, заняли должности. В результате... вклада в развитие узбекского языка не будет, но есть вероятность, что будут потери в экономике, культуре и образовании». [Муталов].

Декан факультета иностранных языков и гуманитарных наук Самаркандского государственного университета Альбина Абдуллаева отмечала, что «молодое поколение уже не знает русского языка даже на бытовом уровне. Те, кому за 50 лет, говорят на хорошем литературном языке, а молодые больше знают английский, чем русский. Много факторов влияет на постепенное вытеснение русского языка из обыденной бытовой и культурной сферы» [Ткачев].

Государственная политика по развитию и укреплению узбекского языка, использование разных алфавитов в одном языке и неминуемый переход узбекского языка с кириллицы на латинскую графику, замена русской лексики на английскую привнесут в состав современного русского языка – заметные изменения, считают лингвисты. В последние годы, например, проявилась и заметно усилилась тенденция не переводить ряд распространенных слов с узбекского на русский, а воспроизводить их без изменений.

Все эти наблюдения в целом дают основания говорить о некотором дрейфе узбекского и русского языков навстречу друг другу и формировании на их основе двух разных, но весьма своеобразных «койне», имеющих тенденцию к взаимному сближению, считает Ю. Подпоренко. [Подпоренко].

Исследовательский интерес ученых Узбекистана вызывает не только тема функционирования и трансформации русского языка как тема, отражающая важные и актуальные процессы в обществе. Почти две трети статей лингвистов-филологов в гуманитарном «Вестнике Хорезмской академии Маъмуна» в одном из номеров 2021 года посвящены функционированию и методикам преподавания английского языка. Интерес науки к английскому языку следует из меняющегося речевого поведения населения Узбекистана.

Русский язык, перестав быть официальным после распада Советского Союза, в течение последующих лет неуклонно сдавал позиции социально значимого языка и в ряде сфер заменялся и продолжает заменяться на государственный. А в некоторых странах как, например, в Узбекистане, на английский (в именовании объектов торговли и включения в речевую деятельность). С другой стороны, в последние три-пять лет все отчетливее проявляется отношение к русскому языку как к языку практически

необходимому в качестве дополнительного инструмента в речевой самоидентификации. В силу этого нарастают изменения в его словарном составе и сужаются сферы его употребления. По мнению лингвистов, изменения в составе и грамматике русского языка могут со временем стать существенными. Тот факт, что в странах ЦА еще функционируют русскоязычные медиа (см. рис.5), и интерес к ним сохраняется как у русскоязычной части населения, так и у представителей титульных наций, дает основание предполагать, что развивать русский язык на территории Средней Азии необходимо.

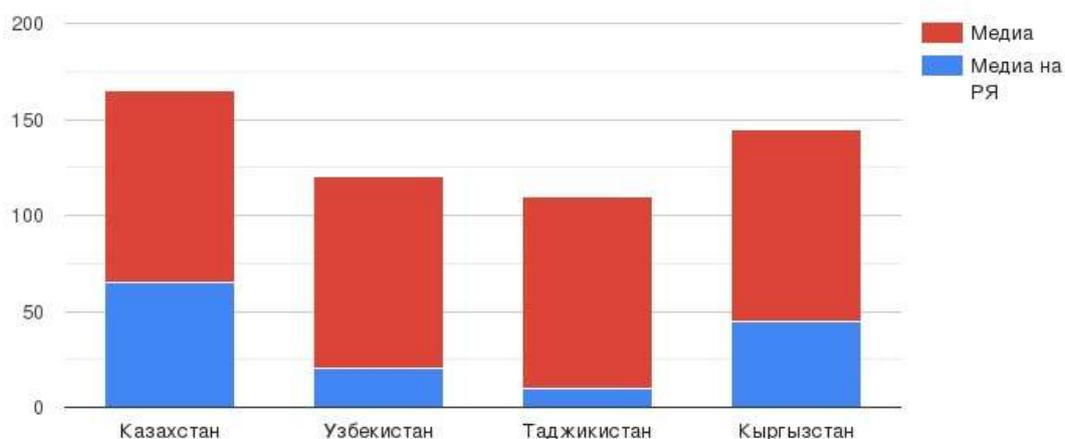

Рис. 5. Соотношение количества медиа на русском языке в составе всех медиа, выходящих в странах Средней Азии

Данные позволяют сделать заключение, что для стран ЦА, представленных в обзоре, по разным причинам актуален грамотный русский язык. В Казахстане и Кыргызстане на данный период времени проживает наибольший процент русскоговорящего населения и выходит наибольшее количество СМИ на русском языке. Из Узбекистана и Таджикистана ежегодно в Россию уезжает больше всего мигрантов (см. рис.6).

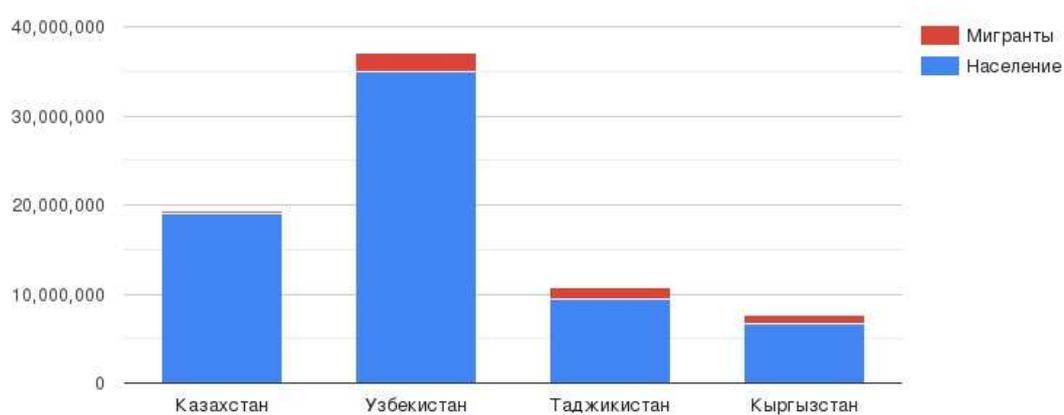

Рис. 6. Соотношение числа населения стран Центральной Азии и количества трудовых мигрантов, которые официально выезжают за пределы своих стран

Русскоязычная среда эффективно существовала в то время, когда в странах Центральной Азии было больше русскоязычного населения и медиа, когда для СМИ и системы образования продолжали существовать формальные гарантии (издательский государственный план, поддержка и финансирование прессы и русскоязычных школ). В изменившихся условиях изменилась и русскоязычная среда. Истекшее двадцатилетие оказалось для русского языка в странах Центральной Азии разрушительным. Это выражается в том, в каком виде функционирует русский язык в этих странах.

Исследования говорят о крайне низком уровне владения языком и высокой безграмотности, о функционировании преимущественно разговорного стиля. Выражается разрушение языка и в большом массиве исследований медиа- и языкового предпочтений населения, в государственной политике по дерусификации, по агрессивной форме протеста всему русскоязычному (как в Кыргызстане, когда были зафиксированы случаи преследования по языковому признаку).

Сводные данные по уровню владения русским языком, миграционным процессам, процентам русскоязычного населения и интересу к русскому языку представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица данных по странам ЦА

Страны Центральной Азии	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан
Население всего	19,1 млн чел.	35 млн чел.	9,5 млн чел.	6,7 млн чел.
Процент русскоязычного	18% или 3,5 млн чел.	2,1% или 720 тыс. чел.	0,3% или 35 тыс. чел.	5,1% или 340 тыс. чел.
Интерес к РЯ*	Самый высокий из 4-х стран	Растет	Невысокий	Высокий
Медиа на РЯ	65%	20%	10%	50%
Трудовая миграция в РФ	0,8% или 160 тыс. чел.	6% или 2,1 млн чел.	12% или 1,2 млн чел.	15% или >1 млн чел.
Медиапредпочтения	ТВ	ТВ	ТВ	ТВ
Уровень владения РЯ	Высокий	Низкий	Низкий	Крайне низкий
Статус РЯ в стране	Язык межнационального общения	Юридически бесправный	Ограничен (язык веб-коммуникаций)	Официальный язык общения

*Выводы сделаны на основе обобщения данных исследований по интересу к русскоязычным медиа, по популярности русского языка в системе образования, по данным соцопросов.

Отрадно, что аудитория, «голосующая» за более качественные иностранные и российские СМИ, выражает потребность получать национальный контент на грамотном русском языке. Если бы судьба русского языка в странах Центральной Азии определялась не только его пока еще сохраняющимся престижем у местного населения, а еще социально-

правовым статусом, финансированием школ и переподготовкой кадров, официальным и формальным признанием, то смело можно было бы предположить его сохранность, качественное обновление и эволюцию.

Сегодняшн с национальными и иностранными языками говорит о том, что вектор эволюции русского языка неизбежно направлен на его трансформацию и в синтаксическом, и лексическом плане.

Библиографический список

Алимбекова Г.Т., Шабденова А.Б.. Медиапредпочтения населения стран Центральной Азии: результаты социологических исследований. //Журнал Белорусского государственного университета. Социология.-2019. - С. 52-60.

Алымбаева З.А., Алимахунов А. Особенности и тенденции современного информационного пространства Кыргызстана // Бюллетень науки и практики. - Т.7. - №2. - 2021. - С.271-275.

Бабаскина И. А. Особенности развития и синхронное функционирование формы английского перфекта. Автоф. дисс. ... канд. фил. н., Белгород, 2009. - 15 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: УРСС, 2002. - 448 с.

Блохинцев Д. И. Пространство и время в микромире - Изд. 3-е. - Москва : URSS, 2015. - 349 с.

В Минобразования рассказали, сколько таджикских студентов учится за рубежом [Электронный ресурс] - URL.: <https://tj.sputniknews.ru/20200717/tajikskie-studenty-zagranitsa-statistika-1031593520.html>

Вентцель А.Д. Афинная геометрия и лингвистические задачи // Исследования по речевой информации. Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. М., 1968. -Вып. 2. - С.7-27.

Виноградов В.В. Великий русский язык. М., 1945. - 211с.

Гайсина Л. «Медиа в Таджикистане разошлись со своей аудиторией». [Электронный ресурс] - URL.: <https://newreporter.org/2019/07/15/media-v-tadzhikistane-razoshlis-so-svoej-auditoriej/>

Гайсина Л. Медиа в Таджикистане замирают в ожидании кризиса// Онлайн-издание newreporter.org. 2020.

Дильтей В. Описательная психология. - 2-е изд. - СПб. : Алетейя : Кренов, 1996. - 153 с.

Ибрагимова К.. Миграция из Таджикистана в Россию бьет исторический рекорд [Электронный ресурс] - URL.: <https://russian.eurasianet.org/>

Из интервью министра занятости и трудовых отношений Ш. Кудбиева, [Электронный ресурс] - URL.: <https://www.caa-network.org/archives/15856>

Интервью Р. Сангова, специалист управления науки и инновации Минобрнауки в интервью 2013 год. [Электронный ресурс] - URL.: <https://lenta.ru/news/2013/12/27/tajikistan/>

Исаев А. Как взять страну без единого выстрела. [Электронный ресурс] - URL.: <http://www.politrus.com/2021/04/27/kyrgyzstan-analytics-3/>

Исследование аудитории СМИ Таджикистана. 2019. [Электронный ресурс] - URL.: https://www.zerkalo.tj/uploads/files/2020/MediaPreff-2019_Final_RUS.pdf

Исследование потребностей медиасообщества Казахстана. Казахстан. 2019 [Электронный ресурс] - URL.: <https://prevention.kg/wp-content/uploads/2020/09/>

Исследование 2021 года [Электронный ресурс] - URL.: <https://www.m-vector.com/>

Историческая грамматика русского языка : Морфология, глагол / [Р. И. Аванесов, В. В. Иванов, В. Б. Силина и др.]; Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. - М. : Наука, 1982. - 436 с.

Качанов Д. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия // Медиальманах. - № 3. - 2021. - С.20-29

Ключевые проблемные вопросы развития СМИ: работа в условиях пандемии COVID-19. Фонд развития СМИ. Нур-Султан. 2020.

Куценко И.А. Язык тоталитаризма в гуманитарной парадигме исследований. // PR и СМИ в Казахстане. Сборник научных трудов. Вып. 20. Под ред. Л.С. Ахметовой. Алматы. 2021. [Электронный ресурс] - URL.: <https://www.kaznu.kz/content/files/pages/folder23346/>

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избр. работы : [Учеб. пособие для фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов] / Б.А. Ларин. - Москва : Просвещение, 1977. - 224 с

Максутова Б.. Медиарынок Кыргызстана: новые медиа и социальные сети. 2021 год [Электронный ресурс] - URL.: <https://kyrgyzeli.ru/ru/experts/669206-mediarynok-kyrgyzstana-novye-media-i-sotsialnye-seti.htm>

Медиапредпочтения населения Кыргызстана, 2017 год [Электронный ресурс] - URL.: <https://internews.kg/glavnye-novosti/issledovanie-mediapredpochteniya-naseleniya-kyrgyzstana-8-ya-volna-2017-god/soros.kg>

Мелик-Гайказян И.В. Детерминизм и спонтанность в постнеклассическом понимании эволюции уровней информации // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М., 2002. - С.225-244.

Мендкович Н. . Почему в Казахстане запрещают обучение на русском языке, на котором говорят миллионы граждан страны? [Электронный ресурс] - URL.: <https://lenta.ru/articles/2021/03/26/kaz/>

Мужимов М. Интервью [Электронный ресурс] - URL.: <https://jovidmuqim.wordpress.com/2016/10/30/>

Мукимов М. Печатные СМИ Таджикистана в эпоху цифровых устройств. 2016 [Электронный ресурс] - URL.: <https://jovidmuqim.wordpress.com>

Муллоев Ш.Б. Обзор состояния русскоязычных СМИ Таджикистана на современном этапе// Ценностные ориентиры современной журналистики. Издательство: Пенз. гос. ун-т, 2016. - С. 133-141.

Муталов Ш.Ш.. «Русскому языку в Узбекистане целесообразно придать статус если не второго государственного, то официального». [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2020/05/22/>

Мырзагулов М.М. Телевидение Кыргызской Республики в контексте формирования и трансформации системы СМИ Среднеазиатского региона: автореферат дис. ... кандидата политических наук - Санкт-Петербург, 2007. - 23 с.

Нурмаков А. «Аудитория Узбекистана ждет контента на государственном языке». [Электронный ресурс] – URL.: <https://digital.report/auditoriya-uzbekistana-zhdet-kontenta-na-gosudarstvennom-yazyike-no-ego-razvitie-idet-neravnomerno/>

Ономастика Казахстана: аналитический обзор (подходы исследования онимов). Алматы: Қазақ университеті, 2018 [Электронный ресурс] – URL.: <https://magkaznu.com/index.php/ru/shop/onomastika-kazahstana-analiticheskiy-obzor-podhody-issledovaniya-onimov-monografiya-120-s>

Пассмор Дж. Сто лет философии. – М: «Прогресс-Традиция», 1998. – 496 с.

Подпоренко Бесправен, но востребован. Русский язык в Узбекистане // «Дружба Народов» – №12. – 2001 [Электронный ресурс] – URL.: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/12/bespraven-no-vostrebovan.html?>

Ремнева М.Н. История русского литературного языка. М., Издательство Московского государственного университета, 1995. – 400 с.

Салимов Д.М. Современные таджикские СМИ в условиях глобализации: влияние внешних факторов // Южно-российский журнал социальных наук. –Т. 21.– № 4. 2020.– С. 86-102.

Сафаров Х.. Место СМИ России в информационном пространстве РТ. Душанбе. Таджикский национальный университет. 2013 [Электронный ресурс] – URL.: <https://cheloveknauka.com/mesto-sredstv-massovoy-informatsii-rossii-v-informatsionnom-prostranstve-respubliki-tadzhikistan>

Солод Д. Ташкентский видеоквест: как главный тренд в медиа добирался до Узбекистана. 2020 год. [Электронный ресурс] – URL.: <https://newreporter.org/2020/05/28/tashkentskiy-videokvest-kak-glavnyj-trend-v-media-dobiralsya-do-uzbekistana/>

Стадниченко Н.И. Детская журналистика Казахстана // Язык. Культура. Коммуникации. [Электронный ресурс] – URL.: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/141/347>

Сулейменова Э.Д., Аканова Д.К., Аймагамбетова М.М. Biz birgemiz, или Еще раз о диверсификации русского языка в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. - 2021. - Т. 12. - №1. - С. 7-22. [Электронный ресурс] – URL.: <https://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/25802>

Сухаревская О. «Где Сорос, там и рвется». [Электронный ресурс] – URL.: <https://regnum.ru/news/3239913.html>

Ткачев О. «Русский язык в Узбекистане: плюсы и минусы». [Электронный ресурс] - URL.: https://russkiymir.ru/publications/296153/?sphrase_id=1211527

Токсоналиева Р.М. Медиапространство Кыргызстана // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. Барнаул. АГУ. 2021.- С. 23-30.

Тош Дж. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка - М. : Весь Мир, 2000. – 294 с.

Усмонов Р..А. Русский язык в культуре и политике Таджикистана. Язык. Словесность. Культура. – №2. – 2011. – С.8-21.

Федоров А.В. Массовое медиаобразование в странах СНГ. Москва. 2020 год. [Электронный ресурс] - URL.: https://www.researchgate.net/publication/344675616_Massovoe_mediaobrazovanie_v_stranah_SNG

Фонд «Русский мир» // https://russkiymir.ru/news/294997/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. - М.: Идея-Пресс, 2011. - 128 с.

Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. – 447 с.

Халина Н. Антропология идентичности через призму средовой герменевтики: центральноазиатская идентичность// Terra scimus : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрёстных годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С.73-78 .

Халина Н., Пивкина Н., Аникин Д., Валюлина Е., Жеребненко А. Медианавигационная культура: иранский код сигнификации в фокусе британского и российского диагезиса и арабской медиаэпистемологии// Terra scimus : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрёстных годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С.37-50

Халина Н.В. История русского литературного языка: языковое существование России X - XXI вв. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2009. – 474 с.

Халина Н.В., Хребтова Т.С., Злобина Ю.И., Столярова Н.Н., Белоусова В.С. Лингвистика инжиниринга: русский язык как система самоописания общества: Монография. Изд-во Барнаул, 2012. - 245 с.

Хужаназарова И.Х. Тенденции развития русскоязычных СМИ Таджикистана в условиях государственной независимости. Автореферат дисс. ... канд. полит. н. Душанбе, 2013. - 25 с.

Шустов А. Евросоюз и США усилили информационный нажим на Центральную Азию. [Электронный ресурс] - URL.: <https://eurasia.expert/evrosoyuz-i-ssha-usilili-informatsionny-nazhim-na-tsentralnyu->

aziyu/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. – 800 с.

Эрназаров К.Т., Ш.К. Ирназаров Ш.К., Войтик Е.А.. Формирование современной национальной модели журналистики Узбекистана // Культурные универсалии СМИ. Гуманитарный вектор. Т.15, №1, 2020. [Электронный ресурс] – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sovremennoy-natsionalnoy-modeli-zhurnalistiki-uzbekistana/viewer>

Якобсон Р. Язык и бессознательное / Пер. с англ., фр., К. Голубович, Д. Епифанова, Д. Кротовой, К. Чухрукидзе. В. Шеворошкина; составл., вст. слово К. Голубович, К. Чухрукидзе; ред. пер. – Ф. Успенский. М.: Гнозис, 1996. – 248с.

«Internews в Таджикистане» / Центрально-азиатская медиапрограмма CAMP [Электронный ресурс] – URL.: <https://media.tj/nashi-proekty/>

Berning N. Narrative Journalism in the Age of the Internet: New Ways to Create Authenticity in Online Literary Reportages. Textpraxis 3 (2). 2011 [Электронный ресурс] – URL.: <http://www.uni-muenster.de/textpraxis/nora-berning-narrative-journalism-in-the-age-of-the-internet>

Bruner J. The Narrative Construction of Reality // Critical Inquiry 1991. –18 (1). – pp. 1–21.

Drenthen M. 'Reading ourselves through the land: landscape hermeneutics and ethics of place' // F. Clingerman & M. Dixon (Eds.): Placing Nature on the Borders of Religion, Philosophy, and Ethics. Farnham: Ashgate, 2011, – p.123-138.

Gulnarainanch. О реформах в Узбекистане на пути повышения роли СМИ в жизни государства и общества. 2021 год. [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.turkishnews.com/ru/content/2021/05/18/%D0%BE>.

Jung C., Pauli W. The Interpretation of Nature and Psyche. N.Y., 1955. – 280 p.

Internews [Электронный ресурс] – URL.: <https://adindex.asia/specprojects/asia/news/cases/287374.phtml>

PR и СМИ в Казахстане. Сборник научных трудов. Под ред. Л.С. Ахметовой. Алматы. – Вып. 20. –2021. – 360 с.

Scanlan J. Navigating the New Narrative: a Case Study of “Snow Fall”. A Thesis Presented to the Faculty of the Graduate School at the University of Missouri–Columbia. 2015 [Электронный ресурс] – URL.: <https://mospace.umsystem.edu/xmlui/handle/10355/49748>

White H. Historical Text as Literary Artifact // Canary R.H., Kozicki H. (eds.) The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. New York: The University of Wisconsin Press. 1978. –pp.41-62.

Chapter 2.
CENTRAL ASIAN PROBLEMS IN THE SYSTEM OF ENGLISH-
LANGUAGE SCIENTIFIC AND ANALYTICAL DISCOURSES

by Nataliya Khalina

The newest Central Asian cognitive-spatial identity is a topic in the agenda of European and American analytical and scientific sources. The last thirty years in the formation of the symbolic and human capital of a Central Asian resident, the direction of development is obvious, symmetrical in nature to the features of the semiological picture of the world of Central Europe, the conditional part of Europe located between Western and Eastern Europe.

It also draws attention to the fact that, despite the significant efforts made by the Central Asian republics to form a new ethnic identity in a modern society focused on knowledge management and technological management, they are still perceived as post-Soviet states. For Central Asian semantics, the processes of meaning generation of which have been determined for several centuries by the interaction of territorial linguistic semiotic systems with the semiotic system of the Russian language, the new century of global communications presupposes a cycle of transformations that are caused by their interaction with new axiological systems and ideologies that require a change in the modality (ways of expressing the will and semantic differentiation of the habitat) of Central Asian languages.

Strategic planning documents and analytical reports that model the Central Asian discourse understandable for English-speaking territories based on the use of analytical matrices acceptable for Anglo-Saxon and American epistemology and anthropology form a special place in the construction of the narrative media history of the Central Asian countries.

The territories of Central Asia, as can be determined by the data of English-language studies and analytical reports, are becoming the territories of the introduction of American and European epistemology as the most acceptable in the circumstances of the expansion of the influence of the media environment on the formation of axiologies of everyday reality. The main strategic objective of the dissemination of the mental values of American and European discourses is the removal from the Central Asian narrative of the system of signification, which distinguishes the semiotic system of the Russian language and the principles of the organization of semantic space, built on the basis of structural and functional methodology.

Within the framework of structural and functional problems, the relations between the class of structures and the class of functions are realized, which are concretized in the study of the relations of functional necessity and functional alternatives of actions. A special place is occupied by the category of "functional unity", the description of which takes into account that in any system there is a dissonant beginning to it - dysfunction. In analytical reports, the functioning of structural elements - the republics of symbolic and communicative unity "Central Asia" is considered precisely in terms of functional unity as a dysfunction of European discourse in their current state.

Глава 2.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СИСТЕМЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО НАУЧНОГО И АНАЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ

Н. В. Халина

Центральноазиатская философия жизни, определяющая свой когнитивный контур в эпоху новейшей истории на перекрестье славянской и англосаксонской языковых культур, кириллической и латинской графики, византийской и греко-римской риторических моделей мира, является частью формируемой актуальной для нового тысячелетия геополитической идентичности. В силу конфессиональной приверженности событийная история и культурные традиции народов Центральной Азии детерминированы арабской эпистемологией. Подобная детерминированность позволяет современным исследователям делать предположение о том, что наиболее правильным подходом к формированию новой идентичности этносов центральноазиатского региона является конфессиональное направление. Тема формирования новой идентичности Центральной Азии (Central Asia) достаточно актуальна в англоязычных источниках, авторы которых, порой впервые открывающие для себя этот регион земли, поясняют факт так долго не состоявшегося знакомства его закрытостью для коммуникаций в предыдущие годы советской эпохи, забывая о том, что и до советской эпохи центральноазиатские этносы проживали на тех же самых территориях, что и сейчас, и были вполне открыты для широких поликультурных взаимодействий. Возможно, отсутствие активных коммуникаций с территориями Центральной Азии в предсоветский период обусловлено именно детерминацией их жизненных модальностей арабской эпистемологией.

Арабская эпистемология строится на философских позициях Ибн Сины и Аль Фараби. Арабо-исламское общество с гордостью называет себя нацией икра (بَنِي إِسْرَائِيلَ) в память о первом стихе, или, скорее, первом слове, которое было открыто пророку [Rahman, Street, Tahiri, 2008]. Символическое значение подобного типа сигнификации и самоидентификации заключается в значении икры, которое имеет отношение к чтению вообще, обучению и чтению лекций.

Махаммад Ардешир [Ardeshir, 2008] утверждает, что, согласно Ибн Сине, знание начинается с абстракции (tajrīd), которая в исламской эпистемологии считается достаточно важным понятием и трактуется как 'разъединение' и 'отстранение'. "Абстрактное" – свойство интеллекта, воспринимающего вещи таковыми, каковыми они являются на самом деле, то есть без особенностей чувственного восприятия.

«Восприятие (idrāk) состоит в достижении истинного образа (idea) (mithāl) объекта тем, кто воспринимает (mudrik) [субъект], и мудрик наблюдает за этим. Таким образом, либо, когда этот воспринимаемый объект является точно таким же объектом вне мудрика, что неверно; поскольку

тогда что-то, что не существует вне [мудрика], обязательно должно существовать [снаружи]» [Ibn Sīnā, 1960, p.63]. Основываясь на иерархии абстракций объектов, Ибн Сина выделяет четыре стадии восприятия: 1) чувственное восприятие (*liss*); 2) воображение (*takhayul*); 3) оценка (*wahm*); 4) интеллект (*ta'aqqul*). Акцентируя внимание на чувственном восприятии, следует отметить, что для классифицирования формальных признаков в абстрагировании от материальных случайностей необходимо сохранять образы, данные ощущением, а также манипулировать образами, разъединяя части и выравнивая их в соответствии с их свойствами. Поскольку удержание и манипуляция являются различными эпистемологическими функциями, не зависящими от одной и той же психологической способности, Ибн Сина различает 'способность к отношениям' и 'способность к манипуляции', соответствующим этим эпистемологическим функциям.

Праксиология современной действительности, ориентируемой в своем дигитализированном существовании числовыми последовательностями, генерированными арабской эпистемологией, моделируется, так же, как и дигитализированные коммуникации, на основе двоичного принципа: 'отношения-манипуляция'. Конструктивный сегмент 'отношения' в современных обстоятельствах коммуникации предполагает наличие и соблюдение «знаниевого» договора, строящегося на герменевтических принципах понимания, вчувствования (сопереживания) в эмоциональные моменты жизни другого, уважения традиций культуры и права распоряжаться полученными знаниями по собственному усмотрению. В плане эмоциональной насыщенности, функциональной нагрузки рассудка и разума «способность к отношениям» достаточно энергозатратна даже в том плане, что она предполагает существование в ситуации событий «Другого», в пространстве значений и значимостей этого Другого, «перекодировки» исходной жизненной картины мира в соответствии с обновляемыми базами данных и новыми знаниевыми ресурсами.

В арабской эпистемологии с категорией знания и способами его получения связана концепция 'уверенности' (*yaqīn*), занимающая центральное место в арабских дискуссиях о теории демонстрации [Black, 2006]. В арабской традиции именно 'уверенность', а не 'знание' (*'ilm*=греческое *epistēmē*), обычно отождествляется с целью, к которой стремятся демонстрации. Аль-Фараби в трактате "Условия достоверности" (*šarā'it al-yaqīn*) определяет критерии, в соответствии с которыми субъект может претендовать на абсолютную достоверность любого предложения. Уверенность трактуется как когнитивное состояние, отличное от знания, включающее в себя элемент 'знания того, что человек знает'. Аль-Фараби признает, что случайные, а также необходимые предложения допускают ослабленную форму уверенности и введение надежности в обоснование претензий на уверенность.

Конфессионально детерминированная арабская эпистемология в новейшем центральноазиатском нарративе, в связи с активным участием англоязычных стран и стран, использующих английский язык для взаимодействия со странами Центральной Азии (например, таких, как

Норвегия и Финляндия), интегрируется с европейской и американской эпистемологиями.

Европейская эпистемология, основывающаяся на греческой модели понимания истины $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ [Дугин], двухуровневая: в ней очевидны подраствования, поэтому истина и ложь сохраняют свое значение. Европейская онтологическая культура, по сути, представляет собой лабиринт игр сознания и бессознательного, который, как считает А. Дугин, развертывается в волевых, вожделеющих тела и репрессивных карательных санкциях рассудка, стратегиях. Если основываться на эпистемических оценках европейцев П. Бодрийяром, то можно заключить, что европейская культура – это культура несчастного сознания [Бодрийяр, 2008].

Американская эпистемология [Дугин], в отличие от европейской эпистемологии, характеризуется прагматичностью значения и развертыванием смыслов в зоне явного, где отсутствует пространство для лжи, равно как и отсутствует онтологическое «место» для истины как $\alpha\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ ("несокрывание"). Истина присутствует как "truth" (от староанглийского "triewp", родственного германскому "true", "верный"), правильное, правдивое, отражение визуально воспринято состояния дел в синтаксической конструкции. Иначе, «правдивое» считывание знаков реальности и преобразование их в вербальную форму, или сообщение. В соответствии с "truth" «истинным» является следование, сообразование с чем-то, лояльность, преданность. Untruth – ложь, антитеза истины, трактуется как измена, неверность, отступление и отказ следовать за кем-либо, чем-либо.

Центральная Азия в новейшую эпоху становится не только площадкой коммуникации американской и европейской эпистемологий при оформлении новой этосовой идентичности (этос - нрав, норы), но и территорией проверки глобальной валидности этих эпистемологий. В этом плане важен набор компетенций, которыми располагают представители американской и европейской эпистемологий, вовлеченные в конструирование новейшей центральноазиатской идентичности. Если обратиться в этом плане к востоковедению, то для американской эпистемологии это достаточно новая дискуссионная и эпистемологическая зона интеллектуального взаимодействия с жизненными мирами народов, в структуре которых присутствует «восточный» (и тем более «азиатский») мотив. Как таковое востоковедческое направление в американском научном дискурсе начинает развиваться в большей степени не как научное направление, а как структурный элемент управления знаниями о восточных территориях, которые постепенно начинают входить в зону американских интересов и обсуждаться в контексте проблем национальной безопасности США и ЕС. Начало американского варианта разработки востоковедческой проблематики связывается с 50-ми гг. XX в. Поскольку первостепенными были коммуникационные проблемы, которые разрешались посредством языкового менеджмента – овладения языком населения территории, с которым необходимо вступить в контакт, – то, соответственно, изучение культурно-исторических особенностей территорий; традиций, определяющих этос населения территории, не входило в американскую

востоковедческую программу. По своей сути, американская востоковедческая программа фронтрна (другой быть не может по определению, поскольку основной вклад в историографию американской науки – это теория фронта Ф. Тёрнера, вадидная действительно только для одного сегмента человеческого сообщества).

Американское фронтрное мышление определяет не только характер востоковедения, но и параметры американской теоретической лингвистики, которая в своем развитии прошла путь от дескриптивной грамматики до когнитивной грамматики через грамматику трансформационную, т.е. от описания функционирующего языка к представлению основной функции языка – презентации работы человеческого мозга – через обоснования способности человека оперировать лингвистическими знаками: трансформировать имеющиеся знания в знаковые последовательности, прочитываемые (понимаемые) другими членами сообщества, отождествимого с участниками коммуникативного процесса или коммуникативной ситуации. Основная идея генеративной грамматики – трансформация исходной когнитивной схемы для решения коммуникативной задачи (лингвистический перформанс) – в генезисе своем определяема методологией дескриптивного изучения языка американских индейцев, эпистемологическим основанием которой являются положения языкового менеджмента. Выработка приемов, их коммуникативная дистрибуция, а затем теоретическое описание были обусловлены необходимостью установления контакта с коренным населением территорий для закрепления на этой территории переселенцев из Европы. В американской фронтрной методологии можно выделить мотивы, созвучные арабской эпистемологии: а) с категорией знания и его получения связывается концепция ‘уверенности’; б) именно ‘уверенность’, а не ‘знание’, отождествляется с целью, к которой стремятся демонстрация; в) уверенность – когнитивное состояние, отличное от знания, включающее в себя элемент ‘знания того, что человек знает’; г) случайные, а также необходимые предложения допускают ослабленную форму уверенности и введение надежности в обоснование претензий на уверенность.

Участие в обсуждении центральноазиатской проблематики – создание условной дескриптивной грамматики вновь осваиваемой территории (*descriptive grammatica de terra nescimus*) – является уникальным опытом интерференции американской и европейской методологии познания, американской и европейской эпистемологий. Участие в концептуальном проектировании европейского и американского когнитивного контента делает актуальным привлечение идей критического и аффирмативного дизайна [Bardzell J., Bardzell Sh. 2013; Dunne, 2013]. Обращение к дизайн-проблематике при исследовании центральноазиатской темы считаем вполне уместным и целесообразным, поскольку так называемое «постсоветское пространство» представляет собой, с нашей точки зрения, результат социального и концептуального проектирования, выполненного в стилистике языка повседневной реальности П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995]. Языковая концепция Бергера-Лукмана основывается на

коммуникативно-семиотической концепции языка как системы, в соответствии с которой процессы сигнификации создателем языкового продукта в ходе коммуникативного взаимодействия основываются на объективации собственного бытия, «схватывании» его синхронно с другим участником коммуникации, «без прерывания» размеренной рефлексии. Язык, в этом случае, делает субъективность адресанта «более реальной», очевидной как для него самого, так и для адресата.

Процессы глобализации актуализируют еще одну систему сигнификации - когнитивно-спациальную идентичность, основанную на интеграции системы идентифицирующей этническую культуру языка с семантиками «трендовых» для синхронного момента культур коммуникации. Семантика, в данном случае, рассматривается в аспекте изучения отношений между означаемым и означающим, аспекте значения знака, который как единица языка участвует в конструировании систем символических представлений, возвышающихся над реальностью повседневной жизни, к числу которых, до недавнего времени, относились религия, философия, искусство и наука. Язык может не только конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы, но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни. Так что символизм и символический язык становятся существенными элементами реальности повседневной жизни и обыденного понимания этой реальности. Благодаря языку, возможно преодолевать разрывы между зоной манипуляции адресанта и адресата, создавая «эффект присутствия» множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют «здесь-и-сейчас». *Ipso facto* множество накопленных значений и переживаний объективируются «здесь-и-сейчас» [Бергер, Лукман, 1995].

Новейшая центральноазиатская когнитивно-спациальная идентичность – тема в agenda европейских и американских аналитических и научных источниках. Бруно де Кордые предлагает странам Центральной Азии за основу региональной идентичности взять религию – ислам, объясняя это тем, что в образовавшемся вакууме традиций переходного периода, когда регион подражал российской и западной моделям культурного развития, и которые так и не прижились, поскольку не отвечали потребностям его населения [Де Кордые, 2006; Де Кордые, 2008], только ислам представляет надежную основу для самоидентификации в переплетении возможных семантических миров современной действительности.

«Можно утверждать, что существуют две главные компоненты экс-советской мусульманской идентичности Евразии: во-первых, сохраняющееся российское влияние, которое опирается на общий для всех стран региона опыт советского колониализма, и, во-вторых, историческое наследие, корни которого восходят к исламу – культурной среде, доминировавшей в эпоху расцвета региона. Эти элементы на первый взгляд несовместимы, но на самом деле между ними нет непримиримого противоречия. Евразийских мусульман объединяет знание русского языка, выполняющего роль лингва-франка. Итак, обладает ли евразийская форма ислама достаточным

потенциалом, чтобы быть не только классической религией или политической системой, но также формой идентичности и социально-нормативной системой, т.е. стать "исламским обществом"?

Альтернатива этому – продолжение стагнации авторитарных режимов либо столь же чуждые заимствованные с Запада модели развития. По мнению эксперта по исламу Оливера Роя, высказанному в книге эссе "Гражданское общество в мусульманском мире" (2004), НПО и международным институтам следует работать с той социальной тканью, которая уже существует и принимается местным населением, а не придумывать для общества программы, плохо приспособленные к местным нуждам и ожиданиям.

В этом свете ислам может стать позитивной и конструктивной силой для экс-советской мусульманской Евразии. Слишком идеализировать потенциал так называемого "исламского общества" было бы наивно, однако оно может способствовать росту идентичности в ситуации эрозии этнических традиций и советских кодексов поведения» [Де Кордые, 2008]

Подавляющее большинство населения центральноазиатской территории исповедуют ислам, что составляет достаточно основательную платформу для выработки идеологии коллективной идентичности. Моделирование центральноазиатской идентичности происходит в процессе конструирования центральноазиатской социальной реальности, выявляющем систему валентностей, или коннективностей, каждой центральноазиатской республики. Одной из форм экспликация потенциальных коннективностей центральноазиатских республик стал «союз» Шанхайская организация сотрудничества, который позволил проверить семантический и семиотический потенциал коммуникативных измерений 'общая оборона', 'общее благосостояние'.

«Базой для создания виртуального союза центральноазиатских республик с европейскими государствами стала процедура принятия законов, регулирующих религиозные отношения в республиках: «Закона Республики Казахстан О религиозной деятельности и религиозных объединениях» (Республика Казахстан), закона «О свободе совести и религиозных организациях» (Республика Узбекистан), «Закона Кыргызской Республики О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» (Кыргызская Республика), «Закона республики Таджикистан О свободе совести и религиозных объединениях» (Республика Таджикистан), Закона Туркменистана "О свободе вероисповедания и религиозных организациях" (Туркменистан)» [Халина, 2021, с.77].

Последнее тридцатилетие в формировании символического и человеческого капитала жителя Центральной Азии очевидно направление развития, симметричное по своему характеру особенностям семиологической картины мира Центральной Европы, условной части Европы, размещаемой между Западной и Восточной Европой. Концепция Центральной Европы остается дискуссионной, различные источники относят к странам Центральной Европы различные страны, но наиболее часто к странам Центральной Европы относят Австрию, Венгрию, Германию,

Лихтенштейн, Польшу, Словакию, Словению (иногда относят к юго-восточной Европе), Чехию, Швейцарию. Центральноевропейские страны, в зависимости от контекста, могут быть отнесены или к Западной, или к Восточной Европе. Так, Австрия может быть отнесена и к центральноевропейским, и к восточноевропейским, и к западноевропейским странам. Иногда к Центральной Европе относят части Италии и Украины: Южный Тироль, Триест, Тренто, Горицию, Фриули (Италия); Закарпатье, Галицию, северную Буковину (Украина). (Центральная Европа *Mittleuropa* (нем. *срединная Европа*) – историко-идеологическая концепция Фридриха Наумана, предложенная им во время Первой мировой войны, в которой Центральная (точнее, «Средняя») Европа рассматривалась в качестве сферы влияния Германии, расширенная после предполагаемой победы Германии в войне.

Выявляемое тождество номинативных моделей, или моделей номинации «центральный/ая + название континента» для Центральной Азии и Центральной Европы, позволяет констатировать, что замена номинации «Средняя Азия» терминологическим сочетанием «Центральная Азия» с точки зрения внутренней формы номинации и соотношения 'означаемое-означающее' не релевантно с точки зрения средовой герменевтики: «Средовая герменевтическая этика не начинается с рефлексии и артикуляции абстрактных ценностей, которых должны придерживаться люди. Скорее, она исходит из предположения, что мир, в котором мы живем, имеет значение, потому что он всегда уже наполнен смыслами. Более того, герменевтики также подчеркивают, что для того, чтобы постичь полный смысл того или иного места, человек должен быть вовлечен в процесс интерпретации» [Халина, 2021, с.76].

В 20-ых XXI в. возможно говорить о лингвистическом вираже и эпистемологическом повороте в жизнедеятельности центральноазиатских республик, одной из благоприятных предпосылок которых стало повышение уровня интенсивности коммуникаций в медийной среде. «Лингвистический вираж, – пишет Д.А. Силичев о лингвистическом повороте начала XX века, – имел глубокий, парадигмальный характер, он означал переход от парадигмы мышления к парадигме языка, от философии сознания, мышления и субъекта к философии языка, смысла и значения. Лингвистический поворот затронул не всю философию, не был какой-либо школой или единым течением, был довольно разнородным» [Силичев, 2008, с.86]

Своеобразное продолжение и новый виток развития лингвистический поворот получил в начале нового тысячелетия, с одной стороны, в связи с появлением шлейфа новых «поворотов» в осмыслении социумом текущих процессов: перформативного, визуального, семиотического и пр., с другой стороны, в связи с порождением качественно новой среды перформанса языкового знака – медийной среды, в которой главенствующую конструирующую роль получил американский вариант английского языка, а, следовательно, американская эпистемология и американская философия.

Уильям Баррет [Barret], анализируя особенности современной философии, отмечает преимущественно ее американскую форму существования, для которой более естественна академическая, а не жизненная среда бытования. Фундаментальные реалии человеческой жизни, которые обсуждает экзистенциализм – смерть, тревога, анонимность, скука, выбор, свобода, любовь, вина – не являются преобладающими концепциями в американской академической философии на сегодняшний день. Американские философы предпочитают обсуждать концепции, относящиеся к науке, логике, знанию, эксперименту; концепции же экзистенциализма рассматриваются как концепции, имеющие чисто литературное существование, в какой-то степени излишние для повседневной реальности современного человека.

Неприятие экзистенциальных концепций, как считает У. Баррет, свидетельствует о том, «насколько далеко зашла одна особая традиция среди интеллектуальной элиты нашего общества, склонная ставить знания выше жизни. Наша технологическая цивилизация все больше и больше склоняется к почитанию эксперта, и по мере того, как философ ассимилируется со своей цивилизацией, он все больше и больше стремится оправдать свое собственное профессиональное существование высокой технической компетентностью в специальных проблемах логики и философского анализа. Все это необходимо, и все же его прискорбный результат заключается в том, что значительная часть современной философии имеет тенденцию отрываться от жизни. И точно также вполне естественно, что на экзистенциализм, который борется с этой тенденцией, многие американские философы смотрят косо» [Barret]

Именно медиатизация коммуникативных связей стала особой вехой в оформлении новейшей центральноазиатской, преимущественно медийной по своей природе, идентичности. Прекрасным примером является опыт Казахстана по организации медиафорумов с целью интеграции с глобальным экономическим сообществом, опыт продвижения на рынке медийных коммуникаций и оформления культурного пространства, структурируемого на основе американской эпистемологии и американской философии языка.

Обращает внимание на себя и то, что, несмотря на значительные усилия, направленные центральноазиатскими республиками на формирование новой этнической идентичности в современном обществе, ориентированным на управление знаниями и технологический менеджмент, они по-прежнему воспринимаются как постсоветские государства. Так, Рейаз Мохаммад, рассуждая о новых медиа в Центральной Азии, акцент делает на характеристике киберпространства в постсоветских государствах [Mohammad, 2020], обращая внимание, с одной стороны, на то, что медиа Центральной Азии более плюралистичны, чем они были в Советском Союзе, с другой стороны, замечая, что до сих пор знания и о Центральной Азии, и о ее цифровом пространстве незначительны.

Бахтимир Куранбаев, сотрудник кафедры медиа и коммуникаций, Колледжа социальных наук, Университета КИМЭП (Алматы, Казахстан) и

Эрик Фридман, Директор Центра экологической журналистики, директор Службы новостей, профессор Мичиганского государственного университета (Ист-Лансинг, Мичиган, США) [Kurambayev, Freedman, 2019] посвятили свою работу этике и журналистике в Центральной Азии, делая акцент на коррупционном постсоветском узоре, который вкраплен в дискурс современной центральноазиатской журналистики и сложно преодолевается молодыми журналистами, практически не имеющими достойных профессиональных образцов для подражания.

Лейтмотивом исследования является мотив «советского неуспешного прошлого» Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, получивших независимость после распада Советского Союза, в котором «многие ограничения мешали средствам массовой информации служить общественным интересам, поскольку свобода прессы и общественный доступ к информации воспринимались как угрозы лидерам, включая режимы Владимира Ленина и Иосифа Сталина, начиная с большевистской эпохи и заканчивая посткоммунистическим и постсоветским авторитаризмом в современной Центральной Азии» [Kurambayev, Freedman, 2019]

Б. Куранбаев и Э. Фридман расценивают свое исследование, как первое региональное исследование журналистской этики в Центральной Азии с участием Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, стран, где деятельность советских и постсоветских СМИ была омрачена коррупцией. По определению авторов, опрос проводился среди журналистов, для которых этика считается «западной роскошью», а «халява» - подарки, питание, поездки - вполне приемлема. Результаты исследования показали, что журналисты в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане сталкиваются с определенными общими этическими проблемами. В качестве практических рекомендаций авторы формулируют декларативные высказывания, касающиеся того, что обман и введение в заблуждение граждан и коммерциализация лжи наносят ущерб потенциальной демократизации в регионе. Демократизация как процесс серьезно затруднена коррупцией, авторитарными традициями правления, экономической слабостью, культурными и историческими традициями и проблемами национальной безопасности. (Культурные и исторические традиции также расцениваются как факторы, наравне с коррупцией, мешающие демократизации в Центральной Азии).

В неблагоприятную, с точки зрения Б. Куранбаева и Э. Фридмана, профессиональную среду приходит новое поколение журналистов, нуждающееся в образцах для подражания, отражающих высокие этические и профессиональные стандарты. В этой позиции авторы входят в противоречие с собственной концепцией демократизации, которая не терпит размерности культурных и исторических традиций, формирующих реальные, этнически приемлемые образцы для подражания, основывающиеся на национальной этике.

В исследовании, разработанном в рамках проекта Института репортажей о войне и мире «Озвучивание, стимулирование перемен - от

пограничья до Степей - Кластер III: Центральная Азия” при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии [The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, 2018] анализируются возможности СМИ четко и просто объяснять, информировать, вовлекать и вдохновлять местные сообщества особенно по вопросам прав человека, предотвращения конфликтов, коррупции с помощью традиционных и новых медиа, сообщать об уровне профессиональных стандартов журналистов (традиционных и новых медиа) и перспективах развития медиа на 3-5 лет в Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан и Узбекистан). В опросе, составившем основу исследования, приняли участие 253 журналиста четырех центральноазиатских стран (в поле зрения исследователей не попал Туркменистан).

Проведенный опрос журналистов призван, как раз, определить качество когнитивного состояния журналистов ‘уверенность’, которое в арабской эпистемологии включает в себя элемент ‘знания того, что человек знает’, и, тем самым, отличает собственно, от знания недостоверного, ложного. Необходимые предположения, при этом, допускают ослабленную форму уверенности, а также введение «условий» надежности для обоснования претензий на уверенность. Опрос, в принципе, решает проблему «обоснования претензий». В целом, становится очевидны потребности современного американского научного фронта в коммуникации с центральноазиатскими территориями: «арабская» трансформация американской эпистемологии, которая основывается на установлении соответствия между арабскими глубинными структурами и американскими поверхностными структурами.

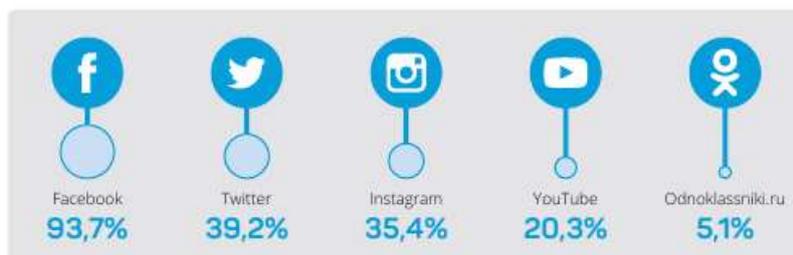
Из нескольких направлений опроса, определяющих уровень уверенности журналиста ЦА, мы выбрали три: использование в профессиональной деятельности социальных сетей; мотивации, повлиявшие на выбор профессии; основные препятствия для развития качественной журналистики. Результаты опросов по каждому направлению в четырех странах были сведены нами в таблицы (см. Таблица № 1, Таблица № 2, Таблица № 3).

Журналисты всех четырех стран указали, что основными источниками информации для новостных репортажей являются пресс-релизы, веб-сайты, пресс-конференции и, собственно, люди (см. Таблица № 1). Журналисты Узбекистана указали, что Facebook является одним из основных источников информации. Что касается проверки фактов, журналисты Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана проверяют предоставленную информацию от людей, публикации в СМИ и Интернете, в то время как журналисты в Казахстане проверяют предоставленную информацию из пресс-релизов, веб-сайтов и пресс-конференций.

Использование журналистами ЦА в профессиональной деятельности социальных сетей

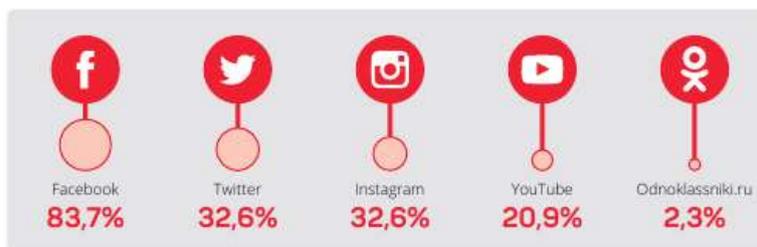
1

Казахстан

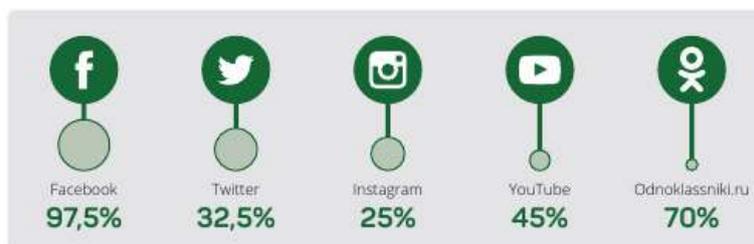
2

Кыргызстан

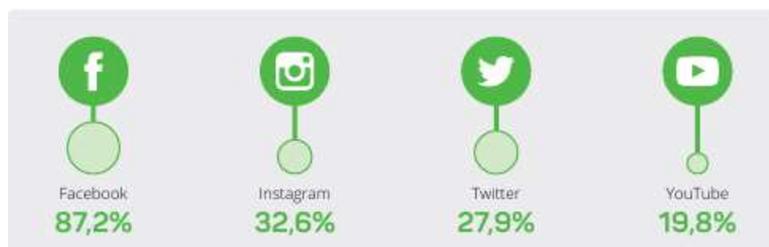
3

Таджикистан

4

Узбекистан

Источник: The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, 2018

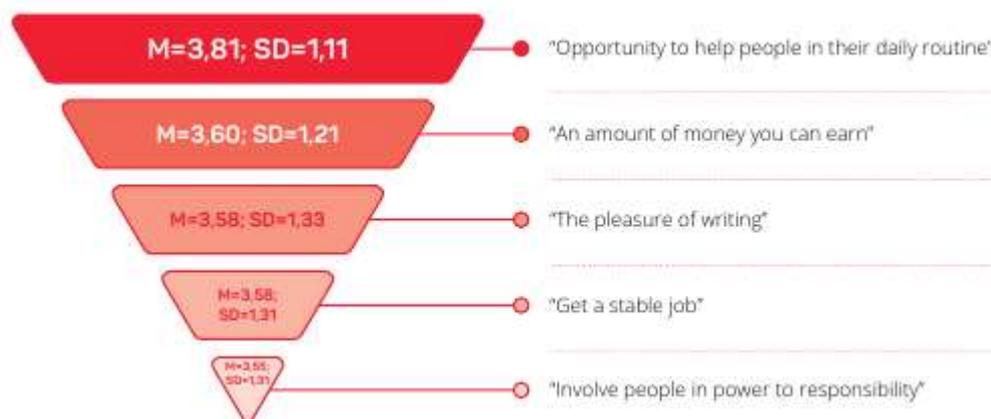
Таблица № 2

Мотивации, определившие выбор профессии журналиста

Казахстан

Кыргызстан

Таджикистан

Источник: The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, 2018

Мотивы журналистов выбрать журналистику в качестве профессии, оказались различными во всех четырех странах (см. Таблица № 2). Журналисты в Таджикистане указали, что "борьба с несправедливостью" является наиболее важной мотивацией для выбора журналистики в качестве профессиональной сферы. Журналисты из Узбекистана и Казахстана указали "возможность влиять на общественные дела" в качестве одной из причин выбора профессии журналиста. Журналисты в Кыргызстане и Таджикистане указали, что "привлечение людей, находящихся у власти, к ответственности" было одним из мотивов выбора журналистики. "Работа во имя свободы и демократии" была одним из мотивов выбора журналистики в качестве сферы профессиональной реализации в Узбекистане.

"Вмешательство государства в СМИ" является одним из главных препятствий для журналистики во всех трех странах, за исключением Кыргызстана (см. Таблица № 3). "Слабая профессиональная этика" является одним из главных барьеров для журналистики во всех трех странах, за исключением Казахстана. Журналисты в Казахстане указали, что "цензура" является одним из главных препятствий для журналистики в их стране. "Самоцензура" является одним из главных препятствий для журналистики в Узбекистане и Таджикистане. Журналисты во всех трех странах "не настроены ни оптимистично, ни пессимистично" в отношении будущего журналистики в своих странах, за исключением Кыргызстана. Журналисты в Кыргызстане "оптимистично" смотрят на будущее журналистики в своей стране. Журналисты во всех трех странах, за исключением Таджикистана, интересуются политикой, журналисты в Таджикистане ответили, что они не интересуются политикой.

Основные барьеры и угрозы для качественной журналистики

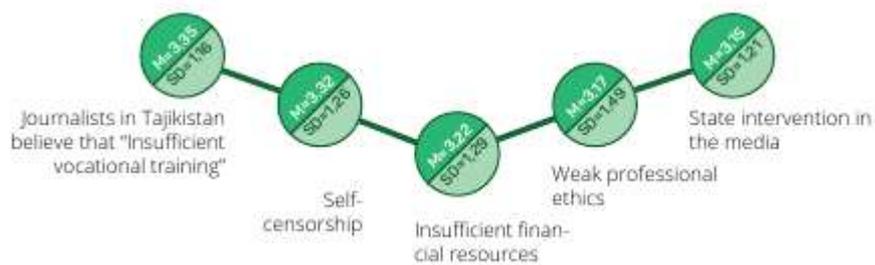
Казахстан

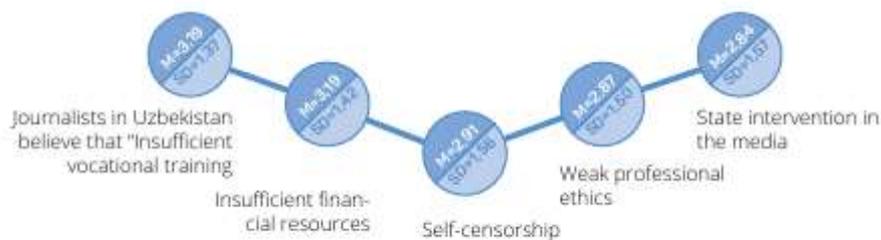
Кыргызстан

Таджикистан

Узбекистан

Источник; The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan, 2018

По итогам опроса были высказаны рекомендации, касающиеся: 1) необходимости наладить более тесные связи между НПО и средствами массовой информации; 2) содействия сотрудничеству и доверию между гражданским обществом и средствами массовой информации; 3) «выступать в качестве сторожевого пса, разоблачая коррупцию и помогая продвигать эффективное управление и подотчетность», предоставляя точную, сбалансированную и своевременную информацию, представляющую интерес и актуальность для общественности.; 4) проведения мониторинговой и информационно-пропагандистской работы в государственных структурах; 5) выражения мнения «бессильных групп» и оказание давления на государственные органы.; 6) оказания содействия вовлечению общественности; 7) диверсификации источников информации для новостных репортажей; 8) проведения профессиональных тренингов для журналистов по журналистским расследованиям, журналистике данных, проверке фактов; 9) разработке редакционной политики и следование ей; 10) использованию новых медиа-технологий и обучению журналистов их использованию; 10) использованию социальных сетей.

В украинские исследователи Игорь Савченко, Андрий Осаволук и Катерина Савченко в статье «Продвижение ЕС человеческих прав в ЦА: между драконом и медведем» [Savchenko, Osavoluk, Savchenko, 2020] фокусируют внимание на вопросах безопасности ЕС, находящейся под угрозой в связи с усилением авторитарных режимов в Центральной Азии, приведшем к росту социальной напряженности и увеличению числа возможных очагов радикализации. Обеспокоенность авторов поясняется стратегическим положением Центральной Азии в наземном транспортном коридоре между Европой и Азией. Согласно установленному политическому определению, по утверждению авторов, в регион входят пять стран бывшего Советского Союза, а именно Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан.

Согласно постулатам исламской эпистемологии, абстракция, с которой начинается знание, трактуется как 'разъединение' и 'отстранение', что создает возможность конструирования-воспроизводства дискурсов по аналоговой схеме, или матрице аналогии – середины - , актуальной для античного мира, понимаемого в широком языковедческом смысле и включающего не только греческую, но и китайскую, и индийскую «античность». Подобная генеративная модель, «серединная» модель, гарантирует локацию 'between', которая не ограничивает возможности перформанса, поскольку они уже заранее определены границами локации и разрешенными последней к использованию схемами когниции и типами когнитивных карт.

Тип когнитивного мэппинга «абстракция», основанный на уверенности и применяемый украинскими исследователями, меняет принцип распределения смыслов, характерный для кириллической графической системы, условно определяемый в соответствии с идеологией знаменитых «марковских цепей» Андрея Андреевича Маркова, принцип распределения доли гласных и согласных среди букв текста «Евгения

Онегина», на соответствующий арабской эпистемологии арабский принцип распределения доли гласных и согласных в тексте. В арабском языке нет средств для передачи гласных: в арабском алфавите 28 букв, каждая из которых обозначает один согласный звук, кроме буквы, которая называется «алиф». Гласные звуки в основу слова в большинстве семитских языков не входят, а при словоизменении и словообразовании чередуются. Написание букв может меняться, оно зависит от того, как расположены буквы внутри слова, также учитывается позиция буквы в начале слова, в конце и середине. Актуальна не столько позиция «середина», сколько позиция «внутри»: в арабской письменности внутри слова все буквы пишутся слитно. Исключение составляют буквы, не соединяющиеся на письме со следующей за ними буквой: «алиф», «ра», «даль», «зайн», «заль» и «вав». В арабском языке есть три долгих гласных звука. Это звуки «ā», «ī» и «ū», которые обозначаются на письме буквами: «ā» - алиф, «ī» - йа, «ū» - уау.

В арабской письменности существует система подстрочных и надстрочных диакритических знаков, используемых для обозначения кратких гласных звуков и иных особенностей произношений слов, которые невозможно обозначить буквами. Диакритическая система знаков называется также огласовками или харакятами. В текстах в каждодневной практике огласовки не проставляются. Точное звучание слова передается в словаре и в священной Книге Аллаха Коране.

Разветвленная система надстрочных диакритических знаков, которые не являлись обязательными элементами правописания, существовала и в церковнославянском языке. В богослужебных текстах, созданных на церковнославянском языке, встречаются три основных вида диакритических знаков, которые ставятся по традиции (не влияют на особенности произношения) и относятся к древнегреческому языку: знаки ударения, знак придыхания, знаки титла [Маршева].

Ударения интонационно ничем друг от друга не отличаются, демонстрируют место ударного гласного:

«1) *острое ударение* (ὀξεία) – ставится над ударным гласным в начале или середине слова: **ѢМЛѢТН, ПОМЫШЛѢТН**.

2) *тупое (тяжелое) ударение* (βαρέα) – ставится, если ударная гласная является самой последней в слове: **ПРОБОСѢТН, РѢКѢ, СПАСѢТН**.

Для правильной постановки ударения нужно помнить следующее.

1. Буквы **Ѣ, Ѧ, Ѣ** (ер, ерь, и с краткой) – гласные, что сказывается на постановке ударения: **КЛЕБРЕТѢ, КРНЖАЛЬ, ПРОБОЗГЛАШАѢ** – ударение острое, ибо слог считается не последним (каким он является в современном русском языке), а предпоследним.

Особенно показательны здесь слова, которые в современном русском языке односложны: **ЧАСѢ, ТѢНЬ, КРАѢ** (пишутся с острым ударением).

2. В остальных односложных словах (не оканчивающихся на **ѣ, ъ, ѿ**) ударение тупое: **дѣѣ, зрѣ, тѣмѣ**.

3. Иногда после слова, оканчивающегося на ударный гласный, то есть с тупым ударением – **наѣчѣ**, стоят частицы **же, бо, ли** или краткие формы возвратного и личных местоимений (**ми, ти, ии, ма, та, са, ны, бы**). Они соединяются с предыдущей единицей в одно целое, составляя фонетическое слово, и утрачивают ударение. И, следовательно, тупое ударение первого слова «превращается» в острое, так как ударным становится не последний, а предпоследний слог: **наѣчѣ ма**. Ср.: **нѣзѣбѣн ма** – местоимение отмечено тупым ударением, так как предшествующее слово имеет акцент на предпоследнем слого.

4. Служебные слова, состоящие из одного слога, лишены ударения: **ѡ тѣбѣ, да гориши, не ѡбратиѣ.**

5. В нескольких случаях тупое ударение ставится в начале слова, что, как правило, связано с необходимостью графического расподобления идентично звучащих форм: **нѣмже** (ед.ч. Т.п. м. и ср.р.) – **нѣмже** (мн.ч. Д.п. всех родов); **нѣхъ** (мн.ч. Р.п. всех родов) – **нѣхѣ** (мн.ч. В.п. всех родов).

6. Есть здесь пример, связанный с различием в лексических значениях. Ср. **ѡѣо** «следовательно, значит, итак» – **ѡѣо** «так как, потому что, ибо».

3) **облеченное ударение** (**кѣмѡра**) – ставится в тех формах двойственного и множественного чисел, которые по звучанию полностью совпадают с формами единственного числа (так же, как и в случае с буквами **ѣ, ѡ**).

Например: **зрѣкѣ** (ед.ч. Д.п. – ударение острое) – **зрѣкѣ** (дв.ч. Р.-П.п. – ударение облеченное); **тѣхѣа** (ед.ч. Р.п. ж.р. – ударение острое) – **тѣхѣа** (мн.ч. В.п. м.р.; мн.ч. И., В.п. ж.р. – ударение облеченное)» [Маршева].

Что касается знака придыхания, то он « – **дѣа, зѣаѣельце** – отмечает всякое, в том числе и однобуквенное слово, начинающееся с гласной буквы: **нѣ, ѡѣзѣнѣа, ѡзрѣаѣн** » [Маршева].

Функция титл прагматична – экономия места, следовательно, экономия писчего материала (прежде всего дорогостоящего пергамента). Титло (**тѣтло**) – знак сокращения, который выполняет в церковнославянском языке две функции.

Во-первых, указывает «на то, что буква обозначает не звук, а число: **ѣ** – 2, **ѣ** – 20, **ѣ** – 200».

Во-вторых, они служат для сокращения слов. Усеченному написанию подвергаются в церковнославянском языке наиболее важные и употребительные слова, характеризующие христианское вероучение.

Существует *два вида титл*:

1) **простые титла** – слово сокращается, и на месте пропуска ставится особый знак: **ѣаѣ** – *благ*, **ѡѣѣ** – *Отец*, **ѣѣѣ** – *свят*.

2) *буквенные титла* – слово сокращается, и на месте пропуска ставится не только особый знак, но и одна из усеченных букв (они называются *выносными*):

ⲀⲠⲗⲞⲤ – *апостол*.

По сложившейся традиции только шесть букв выносятся под титло:

Ⲁ, Ⲁⲓ, Ⲁⲓⲛ, Ⲁⲓⲛⲓ, Ⲁⲓⲛⲓⲛ. Титла, которые они формируют, так и называются: *слово-титло*,

добро-титло, *он-титло*, *глаголь-титло*, *рцы-титло*, *червь-титло*: ⲕⲣⲢⲧⲞⲤ – *Крест*,

ⲄⲘⲀ – *Богородица*, ⲧⲢⲞⲤⲀ – *Троица*, ⲄⲮⲗⲓⲈ – *Евангелие*, ⲏⲗⲓⲕⲞⲤ – *имярек*, ⲤⲀ – *зачало*.

Во многих случаях титлование играет символическую (семиотическую) роль,

которая обусловлена лексическим значением слов: ⲄⲢⲞⲤ «христианский Бог» (всегда

пишется сокращенно) – ⲄⲢⲞⲤ «языческий бог» (пишется полностью); ⲗⲞⲤⲏ

«Богородица» – ⲗⲞⲤⲏ «мать обычных людей».

Отдельного рассмотрения заслуживает и такой пример. Существительное

ⲗⲞⲤⲗⲞⲤ в значении «ангел Господень» пишется всегда только с титлом и читается не

так, как написано, в отличие от ⲗⲞⲤⲒⲈⲗⲞⲤ «злой ангел, бес» – употребляется только в

полной записи и читается по общим правилам. Надо отметить, что некоторые церковнославянские слова имеют вариантное титлование:

ⲄⲢⲞⲄⲗⲞⲤⲀⲧⲏⲦⲏⲞⲤ – ⲄⲢⲞⲄⲗⲞⲤⲏⲦⲏⲞⲤ – *Богоблагодатный*. Иногда сокращенная запись

уступает место полной: ⲗⲞⲤⲧⲞⲤⲞⲤ – ⲗⲞⲤⲏⲧⲞⲤⲞⲤ – *молитва*. Кроме того, титлование в

книгах и на иконах резко отличается» [Маршева].

Диакратический принцип распределения смыслов, свойственный арабскому и церковнославянскому типам письма, сопоставим с процессом интерсемиотического перевода – перевода значений и смыслов из одной знаковой системы в другую, Р. Якобсон рассматривал интерсемиотический перевод в качестве интерпретации вербальных знаков посредством знаков невербальной системы» [Jakobson, 2004, p. 139]. Для центральноазиатских семантик, процессы смыслопорождения которых определялись в течение нескольких столетий взаимодействием территориальных лингвoseмиотических систем с семиотической системой русского языка, которой присущ диакратический принцип распределения смыслов, соотносимый в семиотической системе арабского языка с огласовкой, точным звучанием слова (а, следовательно, и верным прочтением смысла, за ним закрепленного), новое столетие глобальных коммуникаций предполагает цикл трансформаций, которые обусловлены их взаимодействием с новыми аксиологическими системами и идеологиями, требующими изменения модальности (способов выражения волеизъявления и смысловой дифференциации пространства обитания) центральноазиатских языков.

Причины неизбежности трансформаций аксиологий центральноазиатских стран определяется в статье украинских авторов: в своем нынешнем состоянии, состоянии рубежа веков и тысячелетий, эти страны представляют непосредственную угрозу для стран ЕС.

И. Савченко и др. [Savchenko, Osavoluk, Savchenko, 2020] отмечают, что в Советском Союзе Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан считались отдельным регионом по географическим и экономическим причинам, во-первых. Во-вторых, в декабре 1991 года, после распада Советского Союза, эти государства объявили о создании Центральноазиатского содружества, целью которого ставилась дальнейшая региональная интеграция. В-третьих, экономика Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана была сильно привязана к центру бывшего Советского Союза. В-четвертых, традиционно считалось, что Центральная Азия входит в сферу влияния России. В течение многих лет другие крупные геополитические игроки практически не проявляли интереса к этому региону. Чего невозможно сказать о последних десятилетиях. В этот период лидером по инвестициям в инфраструктурные проекты и горнодобывающую промышленность в регионе стал Китай. Регион также представляет значительный интерес для ЕС из-за его геостратегического расположения. Усиление авторитарных режимов в Центральной Азии, их коррупция и низкий уровень гражданских и политических свобод привели к росту социальной напряженности, что представляет непосредственную угрозу для страны ЕС.

Выполнение государствами Центральной Азии своих обязательств в области прав человека и верховенства закона должно рассматриваться, как считают авторы, в качестве предварительного условия для их последующего экономического сотрудничества с ЕС, поскольку от этого зависит безопасность европейских инвестиций.

В настоящее время центральноазиатским элитам удобнее иметь дело с Китаем и Россией, которые, в отличие от ЕС, не поднимают вопросов демократизации и соблюдения прав человека. Однако недавнее прошлое показало, что цена тесного сотрудничества с Россией и Китаем для государств Центральной Азии включает в себя, по определению И. Савченко и др, потерю суверенитета, потерю экономической независимости и усиление социальной напряженности. ЕС и его государства-члены должны дать понять государствам Центральной Азии, какое сотрудничество им более выгодно. В настоящее время среди государств Центральной Азии Казахстан имеет самые тесные отношения с ЕС. Возможное историческое обоснование этой ситуации может включать нынешнее состояние экономики Казахстана после распада Советского Союза.

Авторы исследования приходят к выводу, что если страны центральноазиатского региона, в конечном счете, продвинулись дальше в сторону России и Китая с точки зрения их политики и ценностей, это создаст проблему для их дальнейшего сотрудничества с ЕС. Сотрудничество же с ЕС гарантирует государствам Центральной Азии целый ряд преимуществ: снижение их уязвимости к угрозам их суверенитету, территориальным претензиям или риску потери экономической независимости; снижение их зависимости от природных ресурсов и возможность развиваться в инновационных и высокотехнологичных областях; высокие социальные и экологические стандарты для инфраструктурных проектов; помощь в развитии современных обществ посредством экономических, социальных,

финансовой и экологической устойчивости; улучшение имиджа, благодаря участию в международном диалоге.

Обеспечение признания выгод сотрудничества с ЕС и обеспечение долгосрочных интересов ЕС в ЦА, как считают И. Савченко, А. Осаволук, К. Савченко, требует от ЕС утверждения себя в качестве лидера финансирования проектов в области образования, гражданских и политических свобод, а также судебной реформы в ЦА. ЕС должен гарантировать себе поддержку своего влияния в регионе через выполнение своих обязательств в области прав человека: для ЕС полезно добиться демократизации и улучшить ситуацию с правами человека в регионе, поскольку демократические государства более надежны как партнеры. Только в том случае, если ЕС возьмет на себя обязательство продвигать ценности прав человека в регионе, по мнению украинских исследователей, инвестиции европейских стран будут защищены, а экономическое сотрудничество не будет противоречить принципам внешней политики ЕС.

Особое место в конструировании нарративной медийной истории стран Центральной Азии составляют документы стратегического планирования и аналитические отчеты, которые моделируют центральноазиатский дискурс, понятный для англоязычных территорий на основе использования аналитических матриц, приемлемых для англосаксонской и американской эпистемологии и антропологии.

В документе Региональных стратегий 2019-2021 для Центральной Азии Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (июль 2019) [The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019] в разделе основные положения, которым открывается документ, отмечается что, разделяя протяженную границу с Россией на севере, Афганистаном и Ираном на юге, с Китаем на востоке, Центральная Азия располагается на перекрестке динамичных геополитических интересов. Пять стран региона – Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – связаны общей историей в советскую эпоху, по завершении которой страны наметили различные траектории после обретения независимости. Выбранные траектории сформировали различные национальные реалии. Учитывая эти различия, УВКБ ООН тщательно искало региональный подход и соответствующую степень гармонизации отношений для решения существующих гуманитарных проблем в регионе (см. рис.1) таких, как отсутствие гражданства, создание надежных систем защиты беженцев и поддержание надлежащего уровня готовности к чрезвычайным гуманитарным ситуациям⁷.

---

⁷ Под чрезвычайным гуманитарными ситуациями понимаются, в первую очередь, военные действия, во вторую очередь, ситуации, обусловленные техногенными катастрофами, в третью очередь, ситуации, связанные со стихийными природными катаклизмами.

Рис. 1. Карта Центральной Азии в контексте деятельности УВКБ ООН.
Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019

В документе отмечается, что в последние годы Центральная Азия добилась значительного прогресса в сокращении числа гражданских лиц, не имеющих гражданства и создании правовой базы, регулирующей положение беженцев и лиц, ищущих убежища, на национальном уровне. Открывающиеся возможности такие, как историческая смена власти в некоторых странах Центральной Азии, их международно-ориентированные стратегии и появляющиеся признаки региональной интеграции, должны быть в полной мере использованы в ближайшие годы в общих рамках Глобального договора о беженцах.

Поддержка УВКБ правительствам планируется с учетом достижения трех стратегических целей. Стратегическая цель 1: лица без гражданства и те, кто может лишиться гражданства, своевременно получают документ, удостоверяющий личность и гражданство. Это требует принятия в каждой стране надлежащих правовых, политических и административных гарантий для предотвращения отсутствия гражданства в будущем. Стратегическая цель 2: беженцы должны иметь доступ к недискриминационным и качественным процедурам предоставления убежища, а также к долгосрочным решениям, которые поддерживаются расширенными партнерскими отношениями с широким кругом заинтересованных сторон. Стратегическая цель 3: укрепление национальной готовности к чрезвычайным ситуациям и потенциала реагирования на международные и внутренние вынужденные перемещения. Региональная стратегия была разработана в ходе регулярных консультаций с правительственными министерствами и другими партнерами.

В разделе документа «Региональный контекст» вновь происходит обращение к историческому прошлому государств Центральной Азии и определению их территориальной идентичности. Говорится о том, что, простираясь от Каспийского моря на западе до Китая на востоке и от Афганистана на юге до России на севере, Центральная Азия состоит из Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Все страны входили в состав Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и обрели независимость в 1991 году. Это регион, характеризующийся историей динамичных людей, с богатой и разнообразной культурой. В этом регионе проживают сотни этнических групп, в том числе те, кто вел традиционный кочевой образ жизни. В регионе отмечена давняя традиция сосуществования различных этнических групп друг с другом. Обращается внимание на то, что перемещения населения не всегда носили мирный характер. В 1950-е годы в регионе произошло масштабное переселение людей из других частей СССР, многие из которых вернулись на свои исконные земли после распада Советского Союза. Регион пережил период экономических трудностей и политических потрясений, к которым относятся, прежде всего, гражданская война в Таджикистане на протяжении 1990 - х годов, а также гражданские беспорядки и этнические столкновения в Кыргызской Республике в 2000-х годах, что привело к миграции и сокращению численности населения,

Отмечается, что в Центральной Азии есть четыре категории лиц без гражданства: 1) лица без гражданства, официально признанные таковыми государством; 2) лица с неопределенным гражданством, которые составляют самую большую группу в соответствии с мандатом УВКБ ООН по делам лиц без гражданства в Центральной Азии, т.е. владельцы паспортов СССР (или потерявшие эти паспорта), которые никогда не получали подтверждение гражданства любого государства; 3) лица без гражданства де-факто, которые в результате законодательных положений, которые приводят к автоматической потере гражданства, если гражданин проживает за границей в течение нескольких лет без регистрации в консульстве, не могут обновить свои документы, удостоверяющие личность; и 4) лица, которым грозит статус «отсутствие гражданства», включая детей родителей, не имеющих документов, в одной из вышеуказанных категорий, чье рождение не зарегистрировано. Дети, родившиеся дома, также относятся к группе «риска» без гражданства, поскольку зарегистрировать их рождение практически невозможно из-за требований законодательства к документации.

УВКБ ООН предоставит свой опыт и поддержку властям при процедуре внесения поправок в свои законы о гражданстве и гражданах, чтобы обеспечить надлежащие гарантии и предотвратить статус «без гражданства» в будущем. Законодательство и политика Узбекистана в области регистрации рождений обеспечивают безусловную регистрацию рождения любого ребенка на территории Узбекистана. УВКБ ООН совместно с узбекскими властями планирует поделиться положительным опытом, практикой и механизмами Узбекистана с другими странами субрегиона для эффективного предотвращения «безгражданства» (см. рис.2).

Financial requirements are estimated as below. [USD]

	2019 ²¹		2020 ²¹	2021
	Refugee programme	Stateless programme		
KAZAKHSTAN REGIONAL OFFICE (regional activities, Kazakhstan, Turkmenistan, Uzbekistan)	4,328,075	1,200,774	3,171,295	2,859,492
	Total 2019: 5,528,849			
THE KYRGYZ REPUBLIC	539,101	274,735	712,750	700,000
	Total 2019: 813,836			
TAJIKISTAN	1,317,877	1,015,585	2,020,000	2,020,702
	Total 2019: 2,333,462			
Grand Total:	8,676,147		5,904,045	5,580,194

Рис. 2. Финансирование программы для лиц без гражданства. *Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019*

Особое место в анализируемом документе занимает визуальный ряд, сопровождаемый детальными комментариями запечатленного на фотографии события и его участников. В этом случае актуальным становится положение арабской эпистемологии, касающиеся достижения истинного образа объекта. Из выделяемых на основе иерархии абстракции объектов стадий восприятия, в данном случае, значимыми являются чувственное восприятие и оценка. Для классифицирования формальных признаков в абстрагировании от материальных случайностей, важных при чувственном восприятии, согласно арабской эпистемологии, необходимо сохранять образы, данные ощущением, а также манипулировать образами, разъединяя части и выравнивая их в соответствии с их свойствами. Удержание и манипуляция являются различными эпистемологическими функциями, которые не зависят от одной и той же психологической способности. В соответствии с этими эпистемологическими функциями, Ибн Синой различается 'способность к отношениям' и 'способность к манипуляции'.

Рис. 3. Девятилетние Фатима и Зухро, 7 летняя Бибихадиша, 5 летний Вениамин гордо показывают их новые свидетельства о рождении. С этим документом они теперь могут ходить в школу и получать медицинскую помощь. Халтонский район. Таджикистан. 03 мая 2018 года. Нодира Акбараева. *Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p.1.*

Рис. 4. An Afghan girl is enjoying World Refugee Day event in Vahdat city park on 15 June 2015. Vahdat, Tajikistan. © Ingrida Durbeiko⁸ *Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p.10.*

---

⁸ Афганская девочка принимает участие во Всемирном дне беженцев в городском парке Вахдат 15 июня 2015 года. Вахдат, Таджикистан.

Рис.5. A UNHCR staff member talks to the families of returnees displaced by the clashes in Osh city, in the South of Kyrgyzstan. June 2010. © UNHCR/S.Shulman⁹
 Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p.19.

Рис.7 Refugee women and girls enjoy cooking together, with the generous support of Compite that organizes culinary master classes, through which their specific issues are discussed and resilience built in a safe and informal environment, Almaty. December 2018. © UNHCR Kazakhstan ¹⁰. Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p.24.

⁹ Сотрудник УВКБ ООН беседует с семьями возвращенцев, перемещенных в результате столкновений в городе Ош на юге Кыргызстана

¹⁰ Женщинам и девочкам из числа беженцев нравится готовить вместе при щедрой поддержке Compite, которая организует кулинарные мастер-классы, на которых

Рис.6. Kojomberdi 4, lives in the Osh region of the Kyrgyz Republic with his parents. His mother Shirmakhon, born in present-day Uzbekistan in the 1970s, moved to what is now the Kyrgyz Republic as a USSR citizen in the 1990s after being married. At the time of Kojomberdi's birth, neither of his parents were formally recognized as Kyrgyz citizens. Kojomberdi obtained a birth certificate recently only after his mother succeeded in having her Kyrgyz citizenship confirmed with the assistance of UNHCR in collaboration with the NGO Fergana Valley Lawyers without Borders. Children in the Kyrgyz Republic born to parents with undetermined nationality are unable to have their birth registered, impeding their access to basic rights and services. 2018. © UNHCR¹¹

Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p. 21.

Фотографические иллюстрации создает своеобразный «текст в тексте», европейский социальный миф о благоприятном воздействии мирового сообщества (из которого исключен сегмент «Россия») на гуманитарное развитие центральноазиатского региона. В европейской

обсуждаются их конкретные проблемы и повышается устойчивость в безопасной и неформальной обстановке, Алматы. Декабрь 2018 года. © УВКБ ООН в Казахстане

¹¹ Кыргызской Республики со своими родителями. Его мать Ширмахон, родившаяся в современном Узбекистане в 1970-х годах, переехала на территорию нынешней Кыргызской Республики в качестве гражданки СССР в 1990-х годах после замужества. На момент рождения Кожомберди ни один из его родителей не был официально признан гражданами Кыргызстана. Кожомберди недавно получил свидетельство о рождении только после того, как его матери удалось подтвердить свое кыргызское гражданство при содействии УВКБ ООН в сотрудничестве с НПО "Юристы Ферганской долины без границ". Дети в Кыргызской Республике, рожденные от родителей с неопределенным гражданством, не могут быть зарегистрированы при рождении, что препятствует их доступу к основным правам и услугам. 2018. © УВКБ ООН

семиологической концепции мифа Р. Барта миф представляет собой [Барт, 1989] вторичную семиотическую систему, которая как бы надстраивается над первой, используя ее в своих интересах. Миф, в соответствии с концепцией Р. Барта, с одной стороны, создает образ, соответствующий ожиданиям носителя мифологического сознания, с другой стороны, в мифе восприятие мифологических образов переводится в область бессознательного, что не поддается рациональному осознанию.

Рис. 8. In 2018, UNHCR and its humanitarian partners organized a refugee influx simulation in Tajikistan, the first time that such an exercise has involved the government agencies, UN organizations, and NGOs at capital and field levels in Central Asia. The three-day exercise is part of continuing efforts to enhance community – region – and country-level emergency response in preparation for the possible arrival of a large number of refugees fleeing conflict in a neighbouring country. April 2018. © UNHCR Tajikistan¹² . Источник: The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia, 2019, p.29.

Следующий европейский отчет, в котором фигурируют центральноазиатские республики – ежегодный отчет за 2020 Управления ООН по наркотикам и преступности (Региональный офис Центральной Азии) [Annual Report 2020, 2020], созданного в 1997 году. В 2020 году Казахстан, Туркменистан и Узбекистан подписали Соглашение с Организацией Объединенных Наций об устойчивых Рамочных программах сотрудничества в целях развития (РСБОООН) на 2021-2025 годы. В 2020 году

---

¹² В 2018 году УВКБ ООН и его гуманитарные партнеры организовали симуляцию потока беженцев в Таджикистане, впервые в подобном мероприятии приняли участие правительственные учреждения, организации ООН и НПО на столичном и местном уровнях в Центральной Азии. Трехдневные учения являются частью продолжающихся усилий по усилению реагирования на чрезвычайные ситуации на уровне сообщества, региона и страны в рамках подготовки к возможному прибытию большого числа беженцев, спасающихся от конфликта в соседней стране. Апрель 2018 года. © УВКБ ООН в Таджикистане

Кыргызстан и Узбекистан представили свои Добровольные национальные обзоры (ВНР).. В 2020 году РОСА УНП ООН инициировала процесс разработки новой программы УНП ООН для Центральной Азии, которая будет охватывать период 2021-2025 годов. В этой связи РПЦЗ УНП ООН провело национальные консультации со всеми странами Центральной Азии, а также с тремя странами Южного Кавказа. Эти консультации были направлены на определение национальных приоритетов на 2021-2025 годы и согласование совместных направлений сотрудничества на тот же период. В результате этих консультаций были составлены страновые приоритеты и определены общие приоритеты для региона. В соответствии с проектом Глобальной стратегии УНП ООН на 2021-2025 годы, с одобрения национальных партнеров и на основе консультаций, проведенных со штаб-квартирой УНП ООН, в качестве основных направлений сотрудничества на 2021-2025 годы были согласованы области взаимодействия (см. рис. 9).

Рис. 9. Области взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии в 2021-2025 гг. *Источник: Annual Report 2020, 2020*

Была разработана страновая стратегия сотрудничества в целях развития Кыргызской Республика и Таджикистана на 2018-2021 годы, В качестве основных положений сформулировано следующее: Кыргызская Республика и Таджикистан являются самыми бедными странами Центральной Азии. Когда-то они входили в состав Советского Союз, на данный момент они все еще находятся на сложном пути перехода к верховенству закона и рыночной экономике. Кыргызская Республика добилась большего прогресса на пути к демократии, чем любое другое государство Центральной Азии. В последние годы укрепились демократические институты, а политическая стабильность улучшилась . В Таджикистане авторитарное правление подорвало демократические институты и ограничило пространство для гражданского общества.

Отношения между ЕС и Центральной Азией развиваются в соответствии со Стратегией ЕС для Центральной Азии, которая была разработана в 2008 году. Новую пересмотренную стратегию планировалось в соответствии с документом принять в 2019 году. В 2017 году Совет принял выводы по Стратегии ЕС, отметив, что страны Центральной Азии стали значимыми партнерами для Европы и ощущается необходимость в укреплении диалога и кооперации по вопросам, касающимся прав человека, образования, устойчивости для того, чтобы ответить на те вызовы безопасности, с которыми столкнулись страны Центральной Азии.

Финская сторона, курирующая Кыргызстан и Таджикистан, поясняет основные мотивы, побудившие ЕС к активизации коммуникаций со странами Центральной Азии. Основной причиной оказывается политика ЕС по отношению к России, регулируемая пятью принципами, одним из которых является необходимость выстраивать более близкие отношения с бывшими советскими республиками в восточно-европейском соседстве и Центральной Азии. Политика ЕС по отношению к России, по словам финских аналитиков, обусловлена аннексией Крыма и конфликтом в восточной Украине. Страны Евросоюза усилили свою политическую и экономическую поддержку, включая развитие взаимодействия с этими странами. Этим объясняется присутствие Норвегии и Финляндии в Центральной Азии, отнюдь не ближайших соседей стран Центральной Азии.

Финляндия развивает взаимоотношения с Кыргызской Республикой и Таджикистаном, следуя стратегиям, выработанным ЕС для Центральной Азии, обусловленным политикой ЕС по отношению к России. Финская сотрудничество призвано поддерживать экономическую, социальную устойчивость и окружающую среду кыргызского и таджикского общества. Программа строится на опыте, приобретаемом в регионе с 2009 года. Проекты финского правительства строятся в форме интер-институциональной кооперации. Отмечается, что широкий геополитический контекст, особенно роль России, Китая и Соединенных Штатов, значимы для центральноазиатской ситуации в настоящее время. По историческим причинам Россия продолжает оказывать значительное влияние на регион, в то время как Китай рассматривается в качестве новой силы. В 2004 US начали выводить военные силы из Афганистана и постепенно их интересы в ЦА уменьшились. Серьезные угрозы безопасности по всему региону обусловлены терроризмом, радикализмом, экстремизмом и недостатком чистой воды. Во многих Центрально-Азиатских государствах отсутствие демократических политических структур порождает риски стабильности.

Исламская радикализация и повстанческая деятельность Талибов в приграничных районах также представляют угрозу стабильности, особенно в Таджикистане. Сотни людей присоединились к так называемому Исламскому государству (ДАИШ). Возвращение иностранных боевиков в Центральную Азию также представляет угрозу безопасности в этом регионе. Существует позитивный поворот в нынешних отношениях и сотрудничестве

между пятью странами Центральной Азии. Узбекистан находится в процессе открытости, и новый президент страны подтвердил свою приверженность реформам. Однако ясно, что это будет нелегкое путешествие. Отношения между ЕС и Центральной Азией развиваются в соответствии со Стратегией ЕС для Центральной Азии, которая была подписана в 2007 году и пересмотрена в 2015 году. Проект предложений по обновленной стратегии представлен в конце 2019 года во время председательства Финляндии в ЕС.

Первой областью влияния сотрудничества Финляндии в Кыргызской Республике и Таджикистане является создание более равноправных обществ и усиление реализации прав человека и верховенства закона.

При рассмотрении программных рисков акцент делается на громоздких административных структурах, унаследованных от советской эпохи, которые в сочетании с недостаточным государственным финансированием, во многих случаях, парализовали способность учреждений выполнять свои обязанности. В отчете перечисляется серия программных рисков. Очевидно, что государственные структуры не успевают за переходом от плановой экономики к рыночной. Учитывая нехватку финансирования и общее отсутствие ориентации, некоторые учреждения остаются без какой-либо значимой деятельности. Низкая заработная плата в государственном секторе препятствует найму и удержанию компетентных людей. Высокие показатели текучести кадров представляют собой риск для успешной реализации проекта и его устойчивости. Низкооплачиваемые и неэффективные учреждения подвержены плохому управлению, незаконному присвоению средств и коррупции. В рамках всего межведомственного сотрудничества Финляндия стремилась укрепить потенциал и повлиять на отношение правительственных организаций, продвигая более открытую организацию деятельности государственных служб. Устойчивость правительства была поддержана путем поощрения их к увеличению самофинансирования за счет продажи своего продукта.

Также были определены институциональные риски, к которым относится, прежде всего, то, что демократическое развитие в Центральной Азии часто подвергается критике в западных СМИ. Кроме того, как отмечается финскими аналитиками, существует реальная возможность того, что роль оппозиции в Кыргызской Республике может уменьшиться, а пространство гражданского общества в Таджикистане сократится до почти полного отсутствия. Если это произойдет, это создаст репутационный риск того, что Финляндия будет публично воспринята как поддерживающая недемократические режимы, оказывая помощь и сотрудничая с ними. Отмечается также, что культурный фон и ценности кыргызского и таджикского народов сильно отличаются от преобладающих европейских. Это может препятствовать осуществлению определенных стратегий или мероприятий, особенно в отношении прав женщин.

В отчете о центральноазиатских стратегиях Европейского фонда образования, региональной сети Туринского процесса¹³ [Central Asia regional strategy paper 2017-20] при анализе регионального и странового контекста отмечается, что пять центральноазиатских республик, отмечая свою 25-ю годовщину независимости, сталкиваются с проблемами, аналогичными проблемам в других странах, а также с конкретными национальными проблемами. Развитие национальной идентичности, реформы и институциональное строительство, социально-экономическое развитие в региональном и глобальном контексте взаимодействуют с конкретным контекстом и историей каждой страны. Это включает в себя падение мировых цен на энергоносители, а также необходимость устойчивого экономического роста, включая диверсификацию и занятость относительно молодого населения. Высокий уровень самозанятости, включая так называемую “непродуктивную самозанятость” (часто представляющую собой натуральную экономическую деятельность), миграция в города/села/регионы в сочетании с неравномерным региональным экономическим развитием представляют собой ключевую динамику для всех государств Центральной Азии. В частности, экономический кризис в Российской Федерации привел к возвращению экономических мигрантов в их родные страны (Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан) и к сокращению денежных переводов.

В отчете лаконично представлена информация о каждой стране, формирующая представление о территории страны, типах генерации ВВП, уровне позитивности экономической ситуации, включая доходы населения, уровень занятости и безработицы, уровень бедности, возрастную дифференциацию общества и ожидаемую продолжительность жизни.

Казахстан представлен как страна с доходом выше среднего с населением 17,5 миллионов человек, с постоянным небольшим приростом населения. Ожидаемая продолжительность жизни в Казахстане увеличилась с 65,9 лет в 2003 году до 71,6 года в 2014 году. Молодежь в возрасте до 14 составляли 26,7% населения в 2015 году. Его территория в 2,7 миллиона квадратных километров делает Казахстан крупнейшей страной в мире, не имеющей выхода к морю, и девятой по величине страной в целом. Казахстан поддерживал впечатляющий экономический рост с 2000 года, но в последние годы наблюдается значительное замедление (1,2% в 2015 году) из-за снижения цен на нефть, газ и металлы. Более 60% ВВП генерируется сектором услуг, в котором занято более половины рабочей силы. Позитивная экономическая ситуация оказала положительное влияние на занятость. Уровень занятости высок (80% для лиц в возрасте 20-64 лет в 2014 году) и

---

¹³ Туринский процесс – это основанный на фактических данных подход к анализу развития человеческого капитала и ответных мер в области политики профессионального образования и обучения (ПОО). Этот процесс основан на принципах ответственности стран-партнеров за результат и широкого и открытого участия заинтересованных сторон, представляющих государственный и частный секторы. В основе Туринского процесса лежит регулярный мониторинг возникающих вызовов, касающихся развития профессиональных навыков и политики в области ПОО, который позволяет странам-партнерам оценить ход реализации реформ в области ПОО

остаётся стабильным на протяжении последних лет. Уровень безработицы снижается.

Кыргызская Республика является страной с доходом ниже среднего с населением в 6 миллионов человек в 2015 году. В стране наблюдается постоянный прирост населения примерно на 2%. Около трети населения младше 15 лет, что оказывает давление на систему образования и рынок труда. После экономического роста с 2006 по 2009 год в стране из-за политической нестабильности наблюдались неустойчивые экономические показатели. В 2013 году ВВП вырос на 10,9%, но рост замедлился (3,5% в 2015 году). В экономике доминируют услуги (57,1% ВВП в 2015 году и 48,1% занятости в 2013 году). Около трети работников заняты в сельскохозяйственном секторе, на долю которого приходится 16% ВВП. Рынок труда Кыргызстана характеризуется увеличением численности населения трудоспособного возраста, ограниченным или отсутствующим спросом на рабочую силу, высокой неполной занятостью, бедностью в сельской местности и неформальной занятостью. Как уровень активности, так и уровень занятости снижаются, достигнув 72,4% и 67% в 2014 году для лиц в возрасте 20-64 лет соответственно.

Таджикистан является страной с доходом ниже среднего с населением в 8,5 миллионов человек в 2015 году. ВВП Таджикистана упал до 4,2% в 2015 году по сравнению с 6,7% в 2014 году, в основном из-за замедления темпов роста в России и слабого мирового спроса. Денежные переводы (80% из России) значительно сократились за тот же период. Половина ВВП генерируется услугами, за которыми следует сельское хозяйство (27,4% в 2013 году). Важную роль играет сельское хозяйство, в котором в 2009 году было занято 52,9% работников. Достижения в области сокращения масштабов нищеты, достигнутые за последнее десятилетие, находятся под угрозой. В период с 1999 по 2014 год уровень бедности снизился с 80% до 31,3%, но неденежное сокращение бедности не соответствует ожиданиям. Правительство поставило перед собой цели к 2020 году: удвоить ВВП и сократить бедность до 20%. Прямые иностранные инвестиции ограничены, а частные инвестиции намного ниже, чем в среднем по региону. Сельское хозяйство обеспечивает прочную основу для экономического развития. Таджикистан имеет молодое и быстро растущее население (35% в возрасте до 15 лет).

Институциональные возможности по адаптации рабочей силы к потребностям рынка труда ограничены. Существует большая потребность в квалифицированных специалистах и местной занятости. Что касается уровня образования, то около 30% взрослых имеют только базовое образование, большинство из которых составляют женщины. Ограниченная мобильность и доступ к высшему профессиональному образованию со стороны более бедных слоев общества повысили социальную значимость профессионального образования и профессиональной подготовки (ПОО), однако только 6% учащихся старших классов средней школы, в основном мужчины, обучались ПОО в 2013.16

Необходимы существенные реформы для усиления экономического и социального вклада системы ПОО.

Узбекистан является самой густонаселенной страной региона с населением 31,3 миллиона человек в 2015 году. Для этой страны характерен высокий процент молодого населения и постоянный рост населения. Планируя к 2030 году стать промышленно развитой страной с высоким средним уровнем дохода, Узбекистан продолжает развивать рыночно ориентированную экономику в стремлении обеспечить справедливое распределение экономического роста между регионами, а также поддерживать инфраструктуру и социальные услуги. Целями политики являются: ускорение создания рабочих мест; повышение эффективности деловой среды; развитие инфраструктуры (энергетики, транспорта и ирригации); повышение конкурентоспособности конкретных отраслей, включая агропромышленный комплекс, нефтехимию и текстильную промышленность; диверсификация экономики, снижение зависимости от экспорта сырьевых товаров; и улучшение доступа и качества образования, здравоохранения и других социальных услуг (Всемирный банк, 2016).

С середины 2000-х годов в Узбекистане наблюдается устойчивый рост ВВП (8% в 2015 году) благодаря благоприятным торговым условиям для ключевых экспортных товаров, таких как медь, золото, природный газ, хлопок. Кроме того, макроэкономическое управление правительства и ограниченный доступ к международным финансовым рынкам защитили его от экономического спада. Сектор услуг обеспечивает почти половину ВВП, а сельское хозяйство играет важную роль, генерируя 18% ВВП в 2015 году. Внутри страны Узбекистан должен работать над минимизацией уязвимости к возможным внешним потрясениям, влияющим на цены на сырьевые товары и ожидаемый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и внешних займов для финансирования крупных государственных инвестиций программы.

Центральноазиатская образовательная платформа (САЕР) продолжит вносить экспертный вклад в региональный политический диалог в Центральной Азии, инициированный в рамках проводимых раз в два года конференций министров при поддержке САЕР. Приоритетами регионального сотрудничества являются обеспечение качества, возможности трудоустройства, включая ДСП, сотрудничество ПОО/ОН – работодатель и использование фактических данных и данных для мониторинга политики.

Отмечается, что вместе со странами Восточного партнерства Казахстан продолжает участвовать в региональном проекте Skills Connexion по обучению на рабочем месте (WBL) до 2017 года. Проект будет охватывать взаимное обучение и политические рекомендации по укреплению механизмов WBL. the regional work-based learning (WBL).

В документе, подготовленном Исследовательской службой Конгресса (CRS) Соединенных штатов Америки, в частности, Марией Блэквуд, аналитиком по азиатской политике [Central Asia: Background and U.S. Relations, 2021], прежде всего, внимание обращается на «координатные» параметры Центральной Азии: это регион, не имеющий выхода к морю,

граничащий с Каспийским морем на западе, Россией на севере, Китаем на востоке и Афганистаном и Ираном на юге. Аналитик Блэквуд отмечает, что входящие в него пять центральноазиатских стран – Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – в совокупности занимают площадь, равную примерно 40% территории Соединенных Штатов. Общее население региона, составляющее около 73 миллионов человек, этнически разнообразно и преимущественно моложе 30 лет; религия большинства в Центральной Азии - Суннитский ислам, и в регионе также проживают группы религиозных меньшинств, включая мусульман-шиитов и различные христианские конфессии, в первую очередь, русскую православную. В дополнение к местным тюркским и персидским языкам, на русском языке в той или иной степени говорят во всем регионе.

Внешние наблюдатели классифицируют правительства Центральной Азии как авторитарные в той или иной степени; все пять стран занимают низкие позиции по международным показателям демократии и прав человека. Центральная Азия была охарактеризована как сложная среда для усилий по продвижению демократии, и наблюдатели выразили обеспокоенность тем, что демократический прогресс в регионе был неравномерным или отсутствовал. Члены Конгресса обратили внимание на проблемы с правами человека в Центральной Азии, включая отсутствие свободы прессы и содержание под стражей политических заключенных. Хотя правительства стран Центральной Азии провели рыночные реформы в разной степени, политические элиты сохраняют значительный контроль над экономикой региона, а коррупция по-прежнему широко распространена.

Центральная Азия остается одним из наименее экономически интегрированных регионов в мире. Укрепление региональных связей уже давно является одним из главных приоритетов США в Центральной Азии. Внутрорегиональные отношения заметно улучшились с 2016 года, когда Узбекистан, самая густонаселенная страна региона, начал политику восстановления отношений со своими соседями. Это привело к прогрессу в таких вопросах, как демаркация границы и водные споры. Периодические пограничные столкновения между некоторыми странами продолжаются, и аналитики считают, что водные ресурсы остаются потенциальным источником конфликтов в регионе. Большая часть гидроэнергетического потенциала Центральной Азии остается нереализованной.

Правительства некоторых стран Центральной Азии с неравномерным прогрессом реализуют проекты по развитию солнечной и ветровой энергетики в своих странах. Несмотря на эти и другие усилия по диверсификации, такие экономики, как казахстанская и экономика Туркменистана, по-прежнему, находятся в сильной зависимости от экспорта углеводородов. Соединенные Штаты были одними из первых стран, признавших пять центральноазиатских стран, когда они стали независимыми после распада Советского Союза в 1991 году. С тех пор Соединенные Штаты подчеркивали поддержку независимости, суверенитета и территориальной целостности пяти стран.

Стратегия США для Центральной Азии определяет основной стратегический интерес США в регионе как построение “более стабильной и процветающей Центральной Азии, которая может свободно преследовать политические, экономические интересы и интересы безопасности с различными партнерами на своих собственных условиях; связана с мировыми рынками и открыта для международных инвестиций; и имеет сильные демократические институты, верховенство закона и уважение прав человека” [Central Asia: Background and U.S. Relations, 2021]. За последние три десятилетия Штаты оказали странам Центральной Азии прямую помощь в размере более 9 миллиардов долларов на поддержку безопасности, демократических реформ и экономического роста, а также на удовлетворение гуманитарных потребностей. Россия поддерживает прочные политические, экономические и военные связи с регионом и является основным пунктом назначения для трудовых мигрантов из Центральной Азии.

Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии значительно выросло в последние года и сопровождается расширением присутствия в сфере безопасности. Однако многие в Центральной Азии по-прежнему настороженно относятся к Китаю, отчасти из-за опасений потенциального посягательства Китая на территорию и гнева из-за репрессий Китая в отношении уйгуров и других преимущественно мусульманских меньшинств в китайском Синьцзяне (Уйгурский автономный район), включающем этнических казахов и кыргызов. После захвата Афганистана талибами многие аналитики считают, что главной заботой правительств стран Центральной Азии является поддержание стабильности и обеспечение безопасности своих собственных стран.

Правительства Центральной Азии в целом придерживаются прагматичного подхода к движению "Талибан", особенно к непосредственным соседям Афганистана - Узбекистану и Туркменистан. Правительство Таджикистана, которое также граничит с Афганистаном, напротив, выразило решительную оппозицию правительству Афганистана, возглавляемому движением "Талибан". Все пять стран ранее в разное время оказывали материально-техническую помощь военным усилиям США в Афганистане, начиная от предоставления прав на пролет и заканчивая размещением американских войск. Кыргызская Республика и Узбекистан сдавали базы в аренду Соединенным Штатам с 2001 по 2014 год и с 2001 по 2005 год, соответственно.

Центральная Азия - это регион, богатый минеральными ресурсами, который граничит с Россией, Китаем, Афганистаном и Ираном. Некоторые наблюдатели утверждают, что важность Центральной Азии для Соединенных Штатов исторически была “производной от интересов, которые не были коренными для самой Центральной Азии, а скорее были функциями политики, приоритетов и отношений США со странами региона” [Central Asia: Background and U.S. Relations, 2021]. С 2001 года взаимодействие США с Центральной Азией в основном сосредоточено на сотрудничестве в области безопасности, особенно в связи с конфликтом в

Афганистане. Россия поддерживает прочные политические и военные связи с регионом, а значительное экономическое присутствие Китая сопровождается расширением сферы безопасности. Совокупное население Центральной Азии, составляющее около 73 миллионов человек, этнически разнообразно, а средний возраст во всех пяти странах составляет около 28 лет. В дополнение к тюркскому (казахский, кыргызский, туркменский и узбекский, среди прочих) и персидскому (таджикский) языку, на русском языке по-прежнему говорят во всем регионе. Внешние неправительственные наблюдатели характеризуют центральноазиатские правительства как авторитарные и репрессивные.

Исторически населенные сочетанием кочевых скотоводческих и оседлых аграрных обществ территории, которые в настоящее время составляют пять центральноазиатских государств, были включены в состав Российской империи в течение 18-19 веков путем сочетания военных завоеваний и политических поселений. Они стали частью Советского Союза после периода вооруженной борьбы после Русской революции 1917 года. В 1924 году советские власти установили границы, которые послужили основой для современных границ Центральной Азии. Советская поселенческая политика и сталинские внутренние депортации определенных этнических групп привели в регион новое население. В то время как название каждой центральноазиатской республики происходит от местной преобладающей группы, регион исторически был этнически разнообразен. Советская политика предоставляла местным языкам определенную защиту, но русский язык функционировал как лингва франка и пользовался привилегиями и поддержкой на протяжении большей части 20-го века. Советское наследие в Центральной Азии является сложным, охватывающим всеобщую грамотность и экономическое развитие, с одной стороны, и жестокие репрессии и ухудшение состояния окружающей среды - с другой.

По оценке одного ученого, независимость привела к “масштабным преобразованиям, [которые] сосуществуют со значительным продолжением советского прошлого” [Central Asia: Background and U.S. Relations, 2021] После обретения независимости многие этнические русские региона переехали в Россию, этническое немецкое меньшинство в основном уехало в Германию, и почти все еврейское население Центральной Азии эмигрировало.

Тем не менее, страны Центральной Азии сохраняют различный уровень этнического разнообразия, даже несмотря на то, что они вступили в процесс формирования новой идентичности в качестве независимых национальных государств. Исламское религиозное наследие традиционно суннитского мусульманского большинства региона является одним из факторов, определяющих современную национальную идентичность в Центральной Азии. Советская идеология была враждебна религии, а советская антирелигиозная политика в Центральной Азии привела к вытеснению ислама из общественной жизни. Эксперты и заинтересованные стороны утверждают, что значение исламского гражданского общества в настоящее время в регионе растет. В то же время правительства стран Центральной Азии, как правило, осуществляют строгий контроль за религиозной деятельностью.

Обладая значительными углеводородными и минеральными ресурсами, Казахстан является наиболее развитой страной в Центральной Азии.

Казахстан имеет протяженные границы с Россией на севере и Китаем на востоке, а также граничит с Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном; это девятая по величине страна в мире по площади суши (примерно в четыре раза больше Техаса). Этнически разнообразное население, насчитывающее около 19 миллионов человек, состоит преимущественно из казахов (69%), с группами меньшинств, включая русских (18,4%), узбеков (3,2%), украинцев (1,4%), уйгуров (1,4%) и татар (1%), среди прочих. Около 70% населения составляют мусульмане, в основном сунниты, и примерно четверть - христиане, в основном русские православные. С момента обретения независимости, авторитарное правительство Казахстана провело рыночные реформы, развило энергетический сектор и предприняло шаги по диверсификации своей экономики. Казахстан проводит "многовекторную" внешнюю политику, стремясь сбалансировать свои отношения с крупными державами, активно участвуя в деятельности международных организациях.

Что касается двусторонних отношений США и Казахстана, то с 2003 года Казахстан проводит учения "Степной орел", многосторонние военные учения, в которых основное внимание уделяется миротворческому потенциалу. В своей последней итерации, проведенной на юго-востоке Казахстана в июне 2019 года, учения "Степной орел" включали участников из Национальной гвардии армии Аризоны, из Соединенного Королевства, Таджикистана и Кыргызстана, с наблюдателями из Индии, Турции и Узбекистана. Борьба с наркотиками является активной областью сотрудничества между двумя странами. Казахстан является страной транзита героина и других опиатов из Афганистана в Россию и Европу. Соединенные Штаты стремятся укрепить потенциал Казахстана в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и связанной с ним преступной деятельностью. Управление по борьбе с наркотиками США имеет региональное отделение в Алматы, крупнейшем городе Казахстана. Государственный департамент охарактеризовал американо-казахстанские правоохранительные и военные связи как прочные.

Кыргызская Республика (широко известная как Кыргызстан) - горная страна, немного меньшая, чем Южная Дакота. Кыргызстан граничит с Китаем в дополнение к трем другим государствам Центральной Азии и поддерживает тесные связи с Россией. Население примерно 6,6 миллион составляют преимущественно кыргызы (73,8%) с группами меньшинств, включая узбеков (14,8%), русские (5,1%), дунгане (1,1%) и уйгуры (0,9%), среди прочих. Примерно 90% населения составляют мусульмане, в основном сунниты; многочисленное христианское меньшинство, составляющее около 7% населения, исповедует православие. На протяжении большей части 30 лет с момента обретения независимости ученые и неправительственные организации (НПО) считали Кыргызстан наиболее демократической

страной в Центральной Азии с активным гражданским обществом и более высокой степенью свободы прессы, чем в других странах региона.

Что касается двусторонних отношений США и Кыргызстаном, то Соединенные Штаты были одной из первых стран, признавших независимость Кыргызстана после распада Советского Союза. С 2001 по 2014 год в Соединенных Штатах действовал Транзитный центр в Манасе, недалеко от столицы Кыргызстана Бишкека, в поддержку обеих операций "Несокрушимая свобода" и операции международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане. Отношения США с Кыргызстаном ухудшились при президенте Алмазбеке Атамбаеве (вступил в должность в 2011 году-2017), как сообщается, частично из-за давления России. Отношения между США и Кыргызстаном несколько улучшились при его преемнике, президенте Жээнбекове (на посту в 2017-2020 годах). Двустороннее сотрудничество в области безопасности пошло на убыль с 2014 года; Госдепартамент стремится развивать сотрудничество в борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также в содействии региональной стабильности.

Таджикистан граничит с четырьмя другими государствами, включая Китай и Афганистан, и поддерживает тесные связи с Россией. Население Таджикистана, составляющее около 9,5 миллионов человек, состоит преимущественно из таджиков (около 84% по состоянию на 2014 год), со значительным узбекским меньшинством (около 14% по состоянию на 2014 год).¹⁰⁵ Территория страны немного меньше штата Висконсин. По местным оценкам, более 90% жителей Таджикистана являются мусульманами, в основном суннитами; шииты-исмаилиты составляют около 4% мусульманского населения. Протяженная граница Таджикистана с Афганистаном и возможность распространения нестабильности в этой стране на Центральную Азию привлекают интерес к Таджикистану со стороны Китая, Россия и Соединенных Штатов.

Что касается двусторонних отношений между США и Таджикистаном, то официальные лица США рассматривают Таджикистан как важного партнера в содействии стабильности в Афганистане. Госдепартамент запрашивает 48,4 миллиона долларов на помощь Таджикистану в 2022 финансовом году. Помощь США Таджикистану включает программы общественного здравоохранения, направленные на питание, борьбу с туберкулезом, охрану здоровья матери и ребенка, а также программы, направленные на построение демократических институтов, политического плюрализма и гражданского общества; поддержку модернизации системы образования страны; решение проблемы изменения климата; поддержку развития сельского хозяйства; повышения конкурентоспособности частного сектора. Взаимодействие США с Таджикистаном также включает сотрудничество в области безопасности, особенно в области борьбы с наркотиками, борьбы с терроризмом, нераспространения и противодействия насильственному экстремизму. Таджикистан расположен вдоль основного маршрута незаконного оборота наркотиков для опиатов.

Туркменистан граничит с Каспийским морем и четырьмя другими странами, включая Афганистан и Иран. Страна немного больше Калифорнии и более чем на 80% состоит из пустыни. Численность населения Туркменистана оспаривается; цифра, заявленная правительством, составляет 6,2 миллионов, но некоторые утверждают, что это может быть меньше половины от этого показателя. По данным Государственного Департамента, Туркменистан примерно на 89% состоит из мусульман (преимущественно суннитов), и около 9% восточно-православных. Подавляющее большинство населения страны составляют туркмены (примерно 85% по оценкам правительства США), с группами меньшинств, включая узбеков и русских. С момента обретения независимости авторитарное правительство Туркменистана держало страну в значительной степени изолированной от внешнего мира и сохраняло жесткий контроль над экономикой, хотя ресурсы природного газа Туркменистана привлекли иностранные инвестиции. Конституция Туркменистана устанавливает “постоянный нейтралитет”.

История и география лежат в основе сложных, но важных отношений с Россией, а растущая экономическая зависимость способствует установлению более тесных связей с Китаем. В последние годы взаимодействие США с Туркменистаном было сосредоточено главным образом на вопросах безопасности границ, особенно с соседним Афганистаном. Правительство Туркменистана не признало ни одного случая COVID-19 в пределах своих границ. Независимые средства массовой информации, работающие за пределами страны, собрали доказательства случаев заражения и смерти от COVID-19 и сообщают, что власти ввели внутри страны ограничения, связанные с пандемией. Пандемия усугубила экономическое положение Туркменистана. Жители сталкиваются с хронической нехваткой продовольствия, а также с трудностями при снятии наличных, которые используются для большинства транзакций.

Что касается двусторонних отношений между США и Туркменистаном, то Конституция Туркменистана закрепляет принцип “постоянного нейтралитета” в качестве основы внешней политики страны. Организация Объединенных Наций официально признала нейтральный статус Туркменистана в 1995 году. На практике нейтралитет Туркменистана приводит к внешнеполитическому изоляционизму, и страна в значительной степени закрыта от внешнего мира. В то время как географическое положение и энергетические ресурсы Туркменистана делают его потенциальным стратегическим партнером для Соединенных Штатов, развитию американо-туркменских связей препятствуют непривлекательный инвестиционный климат страны, репрессивное правительство и в целом закрытый характер. Двустороннее взаимодействие на сегодняшний день сосредоточено в основном на вопросах региональной безопасности. Государственный департамент запрашивает помощь Туркменистану в размере 4,1 миллиона долларов в 2022 финансовом году по сравнению с 4 миллионами долларов, выделенными в 2020 финансовом году. Для того, чтобы “помочь [Туркменистану] стать партнером, вклад которого может

помочь стабилизировать Афганистан”, программы США включают усилия по улучшению делового климата в стране и стимулированию более диверсифицированной экономики; борьбе с торговлей людьми; и содействие благому управлению.

Многие аналитики считают Узбекистан потенциальным региональным лидером. Узбекистан имеет самое большое население в регионе и является единственной страной, которая граничит со всеми четырьмя другими государствами Центральной Азии. Страна также имеет общую границу с Афганистаном. Узбекистан немного больше, чем Калифорния, и большинство населения страны, составляющего примерно 34,9 миллиона человек, составляют узбеки (83,8%), таджикским (4,8%), казахским (2,5%), русским (2,3%), каракалпакским (2,2%) и татарским (1,5%) меньшинствами, среди прочих. Большинство жителей Узбекистана - мусульмане (88% по оценкам правительства США и 96% по данным правительства Узбекистана), почти исключительно сунниты, и около 2,2% населения - русские православные.

Широкомасштабные реформы, проводимые в настоящее время в Узбекистане, потенциально создают новые возможности для взаимодействия США со страной в целом ряде секторов. Узбекистан ранее стремился позиционировать себя в качестве посредника между движением "Талибан" и афганским правительством в соответствии с заявленной Узбекистаном целью содействия внутриафганским мирным переговорам. Позиция Узбекистана в отношении движения "Талибан" в целом рассматривается как прагматичная, с приоритетом обеспечения безопасности Узбекистана.

Что касается двусторонних отношений между США и Узбекистаном, то они заметно улучшились с 2016 года, что отражает более широкое развитие международных связей страны, и официальные лица США выразили решительную поддержку усилий Узбекистана по реформированию. Президент Мирзиёев посетил Вашингтон, округ Колумбия, в мае 2018 года, что стало первым официальным визитом президента Узбекистана в Соединенные Штаты с 2002 года, и высоко оценил "новую эру стратегического партнерства" между двумя странами. С 2001 по 2005 год отношения между Соединенными Штатами и Узбекистаном были относительно прочными и в значительной степени сосредоточены на сотрудничестве в области безопасности, связанном с Афганистаном. В 2002 году во время визита тогдашнего президента Каримова в Вашингтон, округ Колумбия, две страны подписали Декларацию о стратегическом Партнерстве и сотрудничестве. Американо-узбекские отношения пережили серьезный спад в 2005 году, после того как правительственные войска убили более 100 безоружных гражданских лиц во время беспорядков в восточном городе Андижан. Правительство отреагировало на иностранную критику высылкой многочисленных международных НПО и СМИ, прекратив программу Корпуса мира и потребовав вывода американских войск, дислоцированных на авиабазе Карши-Ханабад, в поддержку военных операций в Афганистане. Узбекистан продолжал оказывать материально-техническую поддержку силам НАТО в Афганистане, разрешив транзит

несмертельных грузов через свою территорию в рамках Северной распределительной сети, созданной в 2009 году.

Внешняя помощь США Узбекистану направлена на поддержку усилий страны по реформированию, особенно в судебной, образовательной, экономической и финансовой сферах, с целью усиления защиты прав человека, борьбы с коррупцией и повышения устойчивости. Помощь Узбекистану включает мероприятия по нераспространению и программы общественного здравоохранения, направленные на борьбу с туберкулезом, а также поддержку расширения гражданского общества, повышения профессионализма журналистов и развития способности парламента Узбекистана инициировать законодательство и обеспечивать значимый надзор за другими ветвями власти. Помощь также направлена на укрепление безопасности и региональной стабильности путем оказания помощи Узбекистану в профессионализации его сил обороны и укреплении пограничной безопасности и антитеррористического потенциала. Государственный департамент запрашивает помощь Узбекистану в размере 44 миллионов долларов в 2022 финансовом году по сравнению с 43,7 миллионами долларов, выделенными в 2020 финансовом году

Согласно последней версии Стратегии США для Центральной Азии, опубликованной в 2020 году, Соединенные Штаты стремятся “побудить государства Центральной Азии развивать экономические и торговые связи с Афганистаном и моделировать стабильное управление многоэтническими странами с мусульманским большинством” [Central Asia: Background and U.S. Relations, 2021]. Характер взаимодействия США с Центральной Азией может измениться в свете выхода США из Афганистана и захвата страны талибами в августе 2021 года. По оценкам аналитиков, недавние события в Афганистане могут привести к усилению российского присутствия в сфере безопасности в Центральной Азии.

Другие предполагают, что контроль Талибов в Афганистане может также усилить влияние Китая в Центральной Азии и в регионе в целом. И наоборот, один давний наблюдатель за регионом утверждает, что “возможно, более вероятно, что мало что в отношениях Центральной Азии с крупными державами в их нынешнем виде вообще изменится”, поскольку Соединенные Штаты обеспечивают противовес российскому и китайскому влиянию в регионе. Некоторые полагают, что захват Афганистана Талибами может побудить Узбекистан удвоить усилия по налаживанию регионального сотрудничества и укреплению своей роли лидера в Центральной Азии.

Новейшая центральноазиатская когнитивно-спациальная идентичность – тема в agenda европейских и американских аналитических и научных источниках. Последнее тридцатилетие в формировании символического и человеческого капитала жителя Центральной Азии очевидно направление развития, симметричное по своему характеру особенностям семиологической картины мира Центральной Европы, условной части Европы, размещаемой между Западной и Восточной Европой.

Обращает внимание на себя и то, что, несмотря на значительные усилия, направленные центральноазиатскими республиками на формирование новой этнической идентичности в современном обществе, ориентированным на управление знаниями и технологический менеджмент, они по-прежнему воспринимаются как постсоветские государства.

Для центральноазиатских семантик, процессы смыслопорождения которых определялись в течение нескольких столетий взаимодействием территориальных лингвосемиотических систем с семиотической системой русского языка новое столетие глобальных коммуникаций предполагает цикл трансформаций, которые обусловлены их взаимодействием с новыми аксиологическими системами и идеологиями, требующими изменения модальности (способов выражения волеизъявления и смысловой дифференциации пространства обитания) центральноазиатских языков.

Особое место в конструировании нарративной медийной истории стран Центральной Азии составляют документы стратегического планирования и аналитические отчеты, моделируют дискурс, на основе аналитических матриц, адекватных англосаксонской и американской эпистемологии и антропологии.

Территории Центральной Азии, как можно это определить по данным англоязычных исследований и аналитических отчетов, становятся территориями внедрения американской и европейской эпистемологии как наиболее приемлемых в обстоятельствах расширения влияния медиасреды на формирования аксиологий повседневной реальности. Основной стратегической задачей распространения ментальных ценностей американского и европейского дискурсов является изъятие из центральноазиатского нарратива системы означивания, отличающей семиотическую систему русского языка и принципов организации семантического пространства, построенных на основе структурно-функциональной методологии. В рамках структурно-функциональной проблематики осознаются отношения между классом структур и классом функций, которые конкретизируются в исследовании соотношений функциональной необходимости и функциональных альтернатив действий. Особое место занимает категория «функциональное единство», при описании которой учитывается, что в любой системе присутствует диссонирующее ей начало – дисфункция. В аналитических отчетах функционирование структурных элементов – республик символическо-коммуникативного единства «Центральная Азия» – рассматривается именно в плане функционального единства как дисфункции европейского дискурса в их современном состоянии.

Библиографический список

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Бодрийяр П. Америка. СПб. Издательский дом: Владимир Даль, 2008. – 208 с.

Бруно де Кордые: В поисках среднеазиатской идентичности// <https://centrasia.org/newsA.php?st=1155948420&> 12.04.2022

Де Кордые, Б. В поисках среднеазиатской идентичности / Б. Де Кордые // Новое поколение. – 2006. – 1 сентября. – № 35 (431)

Де Кордые, Б. Евразийское мусульманство? (взгляд на положение, эволюцию ислама и исламизма в бывших советских республиках Средней Азии и Каспийского региона) / Б. Де Кордые // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – № 5(59). – С. 148-170

Дугин А. Три эпистемологии - американская, европейская, русская [Электронный ресурс] - URL: https://nsk.tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-tri-jepistemologii-amerikanskaja-evropejskaja-russkaja_40092 11.05.2021

Маршева Л. Очерк церковнославянской орфографии. Статья 2. Диакритические знаки// <https://pravoslavie.ru/32724.html>? 04.04.2022

Силичев Д.А. Ф. де Соссюр и современная философия//Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. Сб. статей. Сер. «Теория и история языкознания». Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. - Редкол.: Кузнецов В.Г. (отв. ред.), Опарина Е.О., Ромашко С.А. М., 2008. - С.84-115.

Халина Н. Антропология идентичности через призму средовой герменевтики: центральноазиатская идентичность// Terra scimus : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрёстных годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. – С.73-79.

Annual Report 2020. UNODC Regional Office for Central Asia. - 142 p.

Anthony Dunne and Fiona Raby. Massachusetts Institute of Technology, 2013. – 224 p.

Ardeshir M. Ibn Sinā's Philosophy of Mathematics // The Unity of Science in the Arabic Tradition. Kluwer-Springer Academic Publishers, Printed in the Netherlands., 2008. – pp. 43-57 .

Bardzell J., Bardzell Sh. What is “Critical” about Critical Design? // Conference: Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems 2013. [Электронный ресурс] - URL: file:///C:/Users/SUPERU~1/AppData/Local/Temp/Bardzells_CriticalDesign.pdf

Barret W. What Existentialism Offers Modern Man A Philosophy of Fundamental Human Realities// July 1951 Culture & Civilization [Электронный ресурс] - URL: <https://www.commentary.org/articles/william-barrett-2/what-existentialism-offers-modern-man-a-philosophy-of-fundamental-human-realities/>30.04.2022

Black D. L. Knowledge ('ILM) and Certitude (YAQĪN) // Al-Fārābī's Epistemology Published online by Cambridge University Press: 15 February 2006 [Электронный ресурс] - URL: [https://www.semanticscholar.org/paper/KNOWLEDGE-\(%E2%80%98ILM\)-AND-CERTITUDE-\(YAQ%C4%AAN\)-IN-Black/a928ffea7fca6d6cc09980aacbc2421dd40f896b](https://www.semanticscholar.org/paper/KNOWLEDGE-(%E2%80%98ILM)-AND-CERTITUDE-(YAQ%C4%AAN)-IN-Black/a928ffea7fca6d6cc09980aacbc2421dd40f896b)

Black/a928ffea7fca6d6cc09980aacbc2421dd40f896b

Central Asia regional strategy paper 2017-20. Central Asia 02. etf . - 15 p.

Central Asia: Background and U.S. Relations September 24, 2021. 65 p R46924 Congressional Research Service [Электронный ресурс] - URL: <https://crsreports.congress.gov>] Maria A. Blackwood Analyst in Asian Policy

Dunne A. Speculative everything: design, fiction, and social dreaming / by Ibn Sīnā: al-Ishārāt wat-tanbihāt, M. Shehabi (ed.) (Arabic), Tehran University Press, Tehran physics, Chapter 3, 1960,

Jakobson R. On linguistic aspects of translation// Venuti, L. (ed.) The Translation Studies Reader, New York, London, Routledge publ., 2004. - pp. 138-143.

Kurambayev B., Freedman E. Ethics and Journalism in Central Asia: A Comparative Study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan// JOURNAL OF MEDIA ETHICS, 2019 <https://doi.org/10.1080/23736992.2019.1700119/>

Mohammad R. Cyberspace in the Post-Soviet States: Assessing the Role of New Media in Central Asia// Jadavpur Journal of International Relations 24(1) 7-27, 2020

Rahman Sh., Street T., Tahiri H. The Unity of Science in the Arabic Tradition. Kluwer-Springer Academic Publishers, Printed in the Netherlands, 2018. - 317 p.

Savchenko I., Osavoluk A., Savchenko K. EU Human Rights Promotion in Central Asia. Between the Dragon and the Bear[Электронный ресурс] - URL: https://www.martenscentre.eu/wpcontent/uploads/2020/06/ces_policy_brief_-_between_the_dragon_and_the_bear-web-final2-1

The 2019-2021 Regional Strategy for Central Asia. UNHCR CENTRAL ASIA. July 2019 .- 32 p.

The status of media and the role of social media in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan Bishkek, 2018. - 58 p.

Chapter 3.
SOCIOLOGICAL ASPECTS OF MEDIA ANALYTICS OF THE CENTRAL
ASIAN REGION
by Alla Kovaleva

Central Asia, from the point of view of social communications, is a single social whole, the coherence of which is ensured and maintained by media communications. In the modern world, the media act as a social institution of society, providing social communication, connecting various parts of society. The media as an object of research are considered within the framework of middle-level sociological theories: sociology of communications, sociology of mass communications, sociology of mass media, sociology of journalism, sociology of public opinion, sociology of advertising, etc.

The thematic segments "Turkology", "the Turkic world" of the media space of the countries of the Greater Altai and Central Asia are chosen as the object of research. The priority aspects of the study are a) assessment of the basic parameters of the reflection of the problems of Turkology and the Turkic world in the media space of the countries of the Greater Altai and Central Asia, and b) characteristics of the reflection of the problems of Turkology and the Turkic world in the media space of the Greater Altai and Central Asia.

The study of the social reality of the Greater Altai and Central Asia allows us to "collect" social facts in the media space that allow us to study the mass behavior of people. The study of media content includes several methodological steps: 1) identification of the number of information guides on the topics of Turkology and the Turkic world; 2) ranking of information guides on the topics of Turkology and the Turkic world by the number of messages, visibility, audience coverage, audience involvement in the discussion of the publication; 3) identification of objects that determine the number and nature of the presence of topics of Turkology in the media field; 4) determining the rating of objects by the number of messages, the presence in the main role, the media index, the nature of mentions (positive \ negative); 5) assessment of audience coverage; 6) assessment of the status, category, influence of the publication source; 7) assessment of the activity of the authors of publications.

The analysis of media trends characteristic of the media coverage in the media space of the countries of the Greater Altai and Central Asia of this topic showed that the bulk of publications are scientific and educational news related to conferences, scientific projects, the work of existing research units dealing with this issue, as well as issues of power and politics. Publications concerning the historical and cultural heritage of the peoples of the Turkic world, its preservation and popularization, the historical and cultural unity of the peoples of Russia and the countries of Central Asia occupy an insignificant place in the information flow. At the same time, it is the media space that is a kind of "repository" of the history, culture, traditions of the Turkic-Slavic peoples, and the mass media perform the function of cultural reproduction in modern society.

Глава 3.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕДИАНАЛИТИКИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

А.В. Ковалёва

В последние десятилетия центрально-азиатский регион представляет собой достаточно развитую в медийном плане «территорию», анализ состояния которой проводится как отечественными, так и зарубежными исследователями, и аналитиками, в ряду которых особое место занимают социально-эмпирические работы российских исследователей.

Медийные коммуникации, будучи структурным элементом массовых коммуникаций, обеспечивают возможность осуществления социальных действий, производными от которых признаются социальные зависимости – социальные отношения, при которых «социальная система может совершить необходимые для нее социальные действия, если другая социальная система не совершит своих действий» [Зосименко, 2013].

Центральная Азия, с точки зрения, социальных коммуникаций представляет собой единое социальное целое, когерентность которого обеспечивается и поддерживается медийными коммуникациями. *В современном мире СМИ выступают как социальный институт общества, обеспечивающий социальную коммуникацию, связывающий между собой различные части социума.* СМИ как объект исследования рассматриваются в рамках социологических теорий среднего уровня: социологии коммуникаций, социологии массовых коммуникаций, социологии СМИ, социологии журналистики, социологии общественного мнения, социологии рекламы и т.д.

СМИ, играя одну из главных ролей в процессе формирования коллективного сознания и общественного мнения, используют различные способы актуализации социальных проблем. Им способствуют высокая частотность публикаций о конкретных явлениях, наличие связанного с ними визуального ряда, разнообразные и громкие информационные поводы, грамотная компоновка материалов заданной тематике в зоне повышенного читательского внимания, рубрикация текстов, формирование четкой позиции газеты и общего тона публикаций, а также широкая практика привлечения различного рода авторов и экспертов к освещению социальных проблем.

СМИ как отдельный социальный институт массовой коммуникации рассматривается в рамках социологии массовой коммуникации. Характеризуя предметную область социологии массовых коммуникаций, ряд авторов определяют функции и роли СК, закономерности массовых информационных процессов, деятельность социальных институтов, производящих и распространяющих массовую информацию и их сосуществование с другими социальными институтами (властью, бизнесом, политикой и т.д.) и обществом в целом [Федотова, 2003], а также обращают внимание на такие аспекты их функционирования как роль СМИ в

формировании повестки дня, специфика дискурса и эффекты воздействия масс-медиа, профессиональная практика современных журналистов [Черных, 2008].

Характеризуя предмет социологии коммуникации, В.П. Конецкая и С.В.Бориснев, указывают, что им выступает социальная коммуникация, а точнее функциональные особенности общения представителей различных социальных групп в процессе их взаимодействия и в результате воздействия на их отношение к социальным ценностям данного общества. Массовую коммуникацию в данном случае рассматривается как элемент социальной коммуникации [Конецкая, 1997; Бориснев, 2003]

Достаточно актуальным социальным аспектом медийных коммуникаций становится аспект медиапотребления. В социологии коммуникаций медиапотребление рассматривается в контексте социальных коммуникаций в обществе и социальных действий человека. По определению В.П. Коломийца, «медиапотребление» означает «социальную практику использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения символического содержания и осуществления социальных связей и взаимодействий» [Коломиец, 2014]. Медиапотребление как активный процесс осмысления контента (содержания коммуникации) становится элементом структуры человеческой деятельности, сопоставимым по функционалу с категорией социальной практики, подразумевающей «совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков обращения с различными предметами; мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер; частные социальные институты» [Добренков, Кравченко, 2004, С. 154].

Собственно, сам термин «медиапотребление» относится к предметной сфере медиасоциологии – отрасли социологической науки, изучающей поведение людей в современной медийной среде [Коломиец, 2014, С.73]. Социологический аспект медиапотребления определяется через влияние, которое феномен медиа оказывает на общество. Медиа, в свою очередь, рассматриваются в качестве а) уникальной среды коммуникационных технологий, в которой живет человек, и б) потребляемого потока символического содержания коммуникации [Коломиец, 2014, С.74]. Медиасоциология разрабатывает точку зрения рассмотрения медиа в качестве аспект социальной жизни, определяющего социальные практики людей. При этом медиа выполняют функцию среды (поля) взаимоотношений людей, а медиапотребление предстает как значимый аспект функционирования медиаиндустрии.

Одним из научных методов, который широко применяется при исследовании различных аспектов функционирования средств массовой информации является *контент-анализ*. Данный социологический метод активно используют представители социогуманитарных наук, заинтересованные в установлении объективных признаков разнообразных человеческих коммуникаций: юристы, историки, журналисты, литературоведы, культурологи, политологи, и т.д.

Традиционно контент-анализ понимается как исследовательская техника объективного, систематического и количественного описания явного содержания коммуникации. В рамках отечественной научной традиции контент-анализ определяется как количественный анализ текстов с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Смысл контент-анализа как исследовательского метода состоит в восхождении от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания текста [Алексеев, 1974; Бориснев, 2003].

Предпочтение здесь отдается стандартизированным процедурам, которые позволяют быстро и надежно получить количественные показатели.

Контент-анализ относится к широкой области исследований, затрагивающих не только текст, но информацию различного рода — изображения, аудио и видеoinформацию. Кроме того, контент-анализ, в отличие от других способов изучения документов, позволяет вписать содержание документа в социальный контекст, осмыслить его как проявление или как оценку социальной жизни. Данное обстоятельство особо важно в связи с тем, что тексты СМИ всегда динамичны и современны, они воспринимаются участниками коммуникации в контексте происходящих событий. При этом функция сообщения в них реализуется в той же мере, что и функция воздействия, для чего используется богатый набор языковых и внеязыковых средств.

Согласно мнению Семеновской А.В., «начиная с самых ранних попыток тематической классификации и количественного измерения параметров содержания газеты, текст рассматривается в системе социального функционирования прессы. Для начального периода развития социологии СМИ было характерно мнение, что существует непосредственное влияние прессы на процесс социализации. Роль установки индивида, влияние группы, лидера мнений в коммуникативном процессе выявились теорией позднее. Дальнейшие исследования строились на тех или иных зависимостях между СМИ и аудиторией» [Семеновская, Корсунская, 2010].

Роль СМИ как средства социализации, отмечает Ильченко С.Н.: «Традиционные и электронные СМИ, будучи частью системы общественного устройства, представляют собой эффективный инструмент регулирования деятельности членов сообщества в контексте социальных отношений различных слоев гражданского общества, удовлетворяющие свои потребности. Социальная интеграция потребителей в медийном пространстве создает представления об устойчивости социальной жизни, способствует социализации индивидов» [Ильченко, 2017].

Относительно значимости использования контент-анализа СМИ, отметим, что данная исследовательская процедура позволяет: определить закономерности, тенденции исследуемого информационного потока; выявить намерения коммуникатора при тиражировании этого потока, а также прогнозировать возможные реакции аудитории на эту информацию. Применение контент-анализа к содержанию текстов СМИ «предполагает владение измерительными навыками, использование приемов операционализации понятий, что позволяет выявить в медиапродуктах

содержание, скрытое от непосредственного восприятия, обнаружить неявные, но объективно существующие тенденции» [Белковский, Савинова, 2017, С.4].

Эмпирическая социология, в рамках которой проводится исследование СМИ, будучи составной частью единого социологического знания, исследует социальную реальность с помощью инструментальных технологий изучения массового поведения людей в различных сферах социальной жизни, к числу которых относится и медийная «жизнь», или пребывание в медийном пространстве. Эмпирическая социология как конкретно-социологическое исследование занята добыванием и первичным осмыслением социальных фактов – их описанием, классификацией, интерпретацией, что связывает социологию на этом уровне с психологией и антропологией. Эта отрасль социологического знания связана с анализом социальных фактов, или фрагментов социальной действительности, зафиксированных в сознании человека в форме естественной, к которой относятся устная и письменная речь, или форме искусственной – формулах, графиках и пр. К социальным фактам относятся такие фрагменты общественной жизни, как поступки индивидов и социальных групп, материальные и духовные результаты человеческой деятельности, устные и письменные высказывания людей [Уровни социологии].

Разрабатывая методику эмпирического исследования материалов СМИ посредством контент-анализа, важно соблюдать такие требования, как:

- определение характеристики текста, которые должны фиксироваться во всех избранных для исследования материалах;
- выбор сообщения для анализа должен основываться на формальных, обусловленных беспристрастных признаках;
- репрезентативность материалов, выбранных для анализа.

В настоящее время активно разрабатываются технические разновидности методик анализа информации применительно к специфике текстовых источников в различных отраслевых социологиях, происходит разработка специализированного программного обеспечения для проведения контент-анализа. Новые исследовательские инструменты, направленные на сбор больших массивов данных и их последующую обработку открывают и новые возможности для анализа СМИ.

В данной работе приведем пример того, как для анализа текстов СМИ по тематике «тюркология и тюркский мир», применялась онлайн система мониторинга и анализа СМИ Медиалогия. Система Медиалогия состоит из базы СМИ и автоматизированного аналитического модуля, позволяющего в несколько минут проводить мониторинг и анализ материалов СМИ. База СМИ включает более 43 000 наиболее влиятельных источников. Аналитический модуль обеспечивает анализ качества упоминания в СМИ, учитывая влиятельность источника, позитив/негатив, заметность сообщения. Результат работы системы – мгновенный анализ потока сообщений СМИ [[https:// www.mlg.ru](https://www.mlg.ru)].

Базовая модель исследования медиaprостранства в контексте тематики «тюркология», «тюркский мир», сформированная в результате анализа

научной литературы, изучения практического опыта медиаисследований, включает следующие параметры:

- количество публикаций, их динамика, доля оригинальных\перепечаток;

- информационные поводы; события. В информационном потоке группируются события. Под событийностью понимается процесс создания и организации новостных сообщений. Чем выше доля событийности, тем эффективнее текст выполняет свою информативную роль.

- объекты, их параметры. В результате объектного поиска (объект- это физическое или юридическое лицо, торговая марка (бренд) или географическое понятие) системе определяются параметры упоминания каждого объекта: главная или эпизодическая роль, наличие прямой речи, позитивный или негативный характер упоминания. Оценка данных параметров позволяет определить социальную влиятельность СМИ и отражает потенциал возможного распространения информации в других СМИ и соцмедиа:

- активность СМИ по количеству;
- медиаиндекс СМИ;
- СМИ по уровням, по категориям, отраслям;
- СМИ по регионам, странам;
- СМИ по жанрам, рубрикам;
- СМИ по авторам.

Количественные и качественные оценки данных параметров позволяют определить специфику структуры и содержания информационного потока по тематике «тюркология», «тюркский мир» медиапространства стран Центральной Азии и сформировать коммуникационные стратегии для продвижения тематического контента. Для того, чтобы выстраивать коммуникацию со своими целевыми аудиториями, необходимо понимание следующих факторов: 1) того, что происходит на том участке информационного поля, где планируется размещение интересующего нас контента; 2) каких целей и результатов необходимо достичь (в данном случае - осуществление влияния на процессы); 3) что представляют из себя целевые аудитории, где они находятся и что их интересует; 4) как можно действовать в той или иной ситуации.

В качестве объекта исследования избирается тематические сегменты «тюркология», «тюркский мир» медиапространства стран Большого Алтая и Центральной Азии. Приоритетными аспектами исследования становятся а) оценка базовых параметров отражения проблематики тюркологии и тюркского мира в медиапространстве стран Большого Алтая и Центральной Азии, характеристика и б) характеристика отражения проблематики тюркологии и тюркского мира в медиапространстве Большого Алтая и Центральной Азии.

Исследование социальной реальности Большого Алтая и Центральной Азии позволяет «собрать» в медиапространстве социальные факты, позволяющие изучить массовое поведение людей. Исследование

медийного контента включает в себя несколько методических шагов: **1)** выявление количества инфоповодов по тематике тюркологии и тюркского мира; **2)** составление рейтинга инфоповодов по тематике тюркологии и тюркского мира по количеству сообщений, заметности, охвату аудитории, включенности аудитории в обсуждение публикации; **3)** выявление объектов, определяющих количество и характер присутствия тематики тюркологии в медиополе; **4)** определение рейтинга объектов по количеству сообщений, присутствию в главной роли, медиаиндексу, характеру упоминаний (позитив\негатив); **5)** оценка охвата аудитории; **6)** оценка статуса, категории, влиятельности источника публикации; **7)** оценка активности авторов публикаций.

Аналитические данные, характеризующие структуру и основные характеристики медиaprостранства Большого Алтая в контексте проблематики алтаистики и тюркологии, получены при помощи сервиса «Медиалогия» (автоматической системы мониторинга и анализа СМИ). Данные собирались на основе автоматической обработки более 500 тыс. сообщений в 59 тысячах СМИ ежедневно. В мониторинг включались федеральные, региональные (85 регионов) и зарубежные (169 стран) средства массовой информации, в том числе закрытые источники по подписке. В анализ включались газеты, журналы, ТВ и радио федерального уровня, интернет-СМИ, региональные и отраслевые СМИ. Анализ осуществлялся по ключевым словам «тюркология», и «тюркский мир» в период с 01.01.2021 по 30.11.2021 гг. в средствах массовой информации России, Казахстана, Киргизии.¹⁴

Результаты проведенного анализа оказалось возможно классифицировать по нескольким группам: а) общее количество публикаций; б) информационные поводы; в) объекты и их параметры; г) наиболее активные СМИ по количеству сообщений; д) наиболее влиятельные СМИ по МедиаИндексу; е) СМИ по уровням, по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам; ж) СМИ по регионам, странам.

Общее количество публикаций. В период с 01.01.2021 по 30.11.2021 по тематике «тюркология или тюркский мир» общее количество сообщений составило 13457, из них:

- оригинальных сообщений – 5883 (43.7%);
- перепечаток (перепечатки – похожие сообщения, совпадающие с оригинальной статьёй на 75% и более, свидетельствуют об интересе других СМИ к теме) – 7574 (56.3%).

Динамика выхода сообщений носит «рваный» характер и обусловлена значимостью информационных поводов.

Информационные поводы. Самыми заметными инфоповодами медиaprостранства в контексте «тюркология», «тюркский мир» за отчетный период стали события, отраженные в публикациях (см. Таблица № 1).

---

¹⁴ Эмпирические данные получены в рамках выполнения госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 748715Ф.99.1. Б597АА00002)

Таблица № 1

Рейтинг заметности событий

Событие	Заметность события	Количество сообщений	Охват (из открытых источников)
Анкара готовит "ядерную опцию" для войны в непризнанных республиках	9	416	86,5 млн
Эрдоган заигрался в карты. Турция претендует на Кубань и Якутию?	6	351	80,0 млн
В МИД подвели итоги неформального саммита ССТГ	3	278	17,3 млн
Тюркский совет переименовали в Организацию тюркских государств	3	479	26,0 млн
Президент принял участие в саммите Организации экономического сотрудничества: 04 марта 2021, 20:24 - новости на Tengrinews.kz	2	39	3,1 млн
Нурлан Нигматулин обозначил приоритеты взаимодействия парламентариев ТюркПА		64	2,1 млн
Опасные мифы "Турана"	8	119	5,9 млн
ТУРКИ СМОТРЯТ НА СЕВЕР	1	107	45,6 млн
В последние годы тюркские государства преодолевают новые рубежи - ШахратНурьшев	5	26	2,0 млн
НАГОРНЫЙ КАРАБАХ: ГОД БЕЗ ВОЙНЫ	4	45	15,9 млн
Город Шуша предложили объявить культурной столицей тюркского мира	2	79	56,4 млн
Казахстан и Венгрия намерены переориентировать рынки сбыта	6	31	2,3 млн

Возрождение Туркестана: Нурсултан Назарбаев предрек городу быстрый рост населения	1	11,3	32	млн	1,8
Назарбаев об Азербайджане: Очень дорожим дружбой 29 сентября 2021, 16:57	5	10,7	47	млн	3,0
Неофициальный саммит тюркоязычных стран пройдет 31 марта в Казахстане	4	10,3	60	млн	10,8
Президент Токаев принял главу Великого национального собрания Турции 27 сентября 2021, 14:44	3	10,0	42	млн	10,8
Месси определился со своим новым клубом		9,66	35	млн	4,6
НурболТурашбеков назначен акимом Туркестана: 10 июня 2021, 17:33 - новости на Tengrinews.kz		9,63	28	млн	5,4
Ничего личного: что Турция намерена сделать с Россией		9,2	60	млн	11,1
Почему предложение Эрдогана "помирить Украину с Россией" будет отвергнуто		8,98	29	млн	6,9

Таким образом, информационная повестка медиапространства по проблематике тюркологии определяется различными аспектами взаимодействия стран тюркского мира.

Объекты, их параметры. Ключевыми объектами медиапространства по исследуемой тематике за период с 1 января 2021 по 30 ноября 2021 года являются: Турция, Азербайджан, Российская Федерация, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан.

- Объект «Турция» упоминается в 8088 сообщениях из 13457, из них присутствует в главной роли в 4563 сообщениях. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 39230,9 пунктов, охват аудитории – 366,9 млн.чел. Негативный характер по данному объекту носят 987 сообщений, позитивный – 1310.

- Объект «Азербайджан» упоминается в 6519 сообщениях из 13457, из них присутствует в главной роли в 2553 сообщениях. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 20068 пунктов, охват аудитории – 278 млн.чел. Негативный характер по данному объекту носят 1135 сообщений, позитивный – 789.

- Объект «Российская Федерация» упоминается в 6155 сообщениях из 13457, из них присутствует в главной роли в 2337 сообщениях. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 34855 пунктов, охват аудитории – 336,2 млн.чел. Негативный характер по данному объекту носят 757 сообщений, позитивный – 355.

- Объект «Казахстан» упоминается в 6044 сообщениях из 13457, из них присутствует в главной роли в 2172 сообщениях. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 48838,8, охват аудитории – 293,6 млн.чел. Негативный характер по данному объекту носят 146 сообщений, позитивный – 620.

- Объект «Кыргызстан» упоминается в 4169 сообщениях из 13457, из них присутствует в главной роли в 1041 сообщении. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 16163,2 пункта, охват аудитории – 216,5. Негативный характер по данному объекту носят 102 сообщений, позитивный – 238.

- Объект «Узбекистан» упоминается в 4161 сообщении из 13457, из них присутствует в главной роли в 831 сообщении. Суммарный медиаиндекс сообщений составляет 18357,9 пункта, охват аудитории – 238 млн.чел. Негативный характер по данному объекту носят 62 сообщений, позитивный – 312.

Таким образом, по количеству упоминаний в сообщениях объект «Турция» является безусловным лидером, далее следуют объекты «Азербайджан» и «Российская Федерация». Однако, объект «Казахстан» среди других объектов имеет наиболее высокий медиаиндекс и более ярко и позитивно представлен в СМИ.

Наиболее активные СМИ по количеству сообщений. Наиболее активными СМИ по количеству сообщений являются:

- Seldon.News (news.myseldon.com, Интернет-агентство федерального уровня, г. Москва) - 279 сообщений;

- ИА Kazinform (inform.kz, Информагентство зарубежного уровня, г. Нур-Султан) - 276 сообщений;

- News-Life (news-life.pro, Интернет-агентство федерального уровня, г. Москва) - 295 сообщений;

- Haberler (ru.haberler.com Интернет-агентство зарубежного уровня, г. Стамбул) - 128 сообщений;

- Алтайский государственный университет (asu.ru, интернет-сайт регионального уровня, г. Барнаул) – 104 сообщения.

1. Наиболее влиятельные СМИ по МедиаИндексу. Наиболее влиятельными СМИ по МедиаИндексу за отчетный период стал:

- ресурс ИА Kazinform (inform.kz, Информагентство зарубежного уровня, г. Нур-Султан) – 390,2 пункта;

- ресурс Tengrinews.kz (Информагентство зарубежного уровня, г. Алматы) - 69,9 пункта.

СМИ по уровням, по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам. СМИ по уровням: наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология»,

«тюркский мир» размещают СМИ зарубежного уровня (7269 сообщений), затем – федерального (3948 сообщений) и регионального (2213 сообщений).

СМИ по категориям: наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещают такие категории СМИ, как: Интернет-СМИ (11398 сообщений), затем информагентства (1594 сообщения) и газеты (408 сообщений).

Отрасль СМИ: наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещают СМИ отрасли «Бизнес и общество» (7288 сообщений), затем «Новостные агрегаторы» (2814), «Другое» (1262) и «Власть» (368).

СМИ по жанрам: наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» представлено в жанре «Новости» (7794), затем - «Аналитика» (4146) и «Прочее» (1252).

СМИ по рубрикам: наибольшее количество сообщений по тематике «тюркология», «тюркский мир» размещаются в рубриках «Власть» (8069), «Международные отношения» (4915), «За рубежом» (2334), «Прочее» (2228), «Наука и образование» (1765).

СМИ по регионам, странам. Наибольшее количество сообщений по тематике тюркологии публикуются в таких регионах России, как (в порядке убывания) Москва (4110 сообщений), Республика Татарстан (329), Алтайский край (274), Республика Алтай (186), Республика Хакасия (109).

Из стран СНГ наибольшее количество статей публикуют (в порядке убывания): Россия (6161), Казахстан (2614), Азербайджан (2200), Кыргызстан (678), Украина (474), Армения (417), Узбекистан (280).

Наибольшее количество сообщений по тематике тюркологии публикуются в таких странах мира, как Турция (293), Грузия (32) и США (23).

СМИ по авторам. Наиболее активные авторы, пишущие по тематике: Красная Иа (ИА Красная весна (rossaprimavera.ru) -71 сообщение; Admin Новости регионов России (newsregions.ru) - 68 сообщений; Гасымов Рустам Новая эпоха (yenicag.ru) 60 сообщений.

Таким образом, анализ данных, полученных посредством мониторинга, позволил сформулировать выводы, характеризующие основные параметры сегмента «тюркология», «тюркский мир» в медийном пространстве стран Большого Алтая и Центральной Азии.

1. Объекты. Ключевыми объектами в публикациях различных СМИ контекста «тюркология», «тюркский мир» за исследуемый период являются: Турция, Азербайджан, Российская Федерация, Казахстан. Именно эти страны находятся в фокусе внимания публикаций СМИ, в большей части публикаций им отводится главная роль.

2. События, составляющие информационную повестку медиaprостранства контекста «тюркология», «тюркский мир». В целом, аналитические и информационные сообщения, связанные с освещением политических и экономических аспектов взаимодействия государств тюркского мира достаточно широко представлены, имеют большой охват аудитории.

- Самым заметным и обсуждаемым инфоповодом стала публикация Life.ru, Москва, 22 ноября 2021: «Анкара готовит "ядерную

опцию" для войны в непризнанных республиках, в которой политолог Дмитрий Родионов рассуждает о том, что «Турция не просто накачивает Украину оружием, но и готовит запасной план участия в конфликте в Донбассе, если ей не удастся выдавить Россию из Ливии и Сирии». Он отмечает, что «Москва является главным конкурентом Анкары в борьбе за влияние в Центральной Азии, всеми силами не пуская её в этот регион» и «Тут невольно вспоминается ставшая знаменитой карта тюркского мира, подаренная недавно Эрдогану его идеологическим соратником - пантюркистом Девлетом Бахчели».

- Наиболее заметными событиями-инфоповодами стали мероприятия, связанные с проведением в марте 2021 года неформального саммита стран содружества тюркских государств; переименованием Тюркского совета в Организацию тюркских государств.

- Публикации, связанные с научными исследованиями и международным сотрудничеством в сфере науки и образования, имеют более низкий уровень заметности. Вместе с тем, отметим информационную активность Алтайского государственного университета, публикации которого приобретают нарастающее количество, заметность и охват аудитории.

3. Активность СМИ. Наиболее активными СМИ по количеству сообщений являются: Seldon.News (news.myseldon.com, Интернет-агентство федерального уровня, г. Москва); ИА Kazinform (inform.kz, Информагентство зарубежного уровня, г. Нур-Султан); News-Life (news-life.pro, Интернет-агентство федерального уровня, г. Москва); Haberler (ru.haberler.com Интернет-агентство зарубежного уровня, г. Стамбул); Алтайский государственный университет (asu.ru, интернет-сайт регионального уровня, г. Барнаул).

4. Влиятельность СМИ. Стабильно высокое значение медиаиндекса на протяжении исследуемого периода демонстрируют информагентства зарубежного уровня ИА Kazinform Tengrinews.kz (Казахстан). Влиятельность других СМИ не имеет стабильно выраженного характера и определяется медиандексом конкретной публикации.

5. Характеристика СМИ по уровням, по категориям, отраслям, рубрикам, жанрам: наибольшее количество публикаций осуществляют зарубежные интернет-издания, размещаются в рубрике «Власть», в жанре «Новости» отрасли СМИ «Бизнес и общество».

6. География выхода публикаций по тематике тюркологии и тюркского мира представлена следующим образом:

- в регионах России наибольшее количество выходит в таких регионах, как (в порядке убывания): Москва, Республика Татарстан, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Хакасия;
- в странах СНГ наибольшее количество публикаций имеют Россия, Казахстан, Азербайджан;
- в странах мира, публикующих абсолютным лидером по количеству публикаций является Турция.

7. Активность авторов: к числу авторов, пишущих наибольшее количество публикаций по тематике тюркологии и тюркского мира и оказывающих наибольшее влияние на аудиторию относятся представители ИА Красная весна (автор – Красная Иа), информагентства «Новости регионов России» (автор – Admin) и информагентства «Новая Эпоха» (автор – Гасымов Рустам).

В целом, следует отметить, что основную часть материалов по тематике тюркологии и тюркского мира производят российские региональные новостные сайты, агрегаторы новостей и пресс-релизов, а также информагентства, оригинальный контент в основном создают сайты вузов, официальных ведомств, а также региональные новостные сайты и газеты. Публикуется материал в основном, в Интернет-СМИ.

Анализ медиатрендов, характерных для освещения в медиaprостранстве стран Большого Алтая и Центральной Азии указанной тематики, показал, что основной массив публикаций составляют научно-образовательные новости, связанные с конференциями, научными проектами, работой действующих научно-исследовательских подразделений, занимающихся данной проблематикой, а также вопросы власти и политики. Публикации, касающиеся историко-культурного наследия народов тюркского мира, его сохранения и популяризации, историко-культурного единства народов России и стран Центральной Азии занимают незначительное место в информационном потоке. Вместе с тем, именно медиaprостранство является своеобразным «хранилищем» истории, культуры, традиций тюрко-славянских народов, а средства массовой информации выполняют функцию культурного воспроизводства в современном обществе.

Библиографический список

- Алексеев А.Н. Контент-анализ, его задачи, объекты и средства / Социология культуры. - М.,1974. - Вып.1. - С.131-162.
- Белковский С.В., Савинова О.Н. Контент-анализ в журналистиковедческих исследованиях. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. – 37 с.
- Бориснев С.В. Социология коммуникации. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 260 с.
- Добреньков В. И., Кравченко А. И. Социология: в 3-х томах: словарь по книге. М.: Социологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова , 2003-2004э
- Зосименко И.А. Социология массовых коммуникаций : учебник / И.А. Зосименко. – Ульяновск: УлГТУ, 2013. – 357с..
- Ильченко С. Н. . Политические игры в медиaprостранстве. СПб.: ИВЭСЭП., 2017 – 292 с.
- Коломиец В.П. Медиа социология: теория и практика, М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2014. – 328 с.
- Конецкая В.П. Социология коммуникации. - М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления. 1997. - 302 с.

Семёнова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / Под ред. В.А. Мансурова. - М.: Институт социологии РАН, 2010. - 324 с.

Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. - СПб.: Питер, 2003. - 400 с.

Черных А.И., Социология массовых коммуникаций. - М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. - 451 с.

Уровни социологии [Электронный ресурс] - URL: <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/urovni-sociologii.html>
22.03.2022

[Электронный ресурс] - URL: <https://www.mlg.ru>

Chapter 4.

EXPLANATORY SEMIOTICS TRANSNATIONAL MEDIADISCOURSES: COMMUNICATIVE IDEOLOGY SCO (by material on the internet publication SCO thread 2021-beginnings 2022.) *by Ekaterina Valyulina*

The formation of geopolitical alliances is a process that accompanies the development of mankind for thousands of years. It is conditioned by the requirements of existence in the modern information and communication space, involving the integration of cultural semantics of ethnic groups, axiological systems and language competencies. Semiotic-narrative competence is defined as the basic grammar of the utterance-discourse of the Shanghai Cooperation Organization, which is interpreted as classification and protogrammatic forms of human consciousness. In accordance with the concept of F. de Saussure, it can be studied as having a transcendent status: semiotic-narrative forms are postulated as universal forms inherent in all linguistic communities and do not know language boundaries, preserved when translated from language to language.

The semiotic-narrative competence of the SCO consists of syntactic divisions (articulations) interpreting the language of events taking place in the communication space of the SCO member states. The discourse of the social reality of each participating country is constructed using semiotic-narrative structures and their transformations into discursive structures.

In our study, we consider the ontological situation of the SCO, paying more attention to syntagmas – semiotic-narrative structures that guide the activity of the user of an Internet resource and help navigate not only in the readable text – a set of connecting signs – but also scenarios of events and relationships generated by them, presented in the text.

The actualization of the SCO's communicative values, or the SCO organization's communication values, in the media text code forms the discursive competence of the "reader" who performs virtual navigation in the SCO information space based on, using, cognitive markers. We believe that it is possible to consider narrative programs or syntagmas of narrative syntax as such cognitive markers. SCO should be considered as a complex system for the favorable functioning of which requires the development of special cognitive-syntactic architectures based on spatial knowledge and spatial cognition, constructing a "world of space" and providing the knowledge necessary to solve special navigation tasks in semantic, virtual and linguistic environments. Similar structures include the syntagmas "SCO Garden" and "Window to the SCO".

The creation of two new formats of communication of the SCO member states should be regarded in the context of semiotic theory as the opening of new narrative perspectives of the alliance of states and the formation of models of ontological security – models of "experience" related to the existence of the SCO alliance as an axiological unity, a sense of one's collective self in relations with "oneself", with the surrounding world, and influencing on the cognitive contour of the ontological framework of everyday life.

Глава 4.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА: КОММУНИКАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ ШОС (по материалам интернет публикаций ШОС конца 2021- начала 2022 гг.)

Е.В. Валюлина

Формирование геополитических союзов является процессом, сопровождающим развитие человечества на протяжении тысячелетий. «Создание союзов различных государств, обусловленное требованиями существования в современном информационно-коммуникативном пространстве, предполагает интеграцию культурных семантик этносов, аксиологических систем и языковых компетенций» [Халина, Валюлина, 2016, С. 91-94]. Отличительным событием XXI века, в этом плане, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. В задачи этой организации входило укрепление стабильности и безопасности на пространстве, объединяющем государства-участников, развитие экономического сотрудничества и энергетического партнерства, научного, культурного взаимодействия. Особенности организации пространства коммуникаций XX-XXI веков определяют в качестве базового средства коннективности медиатексты, формирующие специфическую – медиальную – когницию. Синтез когнитивных семантик этносов, интегрированных в «союзную» систему ШОС, на наш взгляд, становится залогом плодотворного и результативного сотрудничества государств.

Анализ медиакультурной среды ШОС [Халина, Валюлина, 2016.] позволил выявить языковые ансамбли, «претендующие» на роль строевых элементов особой аксиологической системы, синтезирующей когнитивные культурные семантики стран ШОС и масштабирующей семантическую среду этих стран.

В качестве актуального когнитивного средства масштабирования семантической (виртуальной) среды можно рассматривать понятийную матрицу интеграционных ролей идеологии «ШОС», формирующую основания базы знаний (онтологию) Шанхайской организации сотрудничества [Халина, Валюлина, 2020]. Одной из форм масштабирования виртуальной медийной среды является когнитивный образ – репрезентация динамических компонентов образа-картины ментального объекта «ШОС». Когнитивный образ влияет на семантику поведенческого текста, не противоречащего спациональной когниции, а также территориальной идентичности. Виртуально территориальная идентичность геополитического пространства ШОС задается идеологией «Сотрудничество» и философией «Шанхайский дух» [Халина, Валюлина, 2020]

Идеологема рассматривается в качестве элемента идеологической организации, представляющей момент глобального генеративного процесса создания ценностей в высказывании-дискурсе, или акте высказывания как процессе (*l'instance de l'énonciation*). Акт высказывания как процесс, или высказывание-дискурс рассматривается нами в контексте объяснительной актантно-семиотической теории языка Альгирдаса Ж- Греймаса и Жозефа Курте [Греймас, Курте, 1983]. В качестве базовой грамматики высказывания-дискурса определяется семиотико-нарративная компетенция, которая трактуется в качестве классификационных и протограмматических форм человеческого сознания. В соответствии с концепцией Ф. де Соссюра, ее можно исследовать как имеющую трансцендентный статус: семиотико-нарративные формы постулируются как формы универсальные, присущие всем языковым сообществам и не знающие языковых границ, сохраняющиеся при переводе с языка на язык. «Семиотико-нарративная компетенция располагается «вверх по течению», предшествует акту высказывания в его протекании. В соответствии с лингвистическими теориями Э. Ельмслева Н. Хомского семиотико-нарративную компетенцию можно понимать, как состоящую из таксономических и синтаксических членений (артикуляций, *articulations*) [Греймас А. Ж., Курте Ж., 1983 с. 490]. Семиотико-нарративная компетенция выделяется наряду с дискурсивной (в узком смысле слова) компетенцией, составляющими две автономные конфигурации компетенции, обозначающей совокупности условий, необходимых для производства высказывания.

Семиотико-нарративная компетенция ШОС состоит из синтаксических членений (артикуляций), интерпретирующих язык событий, происходящих в пространстве коммуникаций стран-участниц ШОС. Дискурс социальной реальности каждой страны-участницы конструируется с использованием семиотико-нарративных структур и их трансформаций в дискурсивные структуры.

В соответствии с теорией Э. Бенвениста акт высказывания (*l'énonciation*), представляет собой «перевод языка в дискурс». Таким образом, дискурс рассматривается как то, что создается посредством акта высказывания. Дискурсивизация (*dicursivisation*), или перевод в дискурс, строится на использовании семиотико-нарративных структур, как мы уже отметили, и их трансформации в структуры дискурсивные. Дискурс рассматривается как результат оперирования с глубинными формами, результат процесса, приводящего к приросту семантически значимых членений.

Коммуникация, в этом случае, согласно позиции А. Греймаса и Ж. Курте, представляет собой этап на пути порождения (*parcours génératif*) дискурса, вводящий в «сценарий» действий или единственное действующее лицо-субъект высказывания, или бинарную, двухполюсную структуру действующих лиц, производящую двухголосый дискурс, т. е. коммуникацию. Именно подобный подход к коммуникации характерен для дискурса ШОС: действующее лицо-субъект высказывания, или страна участница, принимает на себя и выносит за свои пределы актантные роли;

двухполюсная структура (коммуникационный бинот) располагается в однородном семантическом пространстве, «синтаксические формы которого сравнимы с формами диалога, принятыми после завершения акта высказывания, в высказывании-дискурсе» [Греймас А. Ж., Курте Ж., 1983 с.491].

Организация дискурса в семиотическом плане соотносится с дискурсивной (нарративной) компетенцией, рассматриваемой в качестве способности, отождествимой с синтагматической умственной способностью, способностью создавать синтагмы – правильные комбинации взаимодействующих знаков, формирующих «цепи», или секвенции – осмысленные целые, создаваемые, в соответствии с концепцией К. Д. Скрипник [Скрипник, 2000], посредством выбора из ковенционально уместных/приемлемых или требуемых некоторым правилом системы, например, грамматикой. Парадигмы при этом понимаются как множество ассоциируемых знаков, входящих в определенную категорию. Как считает Соломоник [Соломоник, 2006], синтагмы образуют законченный текст, по ним можно определять характер ожидаемого результата знаковых трансформаций. Парадигмы и синтагмы представляют способы организации знаков в коды. Семиотический код, в понимании А. Б. Соломоника [Соломоник, 2006] – текстовый код, который дифференцирует системы, предоставляющие свои услуги для образования своих систем, и операционные знаковые системы, опирающиеся на онтологическую ситуацию, обслуживаемую системой.

В нашем исследовании мы рассматриваем онтологическую ситуацию «ШОС», большее внимание уделяя синтагмам – семиотико-нарративным структурам, направляющим деятельность пользователя интернет ресурса и помогающим сориентироваться не только в читаемом тексте – множестве соединяющихся знаков – но и сценарии событий и отношений ими порождаемыми, представленными в тексте. Семиотико-нарративные структуры рассматриваются в качестве единиц текстового кода, дифференцирующих операционные знаковые системы, поясняющих онтологическую безопасность коммуникационной системы ШОС.

«Ontological security», термин предложенный Р.Лэнгом [Лэнг, 1995] «означал при трансфере в русскоязычную культуру коммуникации «онтологическую уверенность» или «онтологическую безопасность» – особого рода переживание, включающее спектр частных переживаний, относящихся к бытию собственному «Я», телу, миру, людям, т.е. к бытию. Э. Гидденс предлагал рассматривать онтологическую безопасность как состояние, подобное ощущению себя как «дома» в отношениях с самим собой, с окружающим миром, что должно влиять на опыт управляемого уровня тревоги, который, в свою очередь, требует создания онтологических рамок повседневности медиапотребителя» [Мансков, Халина, 2019, с.16].

Онтологическая безопасность является идеологической константой ШОС, оформляемой в текстовом коде ШОС через формирование нарративной компетенции. Глубинные нарративные структуры, объясняющие возникновение и развитие значений, порождающие формы

нарративного исполнения (performance) и организовывающие формы дискурсивной компетенции, связаны с идеологемой «ШОС» и когнитивной метафорой «Большой Алтай». «В свое время Алтай был одним из главных коридоров, по которому древние народы передвигались из центра Азии в равнины Сибири и далее в Европу» [Халина, Чжан, 2019, С.176-185].

Когнитивная метафора «Большой Алтай» означает для большинства территорий, входящих в геополитический союз ШОС, способность создавать правильные комбинации взаимодействующих знаков, формирующих посредством выбора ковенционально приемлемых или требуемых некоторым правилом системы осмысленные целостности, или интеллигибельные секвенции, обеспечивающие онтологическую безопасность как состояние-ощущение себя как «дома» в отношениях с самим собой, с окружающим миром, что должно влиять на опыт управления принятия решений.

На наш взгляд, когнитивная метафора «Большой Алтай» приемлема в плане разработки положений не только коллективной безопасности геополитического альянса, но и положений онтологической безопасности ШОС.

Н.В. Халина и Чжан Нань, рассматривая учебную проблему формирования онтологической безопасности у изучающих русский язык на территории Алтая и Алтайского края, обратились с целью понимания текстового кода территории и создания соответствующих семиотико-нарративных и дискурсивных структур к геопозитическим комментариям этого места Гарбриэля Гранё (Гавриила Ивановича Гранэ, финского географа, профессора университета Тарту, Хельсинки, Турку, исследователя Сибири и Монголии, специалиста в области ландшафтной географии. «Охват» территории Алтая в путешествиях Гранё велик, его координаты практически совпадают с виртуальными границами Большого Алтая (см. рис. 1).

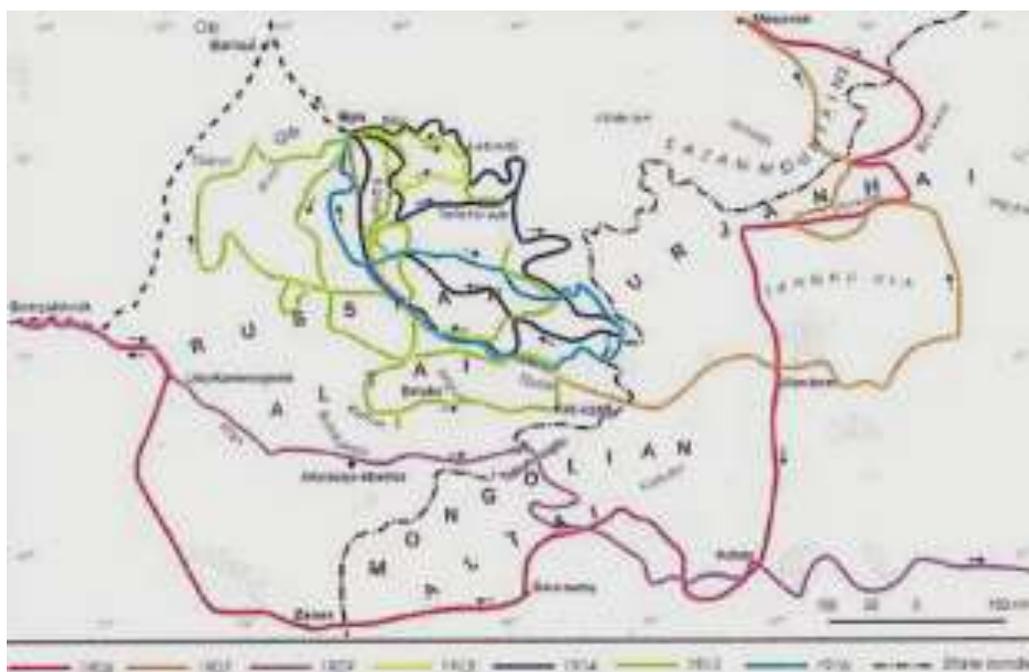

Рис. 1. Карта путешествий Г. Гранё по Алтаю. Источник: Халина Н.В., Чжан Нань, 2019

Г. Гранё при раскрытии особенностей территории, как отмечают Н.В. Халина и Чжан Нань, использует визуальный язык фотографий. Это позволяет ему запечатлеть характеры людей, живущих на Алтае и «дух» (этнос, нрав) местоположения «Алтай». Гранё создает секвенцию когнитивных метафор, с одной стороны, входящих в алтайский текстовый (семиотический) код, с другой стороны, этот код и создающих – «Сердце Алтая» (the heart of the Altai), Черный Алтай, Голубой Алтай, Белый Алтай. Когнитивные метафоры, словесно репрезентирующие внутреннюю форму территории, определяемую световыми волновыми колебаниями и их воздействием на органы восприятия, формируют содержание идеологической модели и берутся на вооружение субъектом (индивидуальным или коллективным), модализирующимся как «хотеть – быть», а затем как «хотеть – делать». Формируется актантная структура, актуализирующая ценности, отбираемые ею внутри виртуальных аксиологических систем. Сердце Алтая, как и сам Алтай, полихромно: оно может быть черным, голубым и белым. Черный Алтай – это леса и олиственные кусты (темнота – лес, сумерки – исчерченный свод). Темно-коричневый – цвет воды его болот и топей. Черный Алтай означает тяжелое существование и непосильный труд. После визуального освоения первых двух образов открывается взгляду (виртуальному познающему и понимающему взору) Голубой Алтай, с его туманными хребтами, поднимающимися с другой стороны черной реальности: это Земля воспоминаний на фоне приобретаемого нами опыта и формирующегося на его основе знания. «Голубой Алтай – это нереальная цель, которая мотивирует наши старания; это наше прошлое, украшенное до неузнаваемости по прошествии лет» [Халина, Чжан, 2019, с. 180]. «Белый

Алтай – это вечное стремление к вершинам из тени болот и земли «темно-серых» желаний» [Халина, Чжан, 2019, с. 180]. «Черный, Голубой и Белый Алтай – это метафоры, символизирующие работу, память, устремленность человека и человечества. Также это обозначения настоящего, прошлого и будущего» [Халина Н.В., Чжан, 2019, с.181]. «Его издалека сияющие озера по цвету подобны небу. Странник, познаешь истину! Голубой Алтай, который является тебе, когда ты скитаешься по темному лесу и плывешь по золотому озеру, и которого ты никогда не достигнешь. Он возникает то здесь, то там; бежит перед тобой, исчезает позади тебя. Черный Алтай никогда не позволит добраться туда» [Халина Н.В., Чжан, 2019].

Г. Гранё формирует дискурсивную (нарративную) компетенцию, лежащую в основе способности создавать визуальные синтагмы – правильные комбинации взаимодействующих знаков, формирующих секвенции, могущие стать элементом высказывания, производящего двухголосый виртуальный дискурс. Речь идет о виртуальной коммуникации со значением, ощущением значения и события, порождающей нарративную идеологию, и, в контексте семиологии Греймаса-Курте, понимаемую в качестве актантной структуры, актуализирующей ценности, которые она выбирает внутри аксиологических систем, имеющих виртуальный характер.

Актуализация коммуникативных ценностей ШОС, или ценностей коммуникации организации ШОС, в медиатекстовом коде формирует дискурсивную компетенцию «читателя», осуществляющего виртуальную навигацию в информационном пространстве ШОС на основе, с использованием, когнитивных маркеров. Полагаем, что в качестве подобных когнитивных маркеров возможно рассматривать нарративные программы или синтагмы повествовательного (нарративного) синтаксиса.

Для анализа дискурсивной компетенции ШОС мы отобрали событийные тексты, формирующие медиаисторию ШОС, размещенные на сайтах ШОС во второй половине 2021 года. В истории коммуникативной рациональности ШОС 2021-2022 годы - это годы председательства в ШОС Республики Узбекистан. Шавкат Мирзиёев, глава Республики Узбекистан, выступая 17 сентября 2021 года на юбилейном заседании совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, подчеркнул растущую роль ШОС в современных международных отношениях. «За прошедший период ШОС стала важным субъектом мировой политики, заняла достойное место в ряду влиятельных международных структур. Укрепляется региональное партнёрство на основе принципов «шанхайского духа». Растет совместный потенциал в противостоянии новым вызовам и угрозам, расширяется экономическое и культурно-гуманитарное сотрудничество», - сказал Шавкат Мирзиёев [Мирзиёев обозначил приоритеты председательства Узбекистана в ШОС].

Философема «Шанхайский дух» в семиотическом ракурсе является парадигмой, т.е. множеством ассоциируемых знаков, входящих в определенную категорию – категорию «онтологическая безопасность». «Пань Гуан, доктор исторических наук, директор Центра изучения ШОС при Шанхайской академии общественных наук, советник правительства

Шанхая по вопросам борьбы с терроризмом, обращает внимание на то, что ядро понятия 上海精神 «шанхайский дух» составляют 20 иероглифов, которые означают «взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, взаимные консультации, уважение многообразия культур, стремление к совместному развитию» [Халина, Валюлина, 2020. с.124]

Философема «Шанхайский дух», будучи структурным элементом этического послания, определяет нарративную перспективу субъекта – страны-участницы ШОС. В семиотической концепции Греймаса-Курте нарративная перспектива субъекта образует ядро нарративной схемы, будучи «обрамлена с двух сторон трансцендентной инстанцией, где пребывает Отправитель (Адресант), обязанность которого санкционировать, т. е. воздействовать на субъект имманентного¹⁵ уровня, рассматриваемый как Получатель (Адресат) [Греймас, Курте, 1983, с.542]. Отношение между создателем сообщения, высказывания-дискурса, и получателем этого сообщения подчиняется принципу коммуникации, но в целом в нарративной схеме господствует структура договора. «Исполнение субъекта (performance) соответствует выполнению им договорных обязательств и вызывает соответствующие санкции противной стороны. Тем не менее, симметричные и равноправные отношения, которые, таким образом, устанавливаются между Адресантом и Адресатом и позволяют в синтаксическом исчислении трактовать их как субъекты S_1 и S_2 , частично опровергаются асимметрией их соответственных статусов: Адресант (неважно, является ли он воздействующим манипулятором, который уполномочен для своей выгоды преобразовать Адресата в наделенного компетенцией субъекта, или это беспристрастный судья, устанавливающий справедливое могущество и истинное знание) осуществляет некоторое факттивное деяние, которое ставит его в более высокое положение по отношению к Адресату. Но этого для его определения недостаточно: лезть, например, в качестве дискурсивной конфигурации выводит на сцену некоторый субъект S_1 , который манипулирует S_2 ; тем не менее S_2 стоит, по определению, иерархически выше, чем S_1 » [Греймас, Курте, 1983, с.542].

Синтагмой повествовательного (нарративного) синтаксиса является нарративная программа, которая образована высказыванием делания (énoncé de faire) и управляет высказыванием состояния (énoncé d'état). «А. Греймас и Ж. Курте представляют программы двумя способами:

$$П. н. = F [S_1 \rightarrow (S_2 \cap O_v)],$$

$$П. н. = F [S_1 \rightarrow (S_2 \cup O_v)], \text{ где}$$

F – функция; S_1 – субъект делания; S_2 – субъект состояния; O_v – объект, способный подвергаться семантическому вложению в форме значимостей; $[ ]$ – высказывание делания; $( )$ – высказывание состояния; $\rightarrow$ – функция делания, являющаяся следствием преобразования трансформации; $\cap \cup$ – знаки конъюнкции и дизъюнкции, указывающие

---

¹⁵ В контексте словаря противопоставление «имманентный – трансцендентный» приблизительно соответствует паре «поверхностный – глубинный»; «имманентный субъект», выраженный в дискурсе, противопоставляется «трансцендентному субъекту» – творцу (отправителю) дискурса.

конечное состояние, результат делания. Примечание: Для большей ясности функция делания представлена плеонастически двумя символами — F и $\rightarrow$ » [Греймас, Курте, 1983, с.516].

Нарративная программа интерпретируется как изменение состояния, осуществляемым некоторым субъектом S_1 и затрагивающим некоторый субъект S_2 : «исходя из высказывания состояния нарративной программы, рассматриваемого как следствие, можно на уровне дискурса восстановить такие фигуры, как «испытание», «дарение» и т. п. ¹⁶ [Греймас, Курте, 1983, с.516].

Типология нарративных программ в семиотической концепции Греймаса-Курте строится на применяемых в определенной последовательности критериях: 1) сущность юнкции; 2) сущность вложенной значимости; 3) сущность наличествующих субъектов. Сущность первого критерия, ориентированная конъюнкцией или дизъюнкцией, соответствует приобретению или утрате значимостей. Сущность второго критерия соотносится с модальными или описательными значимостями. Внутри этих значимостей заключены значимости прагматические или когнитивные. Сущность третьего критерия сводится к тому, что «субъекты могут либо различаться (и тогда быть реализованными двумя самостоятельными действующими лицами), либо быть представленными в синкретизме в одном действующем лице» [Греймас, Курте, 1983, с.516]. В последнем случае нарративная программа именуется исполнением (performance).

Исполнение нарративной программы предполагает в качестве пресуппозиции компетенцию, обуславливая возникновение нового синтаксического единства, которое оформляется в результате логического сцепления, определяемого в качестве нарративной перспективы - последовательности нарративных программ, логической цепи, в которой каждая нарративная программа предопределяется другой нарративной программой. Таким образом, нарративные программы - простые синтаксические единицы, в образовании которых участвуют синтаксические актанты (субъект действия или состояния, объект). Любой нарративный сегмент, согласно концепции А. Греймаса и Ж. Курте, выделяемый внутри дискурса-высказывания, подразделяется на нарративные программы. Вписанность синтаксических субъектов в нарративную перспективу создает возможность их определения при помощи занимаемой ими позиции в нарративной перспективе, с учетом особенностей наделенных значимостью объектов, с которыми они вступают в соединение. Двойное определение синтаксического актанта - занимаемая позиция в нарративной перспективе и учет значимости объектов, с которыми происходит соединение - рассматривается как актантная роль. Актантная роль характеризуется а) последней реализованной нарративной программой; б) последней приобретенной (или утраченной) значимостью; в) увеличением (или убыванием) своей сущности в результате прохождения нарративной перспективы. Двойная обусловленность, в свою очередь, ведет к

---

¹⁶ Понятия, восходящие к «функциям» Проппа.

«динамизации» актантов и возможности измерять нарративный процесс дискурса.

Актант в семиотической концепции А. Греймаса и Ж. Курте является виртуальным явлением, потенциальной возможностью, которая покрывает нарративную перспективу. Существует некоторая синтаксическая иерархия, в которой каждой единице соответствует определенный тип актантов: функциональные актанты приписаны нарративной схеме в целом; синтаксические актанты (в узком смысле) входят в нарративную программу; актантные роли исчисляются в пределах нарративной перспективы. В семиологической практике более известна нарративная перспектива субъекта, определяемая сцеплением (интеграцией) двух типов программ: модальная нарративная программа (так называемая программа компетенции) логически предопределяется нарративной программой реализации (так называемой программой исполнения (performance)), размещаемой в прагматическом или в когнитивном измерении. Функциональный субъект, если он определяется с помощью такой перспективы, может раскладываться на совокупность актантных ролей: субъект компетенции, субъект перформации, субъект-исполнитель (performateur).

При исследовании дискурса ШОС с позиций семиологической объяснительной грамматики мы имеем возможность оценивать коммуникативное «поведение», коммуникативные стратегии Шанхайской организации сотрудничества как форму семиологической практики, а страны-участницы в качестве субъектов, располагающих нарративными перспективами, определяемых сцеплением нарративных программ и наделенных определенными ролями. Нарративный процесс дискурса ШОС измеряется степенью динамизации актантов и актантных ролей. Позиция председательствующего субъекта ШОС, на наш взгляд, связана с актантной ролью субъекта компетенции, контролирующего во время исполнения своих полномочий принципы формирования дискурсивной компетенции и определения нарративной перспективы.

Нарративная перспектива, как мы уже отмечали, представляет собой последовательность нарративных программ, предопределяемых другими и предопределяющих другие нарративные программы – синтаксические единицы, в образовании которых участвуют синтаксические актанты (субъект действия или состояния, объект). Любой нарративный сегмент, согласно концепции А. Греймаса и Ж. Курте, выделяемый внутри дискурса-высказывания, подразделяется на нарративные программы, вписанность же синтаксических субъектов в нарративную перспективу создает возможность их определения.

В публикации от 18 сентября 2021 года («Жэньминь жибао» онлайн) 人民网 Renmin Wang: Сад ШОС+Окно в ШОС распустили цветки в одном стебле [人民网 Renmin Wang: Сад ШОС+Окно в ШОС распустили цветки в одном стебле] повествуется о закладке 16 сентября 2021 церемонии закладки фундамента Душанбинского сада ШОС. «Жэньминь жибао» онлайн –

первая в мире онлайн и офлайн комплексная платформа, призванная стимулировать гуманитарные обмены между странами ШОС.

За строительство и эксплуатацию сада ответственны компании Shanghai Art Fair International Exhibition Co., Ltd. и Shanghai Cooperation Development (Zhuhai) Group Co., Ltd. Во время проведения 4-ой Китайской международной выставки импортных товаров и 25-ой Шанхайской международной ярмарки искусства было открыто «Окно в ШОС», призванное объединит культуру, народное творчество и национальную кухню стран ШОС.

Создание двух новых форматов коммуникации стран участниц ШОС следует расценивать в контексте семиотической теории как открытие новых нарративных перспектив альянса государств и формирование моделей онтологической безопасности - моделей «переживания», относящихся к бытию альянса ШОС как аксиологического единства, ощущения своего коллективного «Я» отношениях с «самим собой», с окружающим миром, и влияющих на когнитивный контур онтологических рамок повседневности.

Сад ШОС и «Окно в ШОС» рассматриваются как когнитивные метафоры, формирующие текстовый (семиотический) ШОС-код. Эти спациальные метафоры являются проявлением интермедиальности, будучи аллюзиями. Включение элемента уже существующего текста в «свой» - вновь создаваемый - позволяет модифицировать семантику создаваемого текста за счет ассоциаций, связанных с текстом-источником. «Интертекстуальная ссылка выступает в роли первичного средства коммуникации, обращения одного персонажа к другому. Обмен интертекстами при общении, выяснение способности коммуникантов их адекватно распознавать и угадывать стоящую за ними интенцию позволяет установить общность культурной памяти и эстетических пристрастий» [Папкина, 2003, с.80]. Сад ШОС - это и синтагма, с двуаспектной аллюзивной актантной позицией. Первый актантный аспект связан с восточной культурой сада, причем не только китайской (доминирующей стратегической культурой ШОС), но и персидской (культурой потенциальной страны участника ШОС - Ирана). Второй аллюзивный актантный аспект связан с метафорой «город-сад», созданной в 1929 году Владимиром Владимировичем Маяковским в стихотворении «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка».

«Сады на востоке – это, прежде всего, способ передачи информации и способ познания мира, философская и совершенная его модель. С научной точки зрения, восточный сад можно рассматривать как экологическую модель биоценоза, поскольку одна из древнейших на Земле цивилизаций – китайская – в развитии национального садоводства всегда шла по пути имитации природных пейзажей [Голосова, 2008, с.61]. Китайские сады создавались преимущественно поэтами и художниками, которые выражали через них свои эстетические взгляды и чувства, а затем, в этих художественных артефактах, черпали вдохновение для создания поэм и живописных работ. В конструировании сада использовались образы и сюжеты, позволяющие выразить художнику идеалы и настроения своей эпохи. Семиотика иранского сада, состоящего из трех основных элементов - воды, дерева и павильона, указывает на то, что вода как индексированный и иконический знак производна от рационального интеллекта; дерево

происходит от сенсорного интеллекта, помогающему человеческому существу лучше понять семантику мира иранских садовых компонентов: павильон является физической структурой, выведенной из рационального интеллекта и социокультурных норм общества [Roomina, Reza, 2018]. С точки зрения семиотической, сад рассматривается как знак семантической вселенной и рая. Так, например иранские сады построены на основе геометрических фигур, демонстрирующих семиологию земли и земного рая во Вселенной, где текущая вода представляет собой бессмертие и жизнь.

Второй аллюзивный актантный аспект связан с государственным альянсом Союз Советских Социалистических Республик, положившим начало нового периода развития территорий Центральной Азии - автономно государственного, республиканского в составе объединения, конфедерации 15 республик. В сформированном альянсе Россия приняла на себя функции территории, сообщающей азиатские территории Евразии (Средняя Азия), европейские территории Евразии, или лимитрофы¹⁷ (Прибалтика), горную страну Евразии (Кавказ). СССР, с точки зрения, Knowledge Management и Knowledge Building, представляли собой усилия по накоплению коллективного знания в диалоговой коммуникации. Каждый ход в диалоге, как полагают специалисты института знаньевых инноваций и технологий университета Торонто Карл Берейтер и Марлен Скардамалия [Bereiter, Scardamalia, 2016], может иметь определенные последствия для субъектов, вступивших в коммуникацию, таких последствий, которые в некоторых случаях могут оказать негативное влияние на коллективные усилия по накоплению знания. Хорошие диалоговые ходы поддерживаются, или детерминированы качеством накопленного знания, знания «перспективности» (“promisingness”) [Bereiter, & Scardamalia, 1993] – когнитивного ресурса, который поддерживает не только мудрое суждение, но и творческое мышление.

Межсубъектные проблемы могут стать предметом обсуждения в «метадискурсе» - дискурсе о ходе диалога, который включает в себя внимание к вещам, которые могут препятствовать продвижению к достижению целей, что можно рассматривать как часть разработки сообщества по устранению неполадок.

На наш взгляд, дискурс ШОС берет на себя функции подобного метадискурса, а новые семиотические и когнитивные маркеры, являющиеся единицами нарративного дискурса и языка описания нарратива ШОС, формирует новую систему коннективностей и ментальную топологию ШОС, определяющую новую атмосферу взаимодействий и

---

¹⁷ **ЛИМИТРОФ**, а, м. (латин. limitrophus – пограничный) (полит. нов.) Название государств, которые образовались после [Октябрьской Социалистической Революции](#) на окраине бывшей [Российской империи](#): [Эстония](#), [Литва](#), [Латвия](#), а также [Финляндия](#).

ЛИМИТРОФ, а, м. ист. 1. Пограничная область Римской империи, которая должна была содержать войска, стоявшие на границе. 2. В 1920–30-х гг.: название какого-нибудь из государств, образовавшихся на западной окраине бывшей Российской империи после 1917 г. Лимитрофный – являющийся лимитрофом. | Лимитрофами являлись Латвия, Литва, Эстония, Польша и Финляндия.

взаимоотношений. Атмосфера вежливости, взаимной поддержки и совместного удовольствия, как считают К. Берейтер и М. Скардамалия, является аспектом создания знаний, который можно развивать независимо от аспекта продуцирования прагматически требуемого знания. Одним из обязательных условий создания знания является диалогический процесс: полнота понимания может быть обеспечена только знанием языка Другого во всей его специфике, чему должно способствовать «диалоговое окно» («Окно ШОС»). В этом плане «Окно ШОС» обеспечивает на новом уровне диалог культур в жизненной мире коммуникаций, где биполярная семиотическая модель «Запад – Восток» замещается полилоговой (полифоничной) моделью взаимодействий, ориентированной Логосом – формой, синтезирующей в одном временном (жизненном моменте) коммуникации «слово» (высказывание, речь) и «понятие» (суждение, смысл). Предсказуемая рациональность Логоса была отвергнута постмодернизмом, идеей нелинейных динамик, порвавшей с идеей линейности, сопрягаемой с категорией Логоса и соотносимых с ним понятий «истины» или первичного означаемого. Если мы обратимся к объяснению Логоса, основываясь на теории Логоса А. Лосева [Лосев], то его рациональная сущность оказывается постигаемой через диалектику, применение диалектического подхода. «Диалектический вывод бытия отличается от его символической данности тем, что в нем по порядку перечислены все те моменты, из которых состоит непосредственная символическая данность. Диалектика есть ни что как логика символа, символическая логика» [Гальперин].

В завершении публикации Renmin Wang вербализуется символический аспект нового этапа взаимодействия стран участниц ШОС и вводится символ «Лотос», означающий и объясняющий существо обновления коммуникативных отношений: «В последние годы гуманитарные обмены ШОС активно развиваются, взаимное познание и взаимное обогащение культур укрепляют дружбу и взаимопонимание между государствами ШОС. Сады ШОС в государствах-членах, а также «Окна в ШОС» в разных городах Китая станут новой вехой в культурно-гуманитарном развитии в юбилейный год Организации и как два цветка лотоса в одном стебле раскроются на обширной земле ШОС» [Renmin Wang]: «Значение синтагмы «два цветка лотоса в одном стебле», символическое и событийное, поясняет новость о событии, произошедшем в Сианьском ботаническом саду за год до проведения в Душанбе торжественного заседания, посвященного 20-летию ШОС: Необычная находка в Сианьском ботаническом саду (Китай). Первыми редкий лотос – с двумя цветками на одном стебле – заметили туристы. Как пояснили эксперты, вывести такой лотом искусственным методом невозможно – это под силу только природе». Сианьский ботанический сад – старейший ботанический сад, основанный в 1959 году, в котором на площади более 40 гектаров произрастает свыше 4000 видов растений, собранных по историческому, хозяйственному и географическому признакам – так, здесь имеется Сад Шёлкового пути, зона экзотических растений, зона растений пустыни и другие. Одной из главных достопримечательностей Сианьского ботанического сада

является Сад цветов, где собрано, кроме прочих растений, более двухсот видов древовидных пионов и около двухсот видов тюльпанов.

Лотос символизирует возрождение, духовную чистоту и умиротворенность жизнью в ее красоте изящества, каждый вечер закрывая лепестки, скрываясь в болотной грязной воде, чтобы ранним утром, как только первые лучи появятся в небе, вернуть к цветению. Подобная «модель поведения» лотоса сделала его знаком, молодости, бессмертия и возобновления жизненных сил. Его лепестки напоминают лучи Солнца, а сам бутон образует круг, как центр мироздания. Мифологическое (имплицитное) значение знака Лотоса состоит в обозначении трех этапов развития человека: невежество; преодоление невежества; обретенное понимание, просветление. Символика цветка различается от количества лепестков: символ пяти этапов жизни человека: рождение, учение, брак, отдых, смерть (5 лепестков), символ семи планет (7 лепестков), символ вечного забвения (8 лепестков) символ человека (9 лепестков) символ Божества и Вселенной (12 лепестков). Цветам Лотоса также приписывается способность изменять человеческое сознание, благотворно влияя на него и направляя его мысли в сторону духовного развития: «Цветы лотоса – корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти свое спасение» [<http://mozaic-life.ru/lotos-simvol/>].

Создание одновременно синтагм «Сад ШОС» и «Окно в ШОС» поведенческого нарратива стран-участниц ШОС определило не только обновление нарративной перспективы, но «энергичную» трансформацию внутренней формы философии «Шанхайский дух» (см. рис. 2).

Иероглиф, обозначающий «ци»

Иероглиф, обозначающий «лотос»

Рис. 2. Нарративная перспектива ШОС последующих десятилетий: Энергия Лотоса

Внутренняя форма философии «Шанхайский дух», определяемая категорией *ци*, преобразуется, насыщаясь семантикой Лотоса, семантикой возобновления жизненных сил его символической логикой: через «диалог», т.е. следуя порядку расположения моментов жизненной (символической) данности, со сложноорганизованной средой, преодолевать невежество – «непонимание истинной связи вещей», и постигать символическую данность бытия (сущности бытийственной среды).

В качестве элементов символической логики возможно рассматривать диалоговые ходы [Bereiter, Scardamalia, 2016] (см. Таблица № 1).

Таблица № 1

Диалоговые ходы	Примеры
Определение проблемы	Разъяснение сути проблемы, почему она важна и почему она еще не была решена
Новые идеи	Введение новых концепций, различий или аналогий и их связь с современным уровнем техники
Оценка перспективности	Рассмотрение того, какая идея имеет больший потенциал для развития в теорию, дизайн или продукт, и как она соотносится с альтернативами
Meta-dialogue	Размышление о дискурсе, оценка его прогресса, признание индивидуального вклада и коллективных достижений, устранение неполадок, когда дискурс воспринимается как неправильный в социальном или концептуальном плане
Comparison	Взгляд за пределы непосредственной сферы на аналогичные проблемы и решения, объединение идей через границы проблемы и сообщества
Critical discourse	Рассмотрение достоверности информации, на которой основано конкретное проектное решение

Идеи более высокого уровня	Совместная работа над разработкой идеи , которая имеет применение за пределами текущей проблемной области
----------------------------	---

Специальная метафора «Окно в ШОС» с образным выражением «окно в Европу», впервые употребленным итальянским знатоком искусств и путешественником Франческо Альгаротти в 1759 году в сочинении «Письма о России» (итал. Lettere sulla Russia) для описания Санкт-Петербурга. Выражение приобрело широкую известность после того, как его в 1833 году использовал А. С. Пушкин в своей поэме «Медный всадник».

В контексте письма Франческо Альгаротти окно в Европу представлялось не прямым путем к торговле и господству на Балтике, а возможностью посмотреть на западные страны, позавидовать им и продолжать жить дальше в российской обыденности: «ибо мало открыть дорогу к Европе, нужно, чтобы она еще и приняла» [Петр I прорубил окно в Европу]. А.С. Пушкин в примечании к своей поэме указал источник «цитирования». Постепенно синтагма начала приобретать новые коннотации: а) окно толкуется как полноценный вход и выход; б) с момента обретения выхода «окна» - выхода к Балтике - Россия стала великой державой; в) «окном в Европу» признан Санкт-Петербург. Как показывает история, действительно, после обретения Балтики и прорубания «окна» (*военными победами его обеспечил Петр I*) дела российские пошли в гору, экономическая мощь государства неизменно росла [«Петр I прорубил окно в Европу»].

В контексте подобных интерпретаций наступающий период в развитии отношений внутри геополитического альянса предполагает преобразование специальной когниции, детерминировавший характер странового взаимодействия как в физической, так и в виртуальной – медийной – реальности. «Специальное знание, получаемое на основе свободного использования среды, является процедурным. Это знание, каким образом добраться из одного пункта в другой, знание, становящееся более детализированным. Последовательный учет маршрута с расширяющимся обращением к среде предполагает дальнейшее развитие, что делает понимание следования и движения в среде общительности понятным. Эта понятийная доступность и динамическая заданность маршрута может быть отнесена к манипуляции в аспекте когнитивных карт, которые позволяет индивиду «видеть» через препятствия.

Необходимость масштабирования среды предполагает наличие специальных знаний, которые формируются на базе специальной компетенции и обуславливают особые типы использования языка с ориентацией на культурную когнитивную семантику» [Халина, Валюлина, 2016]

Это этап перехода от процедурного специального знания, ориентированного необходимостью коммуникативного масштабирования среды и использования языка в аспекте специальной когнитивной семантики, к знанию (понимаю) пространственно-конструктивного

потенциала связи, новой темпоральности онтологического инжиниринга, в котором важен временной аспект, категория «момента времени». Синтагма «Окно в ШОС», в этом плане, представляет нарративную перспективу, являясь элементом смыслообразующей интенциональности.

ШОС следует рассматривать как сложную систему для благоприятного, функционирования которой необходима разработка особых когнитивно-синтаксических архитектур на основе специального знания и специальной когниции, конструирующих «мир пространства» и обеспечивающих знанием, необходимым для решения особых задач навигации в семантической, виртуальной и лингвистической средах. К подобным структурам относятся синтагмы «Сад ШОС» и «Окно в ШОС».

Библиографический список

Гальперин С. Об основах учения А.Ф. Лосева о символической реальности. Из неопубликованной книги «Алексей Лосев и разгадка двадцатого века» [Электронный ресурс] – URL.: https://ruskline.ru/analitika/2012/09/28/ob_osnovah_ucheniya_af_loseva_o_simvolicheskoj_realnosti/?ysclid=12mrin4eyo

Голосова Е.В. Главный ботанический сад РАН ВОСТОЧНЫЙ САД КАК ОБЪЕКТ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ. Науковий вісник НЛТУ України. – 2008. – Вип. 18.12. – С.60-65.

Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Семиотика. Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С.483-550.

Лосев А. Ф. Философия имени // Бытие – имя – космос. М.: Мысль, 1993. – С. 613-801.

Лэнг Р. Расколотое «Я». – СПб.: Белый Кролик, 1995. – 352 с.

Мансков С.А., Халина Н.В. Предисловие // Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований. Выпуск 1: сборник статей по итогам проведения I Международной научно-практической конференции «Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований» (Барнаул, 23-25 октября 2019) / под ред. С.А. Манскова и Н.В. Халиной – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. – с.16-19.

Мирзиёев обозначил приоритеты председательства Узбекистана в ШОС [Электронный ресурс] – URL.: <https://kun.uz/ru/news/2021/09/17/mirziyoyev-oboznachil-prioritety-predsedatelstva-uzbekistana-v-shos>? 23.04.2022

Папкина Д.С. Типы литературных аллюзий // Вестник Новгородского государственного университета №25 . – 2003. – с.78-82.

«Петр I прорубил окно в Европу» - откуда появилось это высказывание. Почему именно «прорубил» [Электронный ресурс] – URL.: <https://pulse.mail.ru/article/petr-i-prorubil-okno-v-evropu-otkuda-poyavilos->

eto-vyskazyvanie-pochemu-imenno-prorubil-278786151952454015-2054838884753974982/?ysclid=11f4t2p27r 31.03.2022

Скрипник К.Д. Семиотика: книга для студентов. – Ростов-на-Дону: РИО Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2000. – 127

Соломоник А.Б. Функции знаков, знаковых системы семиотической реальности [Электронный ресурс] – URL.: <https://mic.org.ru/phocadownload/6-solomonik.pdf> 23.04.2022

Халина Н.В., Валюлина Е.В.. Семантический комментарий к идеологеме «сотрудничество» и философеме «Шанхайский дух» в понятийном контексте шанхайской организации сотрудничества // Вестник СВФУ, № 2 (76) 2020 – С.121-128.

Халина Н.В., Валюлина Е.В. Культура и политический дискурс «ШОС»: семантический комментарий к идеологеме «Сотрудничество» и философеме «Шанхайский дух» // Культура и текст 2020. № 3 (42). с.194-

Халина Н.В., Валюлина Е.В. Специальное знание и специальная когниция как основания лингвистической интеграции стран ШОС // Международный научно-исследовательский журнал. - № 4 (46) - Часть 4. - 2016. - С. 91-94

Халина Н.В., Валюлина Е.В. Формирование понятийной структуры идеологемы «ШОС» в медиатекстах Таджикистана // Мир науки, культуры, образования. No 1 (80) 2020. – С. 286-288

Халина Н.В., Чжан Нань. Мотив Большого Алтая в формировании культурной компетенции при изучении русского языка как иностранного на территории Алтая: Черный Алтай, Белый Алтай, Голубой Алтай // Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований. Выпуск 1 [Текст] : сборник статей по итогам проведения I Международной научно-практической конференции «Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований» (Барнаул, 23-25 октября 2019) / под ред. С.А. Манскова и Н.В. Халиной – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019 с.176-185

«Цветы лотоса – корабль, на котором утопающий среди океана жизни может найти свое спасение» [Электронный ресурс] – URL.: <http://mozaic-life.ru/lotos-simvol/> 02.04.2022

Bereiter C., Marlene Scardamalia. “Good Moves” in knowledge-creating dialogue // QWERTY. – 11. 2 – 2016. – pp.12-26.

Renmin Wang [Электронный ресурс] – URL.: http://rus.sectsko.org/media_SCO/20211105/794586.html

Soleymani Ardejani Roomina, Askarizad Reza. Semiology of Semantic Components in Iranian Gardens Case Study: Eram and Narenjestan Gardens in Shiraz // Creative City Design . – Vol. 1. – No. 2. –2018. – pp. 42-52.

人民网 Renmin Wang: Сад ШОС+Окно в ШОС распустили цветки в одном стебле [Электронный ресурс] – URL.: http://rus.sectsko.org/media_SCO/20211105/794586.html. 23.04.2022.

Chapter 5.

CLASSIFICATION OF LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF ISLAMIC RELIGIOUS THEONYMS IN THE CONTEXT OF ISLAMIC LINGUISTICS AND RELIGIOUS DISCOURSE

by Ibodullo Zubaydullaev

The study of Islamic religious theonyms actualizes the problem of determining the discursive boundaries of language functioning and, in particular, the problem of distinguishing what is perceived as a “religious” language and what is perceived as a “non-religious” or “secular” language. Religious discourse, when properly working with the linguistic components of a religious text, helps to create an appropriate interpretation and provide an explanation of hypothetical inconsistencies and resolve contradictory paradoxes that arise between texts.

The highlighted pragmodiscursive practices of religious language and their actualization in prophetic discourse focuses on the need to identify linguistic means used to achieve these functions or customs. Researchers who start studying religious language consider it either from the standpoint of studying the “meaning” of religious discourse, or from the point of view of its “form”. Due to the high level of abstraction of the religious domain, religious language largely depends on metaphorical conceptualization when referring to concepts that are removed from our human sensory experience

In Arabic culture, metaphorical language was valued mainly for its rhetorical significance: for centuries, metaphorical language was considered as an auxiliary and “decorative” element of discourse, especially disputes and debates, the purpose of which is to attract the attention of the recipient of discourse, were an integral part of it. To date, the only study devoted to the functioning of Islamisms in the Russian language has been published. The classification of LSG Islamisms as an independent subject of research of comparative historical, typological and comparative linguistics is a new topic of discussion.

Russian dictionaries, lexicographic publications of different years of publication, scientific studies of Arabic philologists, as well as the main currently used Islamic religious names presented in works of Islamic orientation and the media, in particular, in the media space in Russian, served as a source of material for our research. It should be noted that among the examples we have given, along with the words presented in explanatory dictionaries, there are lexemes that are not currently included in the dictionaries of the Russian language.

Such tokens, in our opinion, include: a) words that have reached the level of understanding by the broad masses and have penetrated into the vocabulary of the Russian language, being understandable to all its speakers; b) words that are on the periphery of active vocabulary, but at the same time more understandable to Russian-speaking ethnic Muslims; c) words that are understandable only to a certain circle of professing Islam.

Глава 5.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕОНИМОВ В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

И.А. Зубайдуллаев

Исследование исламских религиозных теонимов актуализирует проблему определения дискурсивных границ функционирования языка и, в частности, проблему различения того, что воспринимается как “религиозный” язык, и того, что воспринимается как “нерелигиозный” или “светский” язык. Как полагает Харрисон, в самом общем смысле термин “религиозный язык”, который используют ученые-религиоведы, относится к письменному и устному языку, обычно используемому религиозными верующими, когда они говорят о своих убеждениях и своем религиозном опыте [Harrison, 2007, p. 127].

Одними из первых, кто начал изучать религиозный язык с целью выявления эпистемологической природы религиозных верований, стали философы [El-Sharif, 2011]. В философском дискурсе “религиозный язык” используется для обозначения заявлений или утверждений, сделанных о боге (ах). Как считают Бинкли и Хик [Binkley & Hick, 1962, pp. 19-21], религиозный язык функционально разнообразен, его целью является не только возбуждение эмоциональных чувств во время совершения молитв. Эта форма актуализации национального языка связана с идеологическими последствиями, которые могут быть определены при тщательном изучении функций религиозного языка в конкретном контексте. Бинкли и Хик выделяют семь прагмодискурсивных практик религиозного языка [Binkley & Hick, 1962, стр. 19-21]. Во-первых, они предполагают, что религиозный язык предполагает “эмпирическое использование”, в ходе которого эмпирические утверждения фактических и исторических утверждений делаются относительно некоторых важных событий, таких как рождение и распятие Иисуса Христа в христианстве. Во-вторых, религиозный язык несет в себе “тавтологическое употребление”, при котором избыточные повторения определенного значения становятся заметными в религиозном дискурсе. В качестве примера приводится использование идеи “Бог благ и всемогущ” при обсуждении природы концепции Бога, которая постоянно появляется в авраамических религиях. В-третьих, что религиозный язык очень эмоционален и часто несет в себе некоторые качества поэзии. “Эмоциональное использование” направлено на то, чтобы апеллировать к воображению последователей религии и пробудить в них чувство почтения к своей религии, ее достоинству и религиозным практикам. В-четвертых, “перформативное” или “церемониальное” использование языка для совершения обрядов и церемоний религиозных служб. В-пятых, религиозный язык может иметь “предписывающее использование”, выполняя директивную функцию, провозглашая определенные виды поведения. Религиозный язык, таким образом, может включать в себя

обширный свод инструкций и законов, направленных на регулирование взаимоотношений между членами одной и той же религиозной общины, с одной стороны, и отношений между верующими и их богом (ами), с другой. В-шестых, религиозный язык мет иметь форму “мифического использования”, когда мифы используются в религии в качестве донаучного описания определенных таинственных фактов: сотворение вселенной, природа смерти, награда за грехи, воскресение и вечность. Миф часто используется с намерением передать более глубокий смысл религиозного повествования, который не может быть выражен прямолинейно. В-седьмых, религиозный язык может служить “парадоксальному использованию”, когда во многих религиях тщательное изучение религиозного текста позволяет выявить противоречия и несоответствия, которые необходимо учитывать. Религиозный дискурс, при правильной работе с лингвистическими компонентами религиозного текста, помогает создать соответствующую интерпретацию и дать разъяснение гипотетических несоответствий и разрешить противоречивые парадоксы, возникающие между текстами.

Пророческий дискурс [El-Sharif, 2011] произносится человеком, и его язык основан на общекультурном понимании людей во времена Пророка; таким образом, предполагаемая божественная основа Пророческого дискурса усиливает необходимость спросить, демонстрирует ли он какие-либо парадоксальные или противоречивые обычаи.

Как полагает С. Айдин Мехмет, существование такого использования может сбить с толку непрофессионала, читающего Пророческий дискурс, и чтение этих “противоречивых” текстов без опоры на надежные и рациональные ресурсы может привести к тому, что неопытный читатель пойдет против фундаментальных принципов веры в своей интерпретации [Aydin Mehmet, 1997]. Религиозному языку, таким образом, приписывается своего рода “объяснительная” функция, с помощью которой конкретный религиозный дискурс используется для интерпретации и объяснения другого дискурса этой же религии. Выделенные прагмодискурсивные практики религиозного языка и их актуализация в пророческом дискурсе акцентирует внимание на необходимости выявления языковых средств, используемых для достижения этих функций или обычаев. Исследователи, приступающие к изучению религиозного языка, рассматривают его либо с позиций изучения “значения” религиозного дискурса, либо с точки зрения его “формы”. Первый подход связан с рассмотрением значения, риторических компонентов религиозного языка и его дискурса, к которым относятся молитвы, гимны и религиозные службы. Больше внимание уделяется семантическим качествам лексических вариаций и риторических качеств дискурса [Fernandez, 1986; Wagner, 1986; Weiner, 1991]. Второй подход больше внимание уделяет формам структурирования религиозного дискурса, исходя из того, что религиозный язык несет “некоторые формальные признаки своего особого характера” [Keane, 1997, с. 52]. Своеобразие религиозного языка может проявляться “практически” любыми языковыми средствами такими, как изменения в фонологии, морфология, синтаксис, просодия, лексика или весь лингвистический код могут определять фрагмент дискурса как религиозный [Keane, 1997, стр. 52].

В своей книге Жанет Мартин Соскисе [Soskice, 1985] "Метафора и религиозный язык" в числе первых исследователей привлекает внимание к взаимосвязи между метафорой и религиозным языком. Исследователь утверждает, что для изучения религиозного языка необходимо не более буквальное богословие, а лучшее понимание метафоры. Анализ метафоры в религиозном языке, отмечает Д. М. Соскис, освещает то, как духовенство говорит о Боге, и способствует раскрытию того, что понимание метафор в религиозном языке может облегчить наше восприятие наук и других дисциплин. Соскайс подчеркивает роль метафор в создании новых перспектив для улучшения понимания людьми религиозных понятий.

Она утверждает, что, создавая новые перспективы, успешные метафоры расширяют описательные возможности людей, когда другие типы языковых выражений терпят неудачу [Soskice, 1985, стр. 66]. Метафоры в религиозном дискурсе включают "вызывающую воспоминания" (эвокативную) функцию, когда диапазон ассоциаций, вызываемых метафорой, действительно говорит получателю религиозного дискурса больше о метафоризированном религиозном понятии (понятиях), особенно если религиозное понятие очень абстрактно и его трудно распознать без метафоры.

Олаф Якель делает важные прогнозы относительно появления, частоты и центральной роли лингвистических метафор в текстах, посвященных религиозным вопросам [Jäkel, 2002]. Он утверждает, что по причине высокого уровня абстракции религиозной области, вероятно, религиозный язык будет в значительной степени зависеть от метафорической концептуализации при упоминании понятий, которые удалены от нашего человеческого чувственного опыта, таких как *Бог, душа, загробная жизнь и свобода о моральном выборе* [Jäkel, 2002].

В арабской культуре метафорический язык ценился главным образом за его риторическое значение: на протяжении веков метафорический язык рассматривался как вспомогательный и "декоративный" элемент дискурса, особенно споры и дебаты, целью которых является привлечение внимания получателя дискурса, составляли его неотъемлимую часть [El-Sharif, 2011]. Абд аль-Кахира аль-Джурджани, выдающийся арабский филолог, утверждал, что метафора может раскрыть только глубокое понимание нескольких встроенных (скрытых) отношений между различными вещами [Abd-al-Qāhir al-Jurjānī, 1988, с. 57]. Метафора, по сути, рассматривалась как декоративный прием для поэзии и речей. Эта точка зрения оставалась основной в большинстве ранних арабских дискуссий и комментариев относительно существования метафорического языка в любом арабском тексте. Аль-Аскари утверждал, что метафора используется для объяснения предполагаемой идеи с целью подчеркнуть ее значение и свойства. Он также объяснил, как метафора способна риторически сослаться на значение в нескольких словах [Askari, 1981, стр. 295]. Филологи Аль-Руммани и Ас-Суюти утверждали, что метафора способна прояснить значение таким образом, который не может быть полностью достигнут при использовании повседневного буквального языка [Al-Rummani., 1968, с. 86; As-Suyuti, 1973, с. 44].

Изучение метафор в арабских религиозных текстах было вызвано

главным образом необходимостью интерпретировать значения Священного Корана и Пророческой традиции. Фактически, развитие науки толкования и объяснения Священного Корана (тафсир) внесло значительный вклад в развитие арабистики, особенно риторики. В этом смысле необходимость изучения метафор возникла из необходимости вывести религиозные принципы и заповеди из источников на разумной основе.

Большинство ранних арабских философов признавали неизбежность использования метафор в религиозном дискурсе. Они утверждали, что именно несравненная природа божественного общения влечет за собой существование метафор, которые могут передавать божественное послание на человеческий язык. поскольку религия не имеет собственного специального языка, она должна прибегать к обычному языку в соответствии с общественными условностями (саада), в которых данный язык действует как средство общения (муhawarah) (muhawarah) [Al-Ghazali, 1904, p. 35].

Метафорическая интерпретация (тахиль) должна включать в себя своего рода “метафорическое прочтение” религиозного текста, Корана и Пророческой традиции. Это чтение должно включать в себя процесс, посредством которого происходит переход от первоначального и буквального (хакики или лафзи) значения к метафорическому (маджази) значению [Aydin Mehmet, 1997, p. 3]. Однако Аль-Газали поддержал аргумент о том, что никакая метафорическая интерпретация не будет принята, если она противоречит доказательным принципам веры (или вероучения), которые прямо упоминаются в Священном Коране или Пророческой Традиции и которые создают “религиозные доказательства” (далил накли). Кроме того, Аль-Газали считал, что разумная метафорическая интерпретация должна соответствовать определенным нормам и правилам. Прежде всего, переводчик должен профессионально владеть арабским языком, его грамматикой и условностями. Во-вторых, переводчик должен сначала искать “религиозное свидетельство” (далил накли), которое поддерживает “рациональное доказательство” (далил какли), прежде чем принимать конкретную метафорическую интерпретацию. В-третьих, и, возможно, это самое главное, переводчик не должен принимать никаких метафорических толкований, которые противоречат очевидным принципам религии и веры. Айдин Мезмет к этим нормам добавляет то, что переводчику необходимо учитывать различные условия и контексты, в которых появляются метафоры. Интерпретатор сценариев и его метафор должен учитывать, что значения слов меняются с течением времени. Таким образом, некоторые метафоры, возможно, имели разное значение во времена Пророка. Следовательно, интерпретация примеров метафор в любом религиозном дискурсе, особенно в Священном Коране и Библии, требует поиска любого потенциального и очевидного буквального толкования [Aydin Mehmet, 1997]..

Те, кто достаточно хорошо разбирается в риторике, филологии и теологии, лучше всего способны интерпретировать дискурс и раскрывать его невидимые значения. Их усилия должны быть направлены на то, чтобы толкование метафорических выражений вышло за пределы их буквального смысла, чтобы охватить способ, которым Пророк и его сподвижники использовали его, принимая во внимание, что ниспосланный смысл должен

быть оставлен, если будет установлено, что он предстает абсурдным или противоречащим основным убеждениям веры и исламской доктрине. И если случается так, что точная метафорическая интерпретация недоступна или трудна для получателя из-за некоторой нехватки необходимых прагматических и контекстуальных деталей, тогда получатель религиозного послания должен придерживаться поверхностной буквальной интерпретации, не размышляя о других спорных метафорических интерпретациях. Такой подход безопасен, особенно при обращении к аудитории мирян, которые не обладают достаточными знаниями и опытом для решения спорных религиозных вопросов [Aydin Mehmet, 1997, p. 7].

Лингвистическая традиция изучения арабского языка зародилась и выросла как практическая и целенаправленная наука, целью которой являлось обеспечение чтения и понимания Корана [Husin]. Теории и проблемы арабской лингвистики связаны с исламской верой (акида) и общими концепциями ислама, которые заимствованы из Корана, хадисов и обскловлены природой арабского языка. Арабская лингвистика разделяет методологические принципы с исследованиями Фикха, Усул аль-Фикха, Усул ад-Дина и повествованиями хадисов. На лингвистические науки повлияли шариатские науки в теоретических основах, методологических вопросах и в вопросах, связанных с языковым повествованием, обоснованием правил, грамматической аналогией, расширением отраслевых правил и т.д. Влияние лингвистики на шариатские нормы обнаруживает себя в фикхе, где грамматике уделяется большее внимание для охвата всех аспектов языковой структуры и стилей, которые могут повлиять на происхождение или правила, кодификацию, интерпретацию и суждение.

Областью практического применения лингвистических исследований является изучение шариата. Важным аспектом исследования является анализ лингвистической основы разногласий в юриспруденции и богословских школах.

В дополнение к извлечению доказательств правил, лингвистические принципы шариата включают кодификацию способов понимания текстов в контексте традиционного арабского дискурса и социокультурных ситуаций его кодирования. Также лингвистические принципы содержат информацию о взаимодействии текстов с реальностью и влиянии языковых изменений на интеллектуальное и социальное развитие.

Мухаммад Шеху Абдуссалам [Abdussalam, Ahmed Shehu, 1999] говорит, что исламская юриспруденция или Усуль-аль-Фикх состоит из принципов трех основных дисциплин: предписаний шариата, лингвистики и исламской теологии или ильм аль-Калам. Лингвистическое исследование в науках о шариате имеет дело со значениями текстов, текстовыми свидетельствами Шариата в Коране и традициях Пророка, а также лингвистическим объяснением нескольких типов значений таких, как реальное (ма'нави) и метафора (маджази), общее и конкретное (хас-аам), связанное и свободное, прямое и косвенное и т.д. Лингвистические принципы шариата предполагают использование лингвистического анализа для объяснения целей Шариата в текстах.

Основной проблемой исламской юриспруденции является выработка предписаний шариата, которые определяют жизнь отдельных людей и общества. Такое генерирование направляется и гарантируется энергичными интеллектуальными усилиями (иджитхад) в понимании текстов. Аналогия (кияс) имеет свое значение из того факта, что тексты шариата, которые являются конечными, содержат правила для мирских дел, которые бесконечны. Семантические принципы являются неотъемлемой частью процесса қіуас.

Актуальность языкового и образовательного стандарта целевой группы оказывает большое влияние либо на привлечение внимания людей, либо на то, чтобы отвлечь их от проповедника (даи) и его послания. Уровень языка имеет большое значение в распространении его послания, даи должен учитывать, что он обращается к широкой массе людей, знающим и невежественным, неграмотным и элите, этот факт требует от него всегда выходить на уровень, знакомый населению в их понимании письменного и разговорного дискурсов, уровень простых словарей и простых идей. Это, конечно, не отменяет необходимости использования правильных, актуальных и красивых стилей.

Языковое право включено в права человека в исламе. Это входит в право на свободу, человеческое достоинство, мирную жизнь, хорошую компанию и соседство, права как правителей, так и подданных. Важность языка в рамках основных жизненных потребностей также подчеркивает гуманистический статус языковых прав.

До настоящего времени в свет вышло единственное исследование, посвященное функционированию исламизмов в русском языке. В своей работе Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф «Исламизмы в современном русском языке и дискурсе» [Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф, 2016] не представил классификацию ЛСГ исламской терминосистемы. Следовательно, классификация ЛСГ исламизмов как самостоятельный предмет исследования сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания является новой дискуссионной темой.

Источником материала для нашего исследования послужили словари русского языка, лексикографические издания разных годов издания, научные исследования филологов-арабистов, а также основные используемые в настоящее время исламские религионимы, представленные в произведениях исламской направленности и СМИ, в частности, в медиапространстве на русском языке. Необходимо отметить, что среди приведённых нами примеров наряду со словами, представленными в толковых словарях, имеются лексемы, не включенные на данный момент в словари русского языка. К таким лексемам, по нашему мнению, относятся: а) слова, вышедшие на уровень понимания широкими массами и проникшие в словарный состав русского языка, будучи понятными всем его носителям; б) слова, находящиеся на периферии активной лексики, но при этом более понятные русскоязычным этническим мусульманам; в) слова, понятные только определенному кругу исповедующих Ислам.

Под лексико-семантической группой мы будем понимать, вслед за Т.В.

Жеребило, «обширную организацию слов, объединенных базовым семантическим компонентом, который обозначает класс предметов, признаков, процессов, отношений» [Жеребило, 2011, с.108]

В качестве основания для классификации ЛСГ нами обозначены две позиции: а) системно-функциональный аспект или семантическое поле (А.В. Бондарко, Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева и др.) и б) границы мусульманской религиозной лексики как совокупность лексем, отражающих материально-культурные и духовные реалии Ислама, а также понятия, в содержании которых имеется прямая или косвенная связь с ним.

Нами проанализировано около 500 религиозных терминов, которые были объединены в 22 ЛСГ. При этом мы допускаем включение одних и тех же мусульманских религиозных терминов в разные лексико-семантические группы, так как они рассматриваются с различных позиций. Представим данную классификацию:

1. ЛСГ «Лексемы, обозначающие вероубежденческие (акида) термины» включает в себя:

- наименование Бога в Исламе, суть которого заключается в его единственности и неповторимости, а также 99 наименований, раскрывающих божественную сущность: *Аллах, ар - Рохман, ар - Рохийм* и т.д.;

- названия метафизических понятий: *арш, курси, махшар, кияма, джанна(т), Фирдавс (один из уровней рая), джаханнам* и т.д.;

- имена ангелов: *Микаил, Джibriил* и т.д.;

- названия Священных Писаний: *Куран, Таврат, Забур, Инджил*;

- названия Судного дня и связанные с ним лексемы: *барзах, шафаа, сират, аль-Каусар (река в раю) аль-Макам аль-Махмуд (наивысшая степень в раю)* и т.д.;

- названия, связанные с событиями приближающегося Судного дня: *аль-масих ад даджаль, Йаъжуж и маъжуж* и т.д.

- имена собственные пророков-посланников, упомянутые в Куране и Сунне: *Адам, Нух, Ибрахим, Муса, Юнус, Ийса, Марьям, Мухаммад* и др.;

- термины, связанные с Исламом, верой и с их соблюдением: *таухид, ийман*, (здесь же наименование свидетельства, означающее, вера в Аллаха и Ислам – *шахада*), *таква (боязнь перед Богом)*.

2. ЛСГ «Лексемы, обозначающие статусы духовных лиц» разделяется на следующие подгруппы:

- посланнические наименования: *наби, русуль*;

- названия категории лиц по отношению к приближенности к Богу: *анбия, авлия* и т.д.;

- общее название лиц, живших во времена Пророка Мухаммада, его домочадцев, связанных с его сподвижниками; лиц, получивших знания непосредственно от него, и три поколения мусульман, живших в начальном периоде Ислама: *ахль аль-байт, сахабы, мухаджиры, ансары, асхаб ас-суффа, сахабии, табиини, табаа табиини*;

- наименования правителей мусульман: *халиф, амир, амир-аль муминин* и т.д.;

- служители религиозного культа: *муфтий, шейх, имам*.

- общее название духовных лиц в мусульманском мире, получивших

специальное богословское образование с основами шариатского правоведения: *улемы (улама)*;

- название лица, призывающее мусульман к молитве (намазу): *муэдзин*.

3. ЛСГ «Лексемы, связанные со Священным Кураном» объединяет следующие подгруппы:

- категория аятов: *мансух, насх, мухамм, муташибих, муджмал и мубаян*;

- название правила чтения аятов Курана: *таджвид*.

- названия, связывающие субъекта с Кураном: *вахий* (наименование скрытого и мгновенного способа передачи аятов Курана Пророку), *кираат* (его чтение), *Кари, хафиз Курана* (знающие Куран наизусть); *мударрис* (обучающие Курану);

- термины, обозначающие определенные части Курана: *аят, сура, джуз и т.д.*;

4. ЛСГ «Лексемы, связанные с хадисами (изречения, одобрения и т.д. Пророка Ислама)» включает в себя:

- термины, относящиеся к хадису и его науке: *сунна* (), *хадисы* (*предания о Пророке в широком смысле*), *иснад* (цепочка передатчиков), *матн* (информационная часть хадиса), *ахад, машхур, мутавафир* (категория хадисов в зависимости от степени достоверности), *сахих, хасан, заиф* (в зависимости от качества иснада).

- лексемы, связанные с хадисами или с хадисоведением: *хадис аль-кудси, исра ва мирадж, мудтариб*.

5. ЛСГ «Лексемы, отражающие вероубежденческие позиции»:

- названия людей, верующих в Курана и живущих по его канонам: *мусульмане, мумины*.

- названия течений, отличающиеся с точки зрения убеждения в Исламе: *сунниты, шииты, хавараджиты, ибадиты, захириты и т.д.*

- название большого течения в Исламе: *Ахли Сунна*;

- названия течений в Ахли Сунне в зависимости школ по практическим вопросам: *ханафиты, шафииты, ханбалиты, маликиты*;

- наименование мусульманской общины: *умма*;

- термины, обозначающие других лиц, кроме мусульман: *ахлуль-Китаб, ахль аз-зимма и т.д.*

- лексема, обозначающая неверующего в Ислам: *кафир (кяфир)*.

6. ЛСГ «Лексемы, называющие исламских ученых по виду деятельности» – *факих, муджтахид, муфассир, мухаддис и т.д.*

7. ЛСГ «Лексемы, обозначающие указания шариата»:

- названия действий религиозного предписания побудительного или воспрещающего характера: *фард, ваджиб, сунна, макрух* и т.д.

- название религиозного правового решения по какому-либо вопросу: *халляль, харам, макрух, мункар, муфсид и т.д.*;

- название свода религиозных положений, связанных с ибадой (поклонением), муамалатом и наказаниями: *шариат*;

- название указа, внесенного на основе доводов шариата, полномочными лицами: *фетва, хукм*;

- название стараний ученых-муджтахидов: *иджтихад*;

- название единодушного мнения ученых-муджтахидов, вынесенного

по определенной проблеме, для выяснения его религиозного положения (*хукма*): *иджма*.

8. ЛСГ «Лексемы, связанные с разными видами ибады (поклонения)»:

- название состояния большого осквернения и требующего ритуального очищения для всех мусульман: *гусл, тахарат, вуду, таяммум, джунуб* и др.

- лексемы, обозначающие обстоятельства, требующие гусль: *джунуб, хайд, нифас*;

- лексема, обозначающая мольбу или прямое обращение к Богу: *дуа*;

- лексемы, обозначающие призыв на намаз, проповедь во время полуденного джума намаза: *азан, хутба* и т.д.

- лексемы, обозначающие искреннее покаяние и связанные с ним молитвы: *истиغфар*

9. ЛСГ «Лексемы, связанные с хаджом» включает:

- лексемы, обозначающие большой и малый хадж: *хаджиль-акбар, умра*;

- лексемы, обозначающие топонимы и объекты совершения различных обрядов хаджа: *Мина, Арафат, Муздалифа* и др;

- лексема, обозначающая название воды вблизи Масжид аль Харам: *Замзам*;

- лексема, обозначающая название специальной одежды паломников в период большого хаджа или умры: *ихрам*;

- лексема, обозначающие состояние, обряды, связанные с хаджом: *хаджи, вукуф, таваф, сайъ, ихрам, талбия* и т.д.

10. ЛСГ «Лексемы, связанные с названиями священных топонимов и известных мечетей в исламском мире» включает названия важнейших святынь, культовых сооружений Ислама: *аль-масджид аль-Харам (Запретная мечеть) в Мекке, аль-масджид ан-Набавиййа (мечеть Пророка) в Медине, аль-масджид аль-Акса в южной части Иерусалима.*

- архаичное название Благословенной земли: *аш-Шам*

11. ЛСГ «Лексемы, относящиеся к намазу и его постулатам (рукнам)» объединяет:

- названия намазов: *аср (послеполуденный намаз), магриб (вечерний), иша (ночной); джума-намаз (пятничный намаз), витр, тахаджуд (ночной намаз)* и т.д.

- название стороны Мекки, куда направляются лица совершающих намаз: *кибла*;

- названия намерения и элементов намаза: *ния(т), ракаат, киям, кираат, руку, суджуд, таслим* и т.д.;

- наименования молитв, требующих чтения во время совершения намаза и до него: *азан, такбир, фатиха, зам сура, тасбих, ташаххуд, салават* и др.

12. ЛСГ «Лексемы, обозначающие названия месяцев по мусульманскому лунному календарю, религиозных праздников и знаменательных дат»:

- названия месяцев: *мухаррам, зульхиджа, зулькада, рамадан* и т.д.

- название пятничного дня: *джума*

- название десятого дня первого месяца лунного календаря, знаменательных в Исламе дней и ночей: *ашура, бараат, Лайлатуль-Кадр (Ночь предопределения)*;

- названия основных праздников Ислама: *Ийд-уль адха, Курбан байрам*;

- название периода празднования дня рождения Пророка Ислама: *маулид*.

13. ЛСГ «Лексемы суффи́за» включает в себя следующие группы:

- название пути религиозно-нравственного совершенствования суфия - *тарикат*;

- названия лиц, вступивших на путь тариката - *суфий*; *муриид, устаз* (учитель-наставник), *мюрид* (ученик суфий) и т.д.;

- название внутреннего состояния суфиев: *джихад с нафсом, ваджд, хальва, зухд, фана*;

- названия постоянных ритуалов-поклонений, совершающихся суфиями: *зикр, вирд, азкар, тахлил*;

- название суфийской обители: *завия*

- название степени приближения к Богу: *авлия, ариф, васил*.

14. ЛСГ «Лексемы семейно-брачных отношений»:

- название самого процесса бракосочетания: *никах*;

- название предбрачного дара: *махр*;

- название запрета на вступление в брак между близкими родственниками: *махрам*.

15. ЛСГ «Лексемы, связанные с месяцем Рамадан:

- название времени приема пищи *Сухур* (время принятия пищи под утро), *ифтар, тарави* и т.д.

16. ЛСГ «Лексемы, обозначающие объекты архитектуры»:

- название строительного сооружения в Мекке: *кааба*;

- название мусульманского учебного заведения как объекта архитектуры: *медресе*;

- название молельного дома и сооружений в Исламе – *мечеть, минарет*;

- лексемы, связанные с устройством мечети: *минбар, михраб* и т.д.

17. ЛСГ «Лексемы, обозначающие денежно-экономические отношения»:

- название облагаемого минимума имущества, с которого выплачивается мусульманский налог: *нисаб, закят*;

- название выплачиваемой милостыни в конце месяца Рамадан: *фитр-садака*;

- название наиболее близкого эквивалента слову «милостыня»: *садака*;

- название денежной компенсации за упущенные посты в месяце рамазана: *каффара(т)*;

- название земельного налога, выплачиваемого крестьянами: *харадж*;

- название имущества, переданного на религиозные или благотворительные цели (в мусульманском праве): *вакф (вакуф)*.

18. ЛСГ «Лексемы, обозначающие названия одежды»: *хиджаб, никаб, чадра, изар, паранджа* и т.д.

19. ЛСГ «Лексемы, обозначающие военно-политические понятия»:

- название правоверных, павших на войне против врагов: *шахид*

- названия политических течений и организаций, претендующих на власть в различных регионах: *ваххабиты, хизбут-тахрир, талибан, хамас, ИГИЛ* и др.

-название призыва к священной войне: *джихад*

20. ЛСГ «Лексемы, связанные с адабом (этикой) Ислама»:

- название, всех видов нравственных качеств: *ахляк*;

-название запрета на обнажения отдельных частей тела как у мужчин, так и женщин: *аурат*

21. ЛСГ «Лексемы, не включенные в лексико-семантические группы»:

-*Мусафир* (путник),

- названия войн, происходивших в период жизни Пророка: *бадр, ухуд* и т.д.

22. ЛСГ словосочетаний, обозначающих виды ибатада (поклонения). В данную лексико-семантическую группу включены словосочетания, часть которых функционирует в русском языке как свободные, так и несвободные. К ним можно отнести: *совершение или чтение намаза, удержание уразы, совершать зикр, сделать дуа, совершать хадж, посланник Аллаха, мать правоверных (по отношению к женам Пророка), праведные предки (использующееся по отношению первых трех поколений мусульман после со времен пророчества) и т.д.*

Таким образом, в предлагаемой классификации представлено распределение религионимов с точки зрения их лексического значения в Исламе. На наш взгляд, выделение в данных ЛСГ позволяет соотнести тот или иной религионим с каждой ЛСГ и найти ему место внутри этих групп.

Библиографический список

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 128с.

Эль-Мсафер Халдун Арян Халаф. Исламизмы в современном русском языке и дискурсе: дис..... кандидата филологических наук/ 10.02.01 – русский язык. Воронеж, 2016 – 188 с.

Abdussalam Ahmed Shehu. Islam and Language. Kuala Lumpur: Al-Hilal Publishing. 1999

Al-Ghazali, A. H. Kitab al-Mustasfa min `Ilm al-Usul. Cairo: Al-Matba'ah Al-Amiriyyah. 1904.

Al-Rummani, A. b. I. Al-Nakt fi I'jaaz Al-Qur'an. Cairo: Dar al-Ma'rifa. 1968.

As-Suyuti, J. a.-D. al-Itqan fi Ulum al-Qur'an. Bayreuth: Almaktaba althaqafiya. 1973.

Aydin Mehmet, S. Al-Ghazali on Metaphorical Interpretation. Paper presented at the L.A.U.D Symposium, Duisburg. 1997.

Binkley, L. J., & Hick, J. H. . What Characterizes Religious Language? // Journal for the Scientific Study of Religion 2, 1962. – pp. 18-24.

El-Sharif A. A Linguistic Study of Islamic Religious Discourse: Conceptual Metaphors in the Prophetic Tradition 1A Linguistic Study of Islamic Religious

Discourse: Conceptual Metaphors in the Prophetic Tradition PhD Thesis. Queen Mary University of London, 2011. – 430 p.

Fernandez, J. W. *Persuasions and Performances: the Play of Tropes in Culture*. Bloomington: Indiana University Press. 1986.

Harrison, V., S. *Metaphor, Religious Language and Religious Experience*. *Sophia: International Journal for Philosophy of Religion* 64(2), 2007 –pp. 127-145.

Husin S. Ah. The importance and roles of linguistics in islamic studies (integration of linguistics with religious studies) linguistics integrates with islamic studies

https://www.researchgate.net/publication/282446057_The_Importance_and_Roles_of_Linguistics_In_Islamic_Studies_Integration_of_Linguistics_With_Religious_Studies/link/567ef21208ae19758389a1b2/

Keane, W. *Religious Language* // *Annual Review of Anthropology*. – 26. – 1997. – pp. 47-71.

Jökel O. *Hypotheses Revisited: The Cognitive Theory of Metaphor Applied to Press. Religious Texts* *metaphorik.de Journal zu Metapher und Metonymie*, (02). 2022.

Soskice J. M. *Metaphor and Religious Language*. Oxford: Clarendon. 1985.

Wagner R. *Symbols that Stand for Themselves*. Chicago: University of Chicago the Scientific Study of Religion. 1986. – pp. 18-24.

Weiner J. F. *The Empty place: Poetry, Space, and Being among the Foi of Papua New Guinea*. Bloomington: Indiana University Press. 1991.

Chapter 6.
COMMUNICATIVE COMPETENCE ADAPTATION THE RUSSIAN
LANGUAGE TO THE CENTRAL ASIAN MEDIA PERFORMANCE
by Nataliya Lapina

The chapter analyzes the current state of the Russian literary language in the Russian-speaking Central Asian media based on the texts of Russian-speaking online media. The authors attempt to explain the grammatical transformation of the Russian language in the author's texts through the social context, national communicative competence, possession of a set of competencies, multilingualism, the formation of ethnic identity and other aspects. The basis for the analysis and conclusions was the transformational concept of N. Chomsky.

Russian continues to function as a communication tool, despite the transition of Central Asian states to their native languages and the different status of the Russian language in providing communications in Central Asia, and journalists in the Central Asian media are among the active users and "native speakers" of the Russian language.

Transformations are understood as grammatical constructions uncharacteristic for the Russian language, including such linguistic "moments" as the order of parts of a sentence and syntactic models of describing events, expansion of the grammatical semantics of connectors, violation of the principle of semantic transitivity, deformation of syntactic compatibility, verbal substantives, inclusion of national vocabulary (in Latin graphics or transcribed into Cyrillic) in grammatical structures sentences of the Russian language.

The changed living space of the Central Asian peoples is reflected (according to M. Bakhtin) in the state of language and in the media performance of Central Asian journalists (according to N. Khalina). Since the generation and functioning of Russian-language texts in the media space of Central Asian countries occurs within the boundaries of "other" language structures, norms and rules, grammatical transformations are inevitable in the Russian language.

The transformation of the Russian language reflects the transformation of the epoch inherent in the Central Asian world. The "plasticity" of the formal grammatical structures of the Russian language found in the study is used in various discourses, including media discourse, and correlates with the transformational grammar of N. Chomsky.

Глава 6.

КОММУНИКАТИВНО-КОМПЕТЕНТНОСТНАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМУ МЕДИЙНОМУ ПЕРФОМАНСУ

Н.В. Лапина

Поведение социального субъекта, независимо от его этнической и страновой принадлежности, в контексте взаимодействий эпохи трансформаций картин мира, аксиологических доктрин, критериев дифференциации ложности/истинности продуцируемого контента истории, определяется правилами соответствия ситуации коммуникации, что, в свою очередь, всецело зависит от коммуникативной компетентности и «пакета» коммуникативных компетенций.

Понятие коммуникативной компетентности как способности использовать язык в социальном контексте было введено в научный обиход в 1972 Дейлом Хаймсом, что было его реакцией на трансформационную грамматику Н. Хомского, основывающуюся на дихотомии «компетенция-перформанс» [Kalliokoski , 2011], Модель Хомского, приходит к выводу Jurgki Kalliokoski , не учитывает социальные параметры языка, собственно факты его использования, соотношение между языком и контекстом и социальными действиями. Исходя из этой точки зрения, можно предположить, что модель Хомского определяет в качестве базовых параметров коммуникации и. соответственно, коммуникативных компетенций умение работать с семантическими массивами и знаниевыми базами данных на предмет выбора (на основе «перебора») наиболее адекватного/релевантного коммуникативной ситуации способа вербализации, или грамматического оформления, семантического контента. Собственно процедура выбора, коммуникативная компетентность, и определяет ложность/истинность контента, оформленного в виде предложения. Согласно, американской философско-языковой позиции и политики, если предложение грамматически оформлено, то автоматически констатируется истинность положения дел, в нем представленного. Таким образом, грамматическое оформление предложения – своеобразная демонстрация и позиционирование коммуникативной компетентности и владения набором компетенций. Это объясняет актуальность владения вторым языком, обязательным структурным элементом в модели «внутренний-внешний» язык, базовой для трансформационной концепции Н.Хомского.

Лингвистическая компетенция идеального говорящего-слушающего становится частью монологической теории языка. Хаймс, в отличие от Хомского. не разграничивает первый и второй иностранный языки, и его социальный субъект мультилингвален, в отличие от идеального монологического говорящего-слушающего. Но именно компетентностный подход Н. Хомского стал доминирующим в образовании и обучении

иностранным языкам, включая идею первого и второго иностранного языка, в странах следующих конвенциям Болонского процесса. В этом плане исключением не стали государства Центральной Азии.

Статус русского языка в обеспечении коммуникаций Центральной Азии различен, но ориентация на компетентностные стандарты, коррелирующие с трансформационной грамматикой Хомского, влияет на модели его использования в различных дискурсах, в том числе в дискурсе медийном. Функционирование русского языка в центральноазиатской медийной среде рассматривается нами как медийный перформанс - функционирование системы русского языка в соответствии с правилами гипертекстуальной интернет среды с целью представления интенций носителя центральноазиатского языка.

Структурным элементом центральноазиатского медийного перформанса является формирование идентичности - казахстанской, узбекистанской, кыргызстанской, таджикистанской -, что совпало «с информационной эпохой, определяющей в качестве основного коммуникативного ориентира социальных систем идеологию коннективности, поддерживаемую осмыслением прагматической ценности человеческого языка, его соответствия реальности, т.е. пригодности (fitness), «технологичности» [Халина, 2021, с.74]. «Коммуникационная пригодность языка» [Халина, 2021] этнического языка в процессах поддержания глобальной коммуникации проверяется в медийных средах центральноазиатских государств. Причем роль «посреднической»/ «посредствующей» семиотической системы в осуществлении взаимодействия на уровне глубинных структур центральноазиатских языков и языков англосаксонской группы выполняет русский язык.

Исследователи давно изучают процессы, которые происходят в русском языке при его функционировании в поликультурных средах, и говорят о взаимовлиянии языков и специфике медиатизации веб-сообщений [Протасова, Алишариева, Ибраева, 2018]. Нас интересует, в первую очередь, проблема трансформации русского языка в русскоязычных текстах центральноазиатских медиа, а точнее - трансформация синтаксических конструкций русского литературного языка.

Следует отметить, что медиатизация русского литературного языка имеет место и в русскоязычных интернет-изданиях. Попав под влияние «пишущих» интернет-пользователей, русский литературный язык публицистики «расширил» нормы с целью «говорить на языке своего читателя». Так, например, в медиатекстах рунета закрепляются ненормативные элементы разговорного стиля. Особенности русского литературного языка в медиатекстах азиатских СМИ мы также считаем влияние национальной культуры и грамматики национальных и иностранных языков.

Важным аспектом, влияющим на параметры функционирования русского языка, является характер информационной среды, формируемой центральноазиатскими СМИ.

В Казахстане зарегистрировано 4873 СМИ, из которых 3541 составляют периодические печатные издания, 184 – телеканалы, 79 – радио, 802 – информационные агентства и сетевые издания. (459-ИА, 343 СИ). В Казахстане более 85% СМИ являются неправительственными [Тютеебаева, 2018].

Нет достоверных статистических данных о том, что все зарегистрированные СМИ имеют онлайн-версии, однако по информации отдельных исследовательских проектов почти все СМИ Казахстана присутствуют в интернете.

Периодические печатные издания (газеты и журналы), как правило, публикуют на своих сайтах материалы, вышедшие в печатных версиях. Телеканалы и радио наполняют интернет-ресурсы программами передач и содержанием в формате видео и аудио. Информационные агентства и сетевые издания производят новости и статьи в режиме 24/7. Русский язык СИ и ИА представляет интерес для данной исследовательской работы.

В 2020 году 88% населения имели доступ к Интернету [В Казахстане доля пользователей интернета будет доведена до 88%., 2020]

Это говорит о довольно высоком проценте потребления новостного содержания интернет-ресурсов в республике. Кроме местного населения аудиторию интернет-СМИ составляют жители других стран.

Почти все СМИ Казахстана выходят на двух языках: казахском и русском. Часто используется английский, как третий язык. Также есть СМИ, которые выходят на украинском, польском, немецком, корейском, уйгурском, турецком, дунганском и других языках. Если переходить к цифрам, то чаще всего в СМИ используются казахский и русский языки – 1944 СМИ, только русский язык – 899, только казахский язык – 587, на трех языках и более (*в.т.ч. на других языках*) – 1443.

Из 4873 зарегистрированных СМИ 267 – иностранные, 4606 – отечественные. Все СМИ Казахстана регламентируются Законом Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І «О средствах массовой информации». В казахстанском обществе принято считать, что, несмотря на заявленную свободу слова, в Казахстане все СМИ подвергаются цензуре: отмечается чрезмерное государственное регулирование деятельности СМИ и непривлекательность казахстанского медиарынка для иностранных инвесторов [Маркетинговые исследования в Азии, использование Интернета, статистика населения и подписчики Facebook. 2021].

Больше всего СМИ зарегистрировано на территории Алматы: печатные – 1143, электронные – 67, интернет-СМИ – 170. Всего 1380. На втором месте по количеству СМИ – Нурсултан: печатные – 507, электронные – 33, интернет-СМИ – 164. Всего – 704. Третье место по количеству СМИ у Туркестанской области (г. Шымкент): печатные – 428, электронные – 21, Интернет-СМИ – 180. Всего – 629.

По видам СМИ наиболее многочисленной группой остаются печатные – 3541 от общего количества зарегистрированных СМИ, из них газет – 2155 и журналов – 1386.

По данным сервиса LiveInternet.ru (портал, предоставляющий услуги статистики сайтов и ведения онлайн-дневников (блогов), а также другие различные сервисы, охватывающие широкий круг потребностей аудитории) в Казахстане этот сервис установлен на 1600 сайтах, и 146 из них – в разделе «Новости и СМИ».

В Киргизской республике выходят около 30 периодических печатных изданий (газет и журналов), 8 государственных и 20 частных телевизионных сетей. Большинство частных сетей базируются в столице страны, Бишкеке. По другим данным, на сегодняшний день в ведении Министерства культуры, информации, спорта и молодежной политики Кыргызской Республики находятся 46 областных и районных газет [Государственная информационная политика Кыргызстана, 2022].

Третий источник сообщает, что в Кыргызстане более 200 СМИ. Примерно 160 из них – печатные. Тем временем в 2019 году сервис почтовой подписки предлагал жителям Кыргызстана подписку на 54 газеты и 23 журнала, издающихся в республике.

Достоверной информации о количестве зарегистрированных интернет-СМИ в открытых источниках нет. Следуя общей тенденции глобализации, можно предположить, что хотя бы 40% печатных СМИ имеет интернет-версии. В исследовании киргизских медиа за 2017 год опубликована информация также о 22 онлайн-изданиях, предлагающих новостное содержание.

Согласно последним опубликованным данным, число пользователей интернетом в Кыргызстане составляет свыше 4 млн человек, что составляет примерно 60% [Маркетинговые исследования в Азии, использование Интернета, статистика населения и подписчики Facebook, 2021]. В городе Бишкеке свыше 80% жителей используют интернет.

Основным языком общения населения является кыргызский (67,6%), русский (16%) и узбекский язык (13%). Основным языком, на котором население читает газеты, является кыргызский 73,8%. Русскоязычные публикации читает 23,9% читателей печатных СМИ.

Большинство интернет-изданий многоязычные, чаще всего имеют кыргызскоязычный и русскоязычный контент, а порой версии сайта есть и на других языках, в том числе, узбекском [Исследование СМИ КР, 2022].

По данным сервиса LiveInternet.ru, в Кыргызстане этот сервис установлен на 127 сайтах, и 23 из них – в разделе «Новости и СМИ».

В Республике Узбекистан в 2022 году в качестве СМИ зарегистрировано 655 интернет-ресурсов [Государственный реестр веб-сайтов, зарегистрированных в качестве средств массовой информации, действующих в Республике Узбекистан, 2022]. Агентство информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан в 2020 году информировало о 1777 субъектах информации [Официальное заявление, 2020]. Почта Узбекистана предлагает подписку на 126 газет и 143 журнала, издающихся в республике.

По официальным данным статистики Республики Узбекистан интернетом в Узбекистане обеспечено 56% населения [Обеспеченность

населения интернетом и мобильной связью, 2022]. По другим данным, пользователей интернета в Узбекистане в 2019 году насчитывалось около 20 млн человек и 2,5 млн из них пользовались им на ежедневном основе. Согласно рейтингу «Internetworldstats» за 2014 год, Узбекистан по количеству интернет-пользователей занимает 11-ое место (среди 35 стран) в Азии и 1-ое место в Центральной Азии [Маркетинговые исследования в Азии, использование Интернета, статистика населения и подписчики Facebook. 2021].

В 2020 году в Узбекистане более половины печатных СМИ, телестудий и 83% радиоканалов являлись негосударственными [СМИ Узбекистана: статистика и инфографика. 2021]. Также уточняется, что 62% от общего количества СМИ в республике являются негосударственными. СМИ страны издаются и выходят в эфир на 11 языках наций и народностей, проживающих в Узбекистане. Интернет-СМИ предоставляют информацию, как на узбекском языке, так и на русском, английском, французском, немецком и других языках.

По данным сервиса LiveInternet.ru, Узбекистане этот сервис установлен на 808 сайтах, и 22 из них – в разделе «Новости и СМИ».

В Республике Таджикистан в 2021 году зарегистрированы и функционируют 621 печатное издание и 11 информационных агентств (1 государственное и 10 негосударственных). На 2018 год государственных СМИ было примерно в два раза меньше, чем частных/независимых: государственных – 248 наименований, частных – 439 наименований.

По результатам исследования [Интернет и соцсети в Центральной Азии: лидеры и аутсайдеры. 2017] в январе-феврале 2018 года в Таджикистане интерес к новостной повестке проявляли более 73% населения. В 2020 году в Таджикистане было зарегистрировано более 3,1 млн пользователей Интернета (уровень проникновения 32,4%) [В Таджикистане насчитали 3,18 млн. пользователей Интернета. 2020]. По другим данным, их доля составляла 47%. В 2022 году в Таджикистане насчитывается 4,2 млн пользователей интернета.

В открытых интернет-источниках опубликована информация об 11 таджикских интернет-СМИ. Все локализованы в Душанбе.

По данным сервиса LiveInternet.ru, в Таджикистане этот сервис установлен на 61 сайте, и 8 из них – в разделе «Новости и СМИ».

Русский язык в стране остается наиболее понятным для многих таджикстанцев. Преобладающим спросом в Таджикистане пользуются телепрограммы на таджикском – 93% и русском – 45% языках. Также значительная часть жителей смотрят телеканалы на узбекском – 32% и персидском/дари языках.

Сводная таблица данных представленного обзора по интернет-СМИ, языку публикаций, доступу населения в интернет, интересу к новостям в странах ЦА говорят о том, что в каждой стране есть онлайн-СМИ на русском языке и от 40 до 70% населения имеют возможность потреблять русскоязычный медиаконтент (см. Таблица № 1).

Потребление русскоязычного медиаконтента в ЦА

Страны Центральной Азии	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан
Всего интернет-СМИ	802	655	11	22
Язык публикаций	казахский, русский, английский	узбекский, русский	таджикский, русский, узбекский	кыргызский, русский, узбекский
Население (млн чел.)	19,1	35	9,5	6,7
Процент населения, имеющего доступ в интернет (млн чел.)	77,2% (14,6)	50,6% (17,1)	41% (4,0)	47% (3,1)

Глобальная интернетизация и цифровизация предоставили возможность традиционным СМИ выйти за пределы локального распространения и «дойти» до каждого читателя, независимо от места его нахождения.

Большой процент СМИ Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана сегодня выходят не только на родном языке, но и на русском, английском и других иностранных языках.

При этом перевод медиатекстов осуществляется не посредством искусственного интеллекта, не в автоматическом режиме с помощью переводческих программ и приложений типа Google Analytics и Яндекс.Переводчик, а является письменным продуктом речемыслительной деятельности носителей языка.

Несмотря на переход государств Средней Азии на родные языки, русский язык продолжает функционировать как инструмент коммуникации, а журналисты в центральноазиатских СМИ являются одними из активных пользователей и «носителей» русского языка [Аманжолова, 2019].

Это обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, понятно желание СМИ рассказывать о событиях, которые происходят внутри азиатских стран, не только отечественному читателю. С другой стороны, в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане на русском языке до сих

пор говорят и даже продолжают его изучать в культурных, политических и миграционных целях.

Большая роль русского языка в формировании культурных, научных, общественно-политических ценностей социума Средней Азии признаётся на самых высоких уровнях.

Так о роли русского языка в азиатской культуре сказал первый президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Он отметил, что «через русский язык казахи вышли на мировую культуру, потому что не было никаких исторических, культурных, научных источников, переведенных на казахский язык. До всего этого казахи доходили через русский язык, через русскую культуру. До революции образованных людей было 5-6%, сейчас 100% казахов образованные» [Назарбаев].

Языковая «близость» России и Средней Азии сохраняется благодаря общему прошлому стран СНГ и СССР, а также благодаря внешней политике, соседству территорий, упрочению образовательных связей и научного сотрудничества. Способствует этой близости и «новостной» фактор.

Недавние протесты в Казахстане в январе 2022 года в очередной раз «вытолкнули» азиатские медиа на мировую информационную арену: интерес к информации из Казахстана возрос. По данным сервиса WordStat Яндекс, количество запросов в рунете по слову «Казахстан» выросло с 5 млн в январе 2021 года до 11 млн в январе 2022 года. Соответственно, выросли предложение и производство новостных сообщений на русском языке.

В этой связи интерес учёных вызывает то, на каком русском литературном языке производятся новостные сообщения в СМИ Средней Азии. Следует различать русский язык в печатных и электронных СМИ. В онлайн-версиях печатных СМИ, как правило, размещаются вычитанные корректорами тексты. В них крайне редко можно встретить отклонения от норм русского литературного языка.

Из электронных СМИ нас интересуют только интернет-издания тех медиа-ресурсов, которые создают собственные текстовые новостные сообщения на русском языке в режиме 24/7. Таковыми являются онлайн-информантства, новостные порталы периодических печатных изданий, сайты государственных органов.

В поле нашего исследования не входят тексты, перепубликованные из русскоязычных СМИ и созданные носителями русского языка. Авторы исследуемых нами текстов среднеазиатских медиа являются местные журналисты.

Сегодня русский язык в Средней Азии ещё продолжает выполнять коммуникативные и когнитивные функции, а его статус меняется от государственного к языку межнационального общения и официального [Лебедева, 2016].

Изменение статуса языка влияет на семантику «масштабируемости» среды порождения и обращения новостной информации. «Масштаб среды» определяется «правилами размещения лингвистического знака в сообщении и информационном потоке, что влияет на принципы преобразования информационного потока в тексты, а затем события, факты и обстоятельства

жизни» [Халина, Внучкова, Пушкарева, Серова, Бунчук, Хребтова, Столярова, Злобина, 2011].

Русскоязычные тексты азиатских медиа рассматриваются нами как «барометр» состояния русского языка в дискурсе социума Центральной Азии. Отсюда можно получить информацию о деформациях/трансформациях синтаксической сочетаемости в русскоязычных конструкциях. Под трансформациями нами понимаются нехарактерные для русского языка грамматические конструкции, включающие такие языковые «моменты», как порядок следования частей предложения и синтаксические модели описания событий, расширение грамматической семантики коннекторов, нарушение принципа семантической переходности, деформация синтаксической сочетаемости, отглагольные субстантивы.

За синтаксическую «норму» мы принимаем прямой порядок слов в предложении, тема-рематическую иерархию [Самоделкин, 2016], грамматическую «правильность» словоизменений и смысловую очевидность выбора языковых знаков.

Вопрос о причинах трансформации русского литературного языка уже изучается лингвистами. А.Ю. Ларионова говорит о том, что «современный синтаксис находится под активным влиянием разговорной речи, в силу чего вариативен, подвижен и необычен по сравнению с классическим синтаксисом. Классический синтаксис сохраняется сегодня преимущественно в официально-деловом и научном стиле в развернутых, логически выстроенных предложениях» [Ларионова, 2018].

А.Ю. Ларионова описала трансформации в языке у русских авторов. Это присоединительные конструкции – через тире, парцелированные конструкции – конструкции экспрессивного синтаксиса, представляющие собой намеренное расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков (в терминологии швейцарского лингвиста Шарля Балли – дислокация); фрагментальные конструкции.

Большую роль в процессе влияния разговорной речи на язык СМИ, как мы уже отмечали, играют журналисты. Об этом написано, например, у А.В. Полонского. [Полонский, 2018].

Язык публицистики попал в новые условия с развитием цифровой журналистики, он трансформировался в медиалект или язык медийной среды. И особенность медиалекта в том, что языковые нормы в нём подвижны, функциональные стили смешиваются, критериев процесса подачи информации средствами массовой информации нет.

Вслед за исследователями, изучающими трансформации русского литературного языка в русскоязычном дискурсе, появились исследователи, которые изучают дискурс современных русскоязычных азиатских медиа. В частности, отмечены такие «языковые моменты», как употребление латинской графики и транскрибирование национальной лексики в русскоязычных текстах [Аманжолова, 2019].

Такие «моменты» можно встретить при упоминании в текстах СМИ национальных видов спорта, национальной одежды, названий улиц,

объектов торговли и развлечений, названий политических партий, должностей госслужащих, названий национальных проектов в сфере медицины, образования, культуры, благоустройства.

Анализ синтаксических конструкций в русскоязычных текстах СМИ Средней Азии позволяет нам сделать выводы и о другой языковой трансформации – грамматической.

Обратимся к предварительным выводам¹⁸, которые касаются порядка слов в предложениях, нарушения синтаксической сочетаемости и включения лексики, требующей как смыслового пояснения, так и соответствия грамматическим нормам русского литературного языка.

Как уже отмечено исследователями, в русскоязычных текстах СМИ Средней Азии можно встретить слова, словосочетания и фразы как на латинском языке, так и транскрибированные кириллицей. Кроме того, что неочевиден их смысл, вызывает вопрос и их адаптация в синтаксическую структуру предложения. То есть, заведомо неизвестны их число, род и падеж, благодаря которым происходит грамматическое управление. По нашим наблюдениям, чаще всего нарушено согласование по роду и числу, а вот падежное управление в большинстве случаев выстраивается по именительному падежу.

Ежегодно в сельских округах региона проводится акция «Ауылым – алтын бесігім!».

Они показали яркие хореографические композиции, инсценировали национальные традиции ау жар и аушадияр, узаттылы и беташар.

В рамках марафона «Тәуелсіздік керуені», посвященного 30-летию независимости страны...

В селе Жагалыбулак главе региона показали дороги пяти внутриселковых улиц, отремонтированных в этом году в рамках «Ауыл – ел бесігі».

Причём здесь младший жуз?

Национальная лексика в латинской графике употребляется в конструкциях, предполагающих именительный падеж имен существительных.

---

¹⁸ Для анализа синтаксических конструкций в русскоязычных текстах СМИ Средней Азии мы обратились к некоторым примерам трансформации синтаксических конструкций русского языка в новостных текстах среднеазиатских медиа. В качестве исследовательской базы нами выбраны онлайн-ресурсы русскоязычных СМИ Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

Выборка ресурсов осуществлялась по следующим критериям:

- онлайн-СМИ функционирует как производитель собственного новостного содержания;
- выходит минимум на двух языках, один из которых русский, второй – национальный.

Далее жирным шрифтом даны фрагменты новостных сообщений с сохранением орфографии и грамматики авторов и указывается предполагаемая синтаксическая трансформация, не характерная для русского языка и не встречающаяся в российских СМИ. Ссылка на источник фрагмента даётся в конце в общем списке источников.

В этих примерах транскрибированная на кириллическую графику лексика «приобретает» грамматические признаки лексики русского языка.

Один из глав айыл окмоту Таласа также был уволен за агитацию за одну из партий.

В Кыргызстане завершились выборы в Жогорку Кенеш.

Судьба лесов и егерей волнует мажилисменов.

Есть здесь и другой грамматический аспект – это «расширение» синтаксической сочетаемости ядра словосочетания или предложения. Употребление зависимых слов не в том числе, не в том роде или не в том смысловом контексте увеличивает семантическую нагрузку операнда или ядра конструкции.

Когда можно подать документы на новое пособие, рассказали в Минтруда.

В МИНТРУДА – Минтруд склоняется также, как слово «труд». В предложном падеже должно быть окончание -е: в Минтрусде.

Потребность столичных горожан по мясу и молоку обеспечивается на треть, по яйцу на 90 процентов.

ПОТРЕБНОСТЬ ПО МЯСУ – по- дательный падеж. Для русского языка характерна конструкция, управляемая предложным и именительным падежом: потребность (в чём?) в мясе; потребность (чья?) населения.

Руководителем районной милиции были предоставлены информации о проделанной работе сотрудников милиции по предотвращению преступлений и правонарушений на территории данных сел, новых кодексах вступивших в силу с 1 декабря текущего года.

ПРЕДОСТАВЛЕННЫ ИНФОРМАЦИИ – множественное число существительного «информация» стоит в нехарактерной для русского языка связке. Корректнее было бы сказать «была представлена информация о...»

В рамках проводимых оперативно-розыскных мероприятий органами ГКНБ выявил и пресек устойчивый канал распространения синтетических наркотиков на территории города Бишкек и Чуйской области.

ОРГАНАМИ ВЫЯВИЛ И ПРЕСЕК – грамматическая конструкция, вероятно, мыслилась в пассивном залоге английского языка, так как для русского языка в медиа более предпочтителен активный залог и прямой порядок слов: Органы ГКНБ выявили канал распространения наркотиков и пресекли его деятельность...

В жизни строго придерживаюсь этим принципам, изложенным в стихах великого поэта.

ПРИДЕРЖИВАЮСЬ ЭТИМ ПРИНЦИПАМ – в этой фразе нарушено падежное согласование родительного падежа.

В селе Жагалыбулак главе региона показали дороги пяти внутриселковых улиц, отремонтированных в этом году в рамках «Ауыл – ел бесігі».

ОТРЕМОНТИРОВАННЫХ – нарушена синтаксическая сочетаемость с существительным «дороги». Должно быть «дороги... отремонтированные». Появление «дороги... отремонтированных» произошло из-за «смещения» акцента с «дороги» на «улиц... отремонтированных».

Суммарные выплаты, которые получили люди, сообщившие о фактах коррупции, является более 40 млн тенге.

ЯВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ 40 МЛН ТЕНГЕ – глагол «является» употребляется в значении «составят». Очень похоже на «обратный» перевод с английского гл. be.

В медийных текстах, написанных на русском языке, встречается лексика - слова и словосочетания - значение которых неочевидно для носителя русского языка. Это не национальная лексика и не транскрибированные кириллицей слова, а именно образованные по типу семантического ядра слова и словосочетания.

Сколько мангистаусцев получили вакцину против КВИ?

По данным оперативного штаба по борьбе с КВИ...

Вместе с тем в регионе становится все больше заявок для участия в проекте «Ashyq»... с населением по профилактике КВИ.

КВИ – обозначение новой коронавирусной инфекции аббревиатурой КВИ образовано по типу аббревиатуры ОРВИ в русском языке. Встречается преимущественно в казахских медиа (Костанайская и Акмолинская области) в значении «коронавирус, ковид, COVID-19». В русскоязычных российских онлайн-медиа не встречается.

Первый шаг к дендронезависимости.

ДЕНДРОНЕЗАВИСИМОСТЬ – дендро- часть сложных слов, относящаяся к древесным растениям и в русскоязычном дискурсе присоединяемая к словам, обозначающим территорию: дендропарк, дендросад.

Кримдуют: сотрудник банка и безработная.

КРИМДУЭТ – блендинг словосочетания «криминальный дуэт». В русскоязычных российских онлайн-медиа не встречается.

Более тысячи водителей купили права в спецЦОНах: МВД обратилось к казахстанцам.

СПЕЦЦОН – приставка спец- + аббревиатура ЦОН. В реалиях России такой организации не существует: спецЦОН невозможно увидеть, а значит, и сформировать о нем представление возможно только по приставке –спец (как сокращение от «специальный»). Образовано по примеру сложных слов «спеццена», «спецоперация».

Такую лексику не встретишь в русскоязычных российских СМИ, хотя словообразование осуществляется по правилам и нормам русской грамматики. Мы условно обозначили такую лексику как медийномаркированные русскоязычные дериваты. Их возможно рассмотреть с точки зрения понятия С. К. Шаумяна: слово или словосочетание в предложении «имеют не просто значение, это целый гештальт. И гештальт как целое имеет в языке такие качества, которые он не явит ни в одной своей другой «презентации» [Shaumyan, 2006.]

Встречаются предложения, в которых порядок следования частей предложения «интуитивно» нарушен, что создаёт трудности восприятия и коммуникации. Например, когда дополнения находятся выше главных членов предложения [Ковтунова, 1976.]. При этом при изменении порядка следования частей предложения трудность коммуникации исчезает.

После объявления Годов развития села, туризма и народных ремёсел и улучшения деятельности заповедников страны внимание отечественных и

зарубежных туристов, в том числе охотников, к возможностям развития международного туризма в Таджикистане во многом возросло.

ДОЛЖНО БЫТЬ: Улучшение деятельности заповедников расширит возможности развития туризма в стране и привлечёт больше туристов и легальных охотников.

Именно в этот период модель реформирования сектора связана с улучшением доступа к медико-санитарной помощи посредством реструктуризации и интеграции, оптимизацией количества коек и структуры стационарных учреждений, укреплением человеческих ресурсов во всем секторе здравоохранения, улучшением инфраструктуры здравоохранения, а также внедрением новых видов финансирования, передовых методов диагностики и лечения, основанных на научных достижениях, участием населения в решении проблем со здоровьем, реабилитацией больных и инвалидов, организацией паллиативной помощи, развитием информационной базы управления и другими мерами.

ДОЛЖНО БЫТЬ: Реформирование системы здравоохранения сделало медицинскую помощь доступной и позволило внедрить передовые методы лечения за счёт новых видов финансирования.

Для осуществления этой деятельности при поддержке Всемирной организации здравоохранения начал функционировать «Проект реформирования здравоохранения», в рамках которого подготовлен проект документа «Концепция реформы здравоохранения Республики Таджикистан» (мастер-план), определяющий стратегии развития отрасли, направленные на обеспечение равного доступа к услугам здравоохранения, отвечающим запросам и нуждам бедных слоев населения, путем укрепления служб первичной медико-санитарной помощи.

ДОЛЖНО БЫТЬ: Благодаря реформе здравоохранения удалось укрепить первичную медико-санитарную помощь и обеспечить равный доступ населения к медицинским услугам.

В целях усиления нормативной базы для развития информационной системы управления здравоохранением в рамках «Национальной стратегии здравоохранения Республики Таджикистан на 2010-2020 годы», «Стратегического плана развития информационной системы управления здравоохранением в Республике Таджикистан на 2016-2020 годы» современные информационно-коммуникационные технологии, обеспечивающие своевременный доступ к информации и достоверность данных здравоохранения и деятельности медицинских учреждений при поддержке Правительства Республики Таджикистан успешно внедряются.

ДОЛЖНО БЫТЬ: В Таджикистане успешно внедряются современные информационно-коммуникационные технологии.

А вот в с. Береке (бывший совхоз «Память Ильича») большинство линий электропередачи относится к частному сектору, которые возникли в результате хаотичных подключений к старым системам новых домов без учета мощности имеющихся трансформаторов.

ДОЛЖНО БЫТЬ: Большинство ЛЭП новых домов частного сектора хаотично подключены к старым системам без учёта мощности имеющихся трансформаторов.

Причем, особенный порядок частей предложений коррелируется с конкретными типами новостей. Например, с описанием деятельности первых лиц государств.

Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон с целью сдачи в эксплуатацию ряда объектов различного назначения, теплых встреч и бесед с жителями и активистами прибыл в Бальджуванский район Хатлонской области.

ДОЛЖНО БЫТЬ: Эмомали Рахмон прибыл в Бальджуванский район, чтобы встретиться и побеседовать с жителями и активистами, а также принять участие в сдаче в эксплуатацию строительных объектов. В исходном тексте последовательность параметров события, попадающих в фокус восприятия, и их симметричное отражение в вербальных конструкциях (логика изображения факта/события не совпадает с логикой построения грамматической/синтаксической конструкции).

Такой порядок слов в предложении и такой порядок следования частей предложения, когда дополнения находятся выше подлежащего и сказуемого, используется среднеазиатскими носителями русского языка по типу «англоязычной» нормы. И связано это с высокой «насмотренностью», так как английский язык в странах Средней Азии популярен.

Казахские лингвисты, например, допускают такое влияние на русский язык в отечественных СМИ. Эта «норма», а также опыт её использования, определяют последующее языковое поведение неприродных носителей русского языка. Успех внутринациональной коммуникации обусловлен эмпирической основой, когда «на базе своего конечного и случайного языкового опыта [пользователь языка] в состоянии произвести и понять бесконечное число новых предложений». А для природного носителя русского языка воспринимать и понимать такие тексты сложно, так как он находится вне этого языкового опыта. И для него такое языковое поведение сомнительно расценивать как грамматически верное.

В подтверждение этому выводу обратимся к Н. Хомскому, который пишет, что «грамматически правильные» отождествляются с понятиями «осмысленный», «значимый» в каком бы то ни было семантическом смысле. Синтаксический уровень должен соотноситься с лексическим [Хомский, 1962, с.418].

Интуитивно можно «списать» трансформации синтаксических структур на неграмотность авторов. Этому предположению предшествует изучение объема трансформаций в текстах Казахстанских СМИ и сравнение с их (трансформаций) с территориальной представленностью. Предварительно можно сделать вывод о том, что некоторым областям присущи «свои» трансформации русского литературного языка.

Синтаксическая теория словосочетаний С.К. Шаумяна могла бы стать одним из способов объяснить образование синтаксических дериватов и медийномаркированной лексики в русскоязычных текстах азиатских медиа. Следуя логике теории, к головному оператору в слове, словосочетании или предложении по прикладному принципу Закона о словосочетаниях и

Закона ядра присоединяются недостающие смыслы и национальная лексика, которая уже функционирует в речи населения Средней Азии.

Синтаксическое управление трансформируется под влиянием, как мы уже сказали, родного языка и иностранных языков. И этот процесс может быть взаимным.

Коммуникация журналиста и читателя, осуществляемая посредством онлайн-среды, очевидная трансформация русского литературного языка в медиатекстах среднеазиатских СМИ, обусловленная влиянием «непишущей» аудитории, разговорного стиля и грамматик иностранных языков, иллюстрируют тезис о том, что измененное жизненное пространство центральноазиатских народов находит свое отражение в состоянии языка и в медийном перформансе среднеазиатских журналистов.

Как отмечает С.К. Шаумян в «Signs, Mind, and Reality», когда мы развиваем семиотическую лингвистику - семиотическую теорию языка - это не значит, что мы можем основывать нашу теорию семиотики как целостную систему знаний. Это означает только то, что мы можем предположить некоторые общие принципы и законы, которые характеризуют свойства знаков человеческого языка и которые после соответствующих модификаций и обобщения могут служить основанием семиотики как целостной системы знаний [Shaumyan. 2006.]

Главный вопрос, на который необходимо ответить, это актуальное состояние русского литературного языка в медиа-среде стран Средней Азии и его возможное будущее. Русский язык, с одной стороны, переживает трансформацию в центральноазиатской медиа-среде, с другой стороны, он остается посредником в коммуникации медиа и человека, «отвечает» за формирование смыслового поля медийного нарратива в русскоязычной группе и в группе представителей титульной нации. Порождение и функционирование русскоязычных текстов в медийном пространстве стран Средней Азии происходит в границах «других» языковых структур, норм и правил. Поэтому в русском языке неизбежны грамматические трансформации. Включение национальной лексики (в латинской графике или транскрибированные на кириллицу) в грамматические структуры предложений русского языка с высокой вероятностью будет одной из «лёгких» задач адаптации/трансформации русского языка. Вариативность использования коснется согласований по падежам, роду и числу, а также предвидится путаница с категорией одушевленности/неодушевленности. Предсказать варианты трансформации русского литературного языка в условиях производства медиатекстов, опосредованного влияниями других грамматик, возможно. В перспективе усиления политики по развитию русского языка в странах Средней Азии в 2023 году эти трансформации могут меняться дальше.

Трансформации, подобные тем, которые мы наблюдаем в русском языке центральноазиатских медиа и которые проанализированы в примерах выше, можно объяснить «рубежом эпох» М. Бахтина [Бахтин, 1965]

Реальность, сформированная в сознании, находит «выход» в языке. Языки помогают жителям бывших союзных республик «обновить и

переоформить» измененный мир вокруг. М. Бахтин пишет, что «языки – это мировоззрения, притом не отвлеченные, а конкретные, социальные, пронизанные системой оценок, неотделимые от жизненной практики и классовой борьбы».

М. Бахтин отдельно касается особого отношения к языку и к языковому мировоззрению на рубеже эпох: «Происходила напряженная взаимоориентация, взаимодействие, взаимоосвещение языков. Языки прямо и напряженно глядели в лицо друг другу: каждый осознавал себя, свои возможности и свои ограничения в свете другого языка. Эта межа языков ощущалась в отношении каждой вещи, каждого понятия, каждой точки зрения. Ведь два языка – два мировоззрения».

Языки народов стран Средней Азии будут иметь какой-нибудь специфический оттенок. Они расширятся, обогатятся, обновятся и перегруппируются. Язык медиа вберет в себя и вольный «язык площадей», и государственные ограничения, и речевую реакцию аудитории, и структуры иностранных языков.

Но, в конце концов, только через язык «обнаружится» национальное сознание и национальная идентификация и станет возможным «особое созерцание мира». Новый мир, рубеж времен, новые идеологии отчетливо прорастут в языках стран СНГ.

Как мы уже отметили, в условиях, когда в странах Средней Азии вместо одного языка активно функционируют не менее трёх языков (язык титульной нации, русский и английский), русский язык выполняет роль «посредника» в осуществлении взаимодействия языков титульной нации и языков англосаксонской группы [Халина, 2021]. И на русский язык ложится основная «нагрузка» по переосмыслению и «проживанию» измененной реальности.

Говорить о выборе одного языка и восстановления классической чистоты языка (любого на территории стран Средней Азии) не представляется реальным: такие кардинальные шаги неизбежно ограничат его применение и сделают его мертвым, как произошло с латинским языком [Бахтин, 1965].

«Истинным» языком в странах Средней Азии станет такой вариант языка, система которого сможет «принять» современный новый мир Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии, и исчерпывающе или достаточно отразить этот новый мир в сознании и речемышлительной деятельности населения. Язык должен будет стать таким, чтобы ощущалась своя национальность, но не утратилась способность коммуницировать в эпоху глобализации. А активное многоязычие, которое наблюдается в центральноазиатском пространстве сейчас, «сделает пластичным» формально-грамматическую структуру» языка.

Библиографический список

Kalliokoski J. Plurilingual competence, styles and variation// ESUKA – JEFUL – 2-2. – 2011. – pp.87 – 110

Shaumyan S.K. Signs, Mind, and Reality A theory of language as the folk model of the world. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia, 2006

Аманжолова К. Б. Иноязычные вкрапления в русском языке Казахстана (на материале публицистики последнего времени) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – № 3. – 2019. – С. 8–16.

Аманжолова К. Б. Иноязычные вкрапления в русском языке Казахстана (на материале публицистики последнего времени) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – № 3. – 2019. – С. 8–16.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература, 1965.

В Казахстане доля пользователей интернета будет доведена до 88%. // Агентство «Хабар»: [сайт]. - 2020 [Электронный ресурс] - URL: <https://24.kz/ru/news/social/item/392142-v-kazakhstane-dolya-polzovatelej-interneta-uvelichitsya-do-88> (дата обращения: 15.02.2022).

В Таджикистане насчитали 3,18 млн. пользователей Интернета. // Информационное агентство «Авеста»: [сайт]. - 2020. [Электронный ресурс] - URL: <https://avesta.tj/2020/07/13/v-tadzhikistane-naschitali-3-18-mln-polzovatelej-interneta/> (дата обращения: 15.02.2022).

Государственная информационная политика Кыргызстана. // Министерство культуры, информации, спорта и молодежной политики Кыргызской Республики: [сайт]. - 2022. [Электронный ресурс] - URL: <https://minculture.gov.kg/state-information-policy/> (дата обращения: 15.02.2022)

Государственный реестр веб-сайтов, зарегистрированных в качестве средств массовой информации, действующих в Республике Узбекистан. // Портал открытых данных Республики Узбекистан: [сайт]. [Электронный ресурс] - 2022. [Электронный ресурс] - URL: <https://data.egov.uz/rus/data/6163d6d1ec71c8d0843839bf?page=33> (дата обращения: 15.02.2022).

Интернет и соцсети в Центральной Азии: лидеры и аутсайдеры. // Новостное агентство Sputnik Таджикистан: [сайт]. - 2017. [Электронный ресурс] - URL: <https://tj.sputniknews.ru/20170126/internet-socialnaya-set-polzovately-asia-smartfon-1021580090.html>

Исследование СМИ КР. // Институт Медиа Полиси: [сайт]. - 2022. - [Электронный ресурс] - URL: http://media.kg/wp-content/uploads/2013/10/issledovanie_media_rus2.pdf (дата обращения: 15.02.2022)..

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. /М. : Просвещение, 1976.

Ларионова, А.Ю. Динамические языковые процессы: в помощь будущему редактору : учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 200 с.

Лебедева М.М., Боришполец К.П., Иванова Н.А., Чепурина М.А. Центральная Азия: Социально-гуманитарное измерение / М.: Аспект Пресс, 2016. – 224 с.

Маркетинговые исследования в Азии, использование Интернета, статистика населения и подписчики Facebook. // Интернет мировая статистика: [сайт]. – 2021. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.internetworldstats.com/asia.htm> (дата обращения: 15.02.2022)

Назарбаев Н., Через русский язык мы вышли на мировую культуру. / МИА «Казинформ» [Электронный ресурс] – https://www.kazinform.kz/ru/chez-russkiy-yazyk-my-vyshli-na-mirovuyu-kul-turu-elbasy_a3869257.

Обеспеченность населения интернетом и мобильной связью. // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике: [сайт]. – 2022. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/services> (дата обращения: 15.02.2022)

Официальное заявление. // Агентство информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан: [сайт]. – 2020. [Электронный ресурс] – URL: <https://aoka.uz/ru/news/1072> (дата обращения: 15.02.2022).

Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа. / Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 37, № 2. И Полонский А.В. Медийный текст и его статус в современной культуре. / Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. II Международный научный семинар. Сборник научных работ. Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2016

Протасова Е. Ю., Алишариева А.Н., Ибраева Ж.К. Особенности языка русскоязычных СМИ Казахстана. / 2018. [Электронный ресурс] – <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-yazyka-russkoazychnyh-smi-kazahstana>

Самоделькин А.А. Тема-рематическая иерархия текста. / Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 132-138.

СМИ Узбекистана: статистика и инфографика. // Информационно-коммуникационные технологии Узбекистана: [сайт]. – 2021. [Электронный ресурс] – URL: <http://infocom.uz/2015/07/07/smi-uzbekistana-statistika-i-infografika/> (дата обращения: 15.02.2022).

Тютебаева А.М. Современные казахстанские массмедиа: перспективы и развитие. // Научные статьи Казахстана: [сайт]. – 2018. – URL: <https://articlekz.com/article/22263> (дата обращения: 15.02.2022)

Халина Н. Антропология идентичности через призму средовой герменевтики: центральноазиатская идентичность // Terra scimus : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрытых годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021.– С.73-79.

Халина Н. Антропология идентичности через призму средовой герменевтики: центральноазиатская идентичность // Terra scimus : сборник статей по итогам Транснациональной аналитической сессии «Алтай Медиа Форум: Алтайский медиабарометр» (7-8 апреля 2021, Барнаул) в рамках продолжения проведения «Перекрёстных годов России и Киргизии» (7-8 апреля 2021, Барнаул) / под ред. Н.В. Халиной. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021.– С.73-79.

Халина Н.В., Внучкова Т.Н., Пушкарева И.А., Серова Е.В., Бунчук О.М., Хребтова Т.С., Столярова Н.Н., Злобина Ю.И. Коннективистика: Монография/ под общ. ред. Н. В. Халиной. Барнаул, Изд-во АлтГТУ, 2011. - 273 с.

Хомский Н. Синтаксические структуры //Новое в лингвистике . –Вып. II. /Сост.: В.А Звезгинцев. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С.412-527.

Chapter 7.
INTERSEMIOSIS OF CENTRAL ASIAN MEDIA: CREATING
MEANINGS OF MULTI-SEMIOTIC PHENOMENA
by Anna Zhrebneko, Tatiyana Chukanova, Temirlan Borzhikov

Technological progress, the emergence and rapid development of media technologies at the turn of the XX–XXI centuries leads to a significant increase in the role of visual information. Soviet linguist A. A. Reformatsky was one of the first to note the role of visuality in the text at the beginning of the XX century. He noted the influence of "graphic expressiveness" (font, shape, color) on understanding the meaning of the message.

In modern media we can talk about the process of visual construction of cultural identity created by a person in order to develop and preserve the "national spirit". The analysis of the media space showed the obvious presence of the "spirit of the people", including in the visual language. The study of the discourse formed by new media revealed the fixed images of the Central Asian countries in the Russian media.

"Kazakhstan" is most often accompanied by a photo of the national monument "Baiterek". Translated into Russian, the name "Bayterek" means "tall poplar" and is a symbol of freedom, hope and continuity. The philosophical meaning of the monument reflects the views of the ancient nomads.

Mentions of Uzbekistan are accompanied by visual images of Ulugbek madrasah. This is the oldest theological school, built in the first half of the XV century. The wall of the educational institution was accompanied by an excerpt from the Koran, which states that a true Muslim must strive for knowledge. The madrasah becomes a kind of symbol of true knowledge, wisdom and spiritual rebirth.

Informational occasions about Tajikistan are more often accompanied by images of the statue of Somoni in Dushanbe. This is a monument to the founder of the ancient Tajik state Ismoil Somoni. A monument depicting a yurt has become a visual image of Kyrgyzstan in the Russian media. This is the Victory Monument in Frunze, built for the 40th anniversary of the Victory of the Soviet people over Nazi Germany.

News about Turkmenistan is most often accompanied by an image of the Turkmenbashi Rukhy Mosque, named after the first president of Turkmenistan. Literally translated, the name of the mosque sounds like "Turkmenbashi spirituality mosque" or "Turkmenbashi spirit mosque", actually symbolizing the "spirit of the people" and its independence.

The basis of the visual image of the Central Asian countries can be represented in the form of a metaphorical image. The visual metaphor integrates symbols with semantic interpretation denoting freedom, wisdom, unity, humanism and independence. The central figure of the code is a tree as a symbol of life and prosperity. There is a powerful root system at the base of the tree, symbolizing the strength and wisdom of peoples.

Глава 7.

ИНТЕРСЕМИОЗИС ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ МЕДИА: СОЗДАНИЕ СМЫСЛОВ МЕДИАКОММУНИКАЦИОННЫХ ФЕНОМЕНОВ

А.В. Жеребненко, Т.В. Чуканова, Т.С. Боржиков

Смыслопорождающие процессы, характеризующие семантику современных медиа определяются взаимодействием различных семиотических систем, или интерсемиозисом. Интерсемиотический перевод – перевод значений и смыслов из одной знаковой системы в другую – Р. Якобсон рассматривал в качестве интерпретации вербальных знаков посредством знаков невербальной системы» («intersemiotic translation is an interpretation of verbal signs by means of signs of nonverbal sign systems») [Jakobson, 2013, с. 139]. Согласно Холлидею [Halliday, 2004], язык может быть смоделирован как наборы взаимосвязанных систем в форме системных сетей, которые метафункционально организованы в соответствии с таксономиями с иерархическими рангами (слово, группы слов, предложения, комплексы предложений и абзацы и текст).

Основополагающим принципом коммуникации признается мультимодальность как особая коммуникативная техника, способствующая достижению взаимопонимания участников коммуникации [Stöckl, 2009, с. 203-226] «Принципиальная мультимодальная природа коммуникации и интеракционального взаимодействия рассматривается сегодня как один из ключевых объяснительных подходов в социальной семиотике, лингвистике, лингвистической антропологии, дискурсивном анализе» [Горшкова, Чернявская, 2021 с. 691]

В дискурсологии оформляется самостоятельное направление исследования языка в сочетании с другими ресурсами (изображение, научная символика, жест, действие, музыка, звук), объединяющимися для создания смысла "мультимодальных" (или "мультисемиотических") явлений (например, печатные материалы, видео, веб-сайты, трехмерные объекты и повседневные события) [Fitriane, Rothkrantz, 2006]. Язык и интегрирующиеся с ним ресурсы именуется по-разному: «семиотические ресурсы», «модусы» и «модальности».

Семиотические ресурсы толкуются нами в соответствии с их пониманием М. А.К. Халлидеем [Ballard, Halliday, 1980] как система значений, которые составляют «реальность» культуры. Разработка теорий и определение структур для семиотических ресурсов, отличных от языка, моделирование социальных семиотических процессов, в частности, интерсемиозиса, интерпретация комплексного семантического пространства, которое возникает, оформляется между мультимодальными явлениями и внутри их входит в задачи мультимодального анализа [Jewitt, 2012]. В качестве центральной области мультимодальных исследований [Jewitt, 2012] определяется исследование интермодальных, или

межсемиотических отношений, которые возникают в результате взаимодействия семиотических выборов, дифференцируемых как интерсемиозис. Развитие социальных практик сопровождается изменением принципов разработки, производства и распределения мультимодальных ресурсов в социальных условиях.

Семиотические выборы при проектировании современных коммуникативных отношений зависят, прежде всего, от визуальной грамотности, конструирования и интерпретации значения, и визуально-лингвистического знания.

Нейл Кон выделяет три модальности, или способа выражения, концепций, при теоретическом расширении каждая из которых преобразуется в концепцию, управляемую правилами, которые ограничивают выходные данные, т.е. грамматику [Cohn, 2012, с. 92-99]. Ограничения, накладываемые на форму, превращают ее в тип языка. Что касается концепций, то, согласно позиции Н. Кона, можно говорить о трех типах их презентации: создание звуков, перемещение тел и создание графических представлений. Результатом расширения модальностей и концепций или представляемыми становится то, что структурированные последовательности звуков становятся разговорными языками мира, структурированные последовательности движения тела становятся языками жестов, а структурированные последовательности изображения буквально становятся визуальными языками.

Визуальный язык эффективно используется в процессе приобретения навыков графического представления систем связей, соотносимых со структурами, отвечающими за встраивание этих представлений в последовательности. Таким образом, категория «визуального языка», по мнению Н. Кона, заполняет пробел в категоризации при описании когнитивной системы, работающей в графическом выражении. Подобно разговорному языку, не имеющего универсального проявления, визуальный язык варьируется в зависимости от культуры.

Н. Кон считает возможным говорить о визуальной лингвистике, разделы которой сопоставимы с разделами лингвистики естественного языка. Области изучения и, соответственно, разделы визуальной лингвистики могут выделяться по аналогии с основными разделами лингвистики, которые рассматривают подобные вопросы: графемика, фотология (визуально-графические аналоги фонетики и фонологии), морфология, семантика, грамматика, а также мультимодальность и усвоение. «В некоторых случаях соответствия должны протекать естественным образом (семантика может применять то же самое к аспектам значения независимо от модальности), в то время как в других жесткая аналогия совершенно неуместна (графическая форма, вероятно, не имеет “фонологии”, но имеет “фотологию” со своими собственными свойствами, подходящими для визуальной графики модальностями)» [Cohn, 2005, с. 7].

Н. Кон описывает способы взаимодействия вербальной и визуальной модальностей, уделяя особое внимание тому, как текст и изображение могут объединяться, образуя единичные единицы выражения, исследуя вклад

когнитивных структур в мультимодальные выражения всех типов. Следовательно, изучение мультимодальности должно быть направлено и на то, как когнитивные структуры способствуют таким взаимодействиям: выяснение того, имеют ли модальности общую концептуальную структуру, существуют ли ограничения на то, насколько каждая модальность вносит вклад в общее значение; определение архитектуры грамматической модели, которая может одновременно распределять семантику по различным модальностям.

Н.Кон [Cohn, 2005, с. 57] вводит понятие визуальных синтаксических структур и рассуждает о генеративной грамматике визуального языка, которая представляет аналог языковедческой концепции Наома Хомского «генеративная грамматика», базовой единицей которой являются поверхностные и глубинные структуры. Существо работы Н. Хомского можно, как полагает Н.Кон, свести к следующему: в основе “поверхностной структуры” языковых высказываний лежат молчаливые “порождающие” принципы психических состояний, которые иллюстрируют лингвистическую компетентность носителя языка. Исследуя правила, определяющие внешние последовательности языка, определяемые его синтаксисом, Н. Хомский соединил лингвистическое исследование с обнаружением скрытых психических процессов, лежащих в основе реального поведения, тем самым осуществив «когнитивную революцию» в исследовании разума человека. В основе исследования лингвистической теории визуального языка Н. Кона синтаксис – комбинаторные особенности языка, которые определяют, какие элементы могут или не могут должным образом работать как согласованное последовательное произведение.

Нидерландские исследователи Сиска Фитриани и Леон Роткранц [Fitriani, Rothkrantz, 2006, с. 573-577] обращают внимание на то, что визуальный язык, в отличие от конструкции предложения в разговорном языке с линейным порядком слов, имеет одновременную структуру с параллельной временной и пространственной конфигурацией. Исследователи предлагают двумерную конструкцию строки или предложения из визуальных выражений, то есть схему или модель пространственного расположения символов, которые представляют понятия. Предлагаемый подход отражает взаимодействие между прагматическими и синтаксическими описаниями в двумерном предложении, а также логические взаимодействия между множеством возможных значений, генерируемых предложением.

Визуальный язык использует набор пространственных расположений визуальных символов с семантической интерпретацией, которая используется при осуществлении коммуникации [Chang, 1994, с. 683–686.]. Как замечают С. Фитриани и Л.Роткранц, визуальный язык базируется на словаре визуальных символов, где каждый символ представляет одно или несколько значений, которые создаются в соответствии с метафорами, подходящими для контекста данного типа языков. Структура предложения визуального языка отличается от структуры предложения в разговорном языке [Lester, 2006]. Визуальные символы не имеют значения вне контекста

их функционирования. Визуальный символ может быть интерпретирован по его воспринимаемой форме (синтаксис), по связи между его формой и тем, что он означает (семантика), и по его использованию (прагматика) [Chandler, 2007]. С. Фитриани и Л.Роткранц решают проблему неоднозначности значения связи, которая устанавливается между визуальными символами и словами, создав вербальный контекст, который может связать как визуальные, так и вербальные мысли вместе, чтобы сформировать символ, который можно запомнить и вызвать. Онтология используется для представления контекста, который связывает вербальные и визуальные символы вместе.

В книге Хелен Ллойд преподавателя галереи Веллингтона, автора первой новозеландской книги по искусству, преподавшей в школах, музеях и галереях Великобритании, России и Новой Зеландии, в том числе в Те Рапа, визуальный язык определяется как язык образов. Формы, цвета, формы, линии, узоры, объекты, люди - это элементов в изображениях, расположенных в некоторых последовательностях и конфигурациях для создания определенного визуального эффекта или передачи определенных мыслей, идей, чувств, значений и сообщений. Сентенция 'одна картинка стоит тысячи слов' отражает суть визуального языка. Х. Ллойд считает, что визуальный язык - особая форма общения, отличная от устной и письменной речи, но такая же мощная как описательная и эмоциональная. Визуальное сообщение может быть переведено на устный или письменный язык, но, как и при любом переводе с одного языка на другой, существуют ограничения: не все увиденное может быть легко или эффективно произнесено или написано [Lloyd, 2015, с. 60]. Сложная организация визуального языка (см. рис. 1) предполагает развитие умений и навыков визуального восприятия и интерпретации визуальных образов, которые являются составляющими визуальной грамотности.

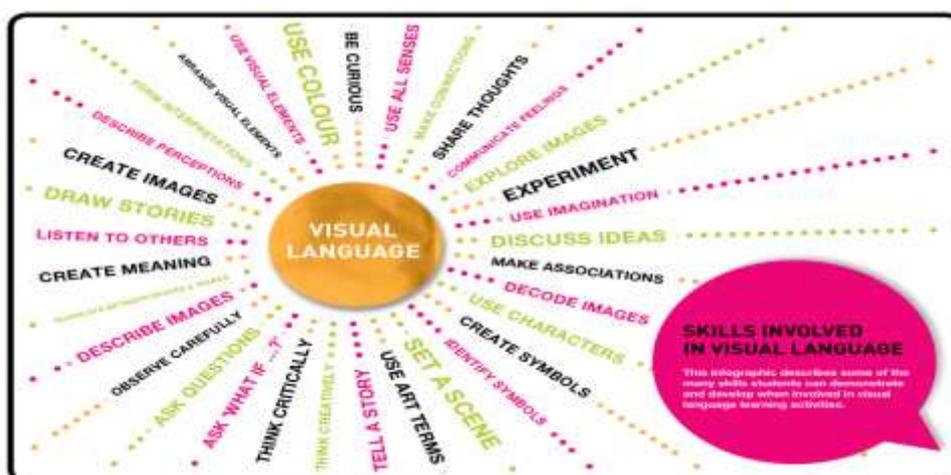

Рис. 1. Перфоманс визуального языка, определяющий системные умения необходимые для обретения визуальной грамотности. *Источник: Lloyd, 2015*

Визуальная грамотность - это то, что видно глазом, и то, что "видно" умом. Визуально грамотный человек должен уметь читать и писать визуальным языком, что включает в себя способность успешно декодировать и интерпретировать визуальные сообщения, а также кодировать и составлять значимые визуальные сообщения [Bamford, 2003]. Визуальная грамотность включает в себя развитие набора навыков, необходимых для того, чтобы иметь возможность интерпретировать содержание визуальных образов, изучать социальное воздействие этих изображений и обсуждать цель, аудиторию и принадлежность, включая способность к внутренней визуализации, визуальному общению, а также чтению и интерпретации визуальных образов. Визуальная грамотность включает в себя группу навыков, которые позволяют человеку "понимать и использовать визуальные эффекты для преднамеренного общения с другими" [Ausburn, 1978, с. 291]. Термин "визуальная грамотность" впервые был использован писателем Джоном Дебесом в 1968 году [Debes, 1968, с. 961-964]. П. Мессарис [Messaris, 1995] определяет визуальную грамотность как приобретение знаний и опыта о работе визуальных средств массовой информации в сочетании с повышенным осознанием этих механизмов.

Теоретики визуальных исследований предлагают изучение носителей образов как медиа. «Воздействие технологии на визуальный опыт происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции или образцы восприятия, меняет человека последовательно, незаметно и без сопротивления с его стороны» [Макклоэн, 2007, С. 22]. Как отмечает В. В. Савчук: «Образы подменяют реальность, что в свою очередь рождает феномен симуляции реальности. Образы переходят в нас, мы начинаем видеть образами, симулируя; они заменяют непосредственный опыт» [Савчук, 2010, с. 134-135]. Современная медиареальность «демонстрирует безграничную трансгрессию визуального» [Инишев, 2011 с. 204]. Визуальность подменяет реальную повседневность, а производимый образами смысл, по мнению Дж. Александера, «разъясняет, как мы ощущаем часть нашего социального и физического окружения, как мы вырабатываем чувство места, класса, национальности, нашей профессии и даже нашей самости» [Alexander, 2008, с. 16].

Отражение самости этнической культуры в символических формах в своих исследованиях отмечал Вильгельм фон Гумбольдт. Он применил понятие внутренней формы к языку, связав внешнюю форму языка с ментальными процессами. «Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникает друг в друга, что, коль скоро существует одно, другое можно вывести из него. Умственная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих» [Звегинцев, 1984, с. 360] Гумбольдт определяет язык как «народный дух», через который происходит процесс познания культуры. «Постоянное и разнообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка» [Гумбольдт, 1984, с. 71].

Технологический прогресс, появление и стремительное развитие медиатехнологий на рубеже XX–XXI вв. приводит к существенному возрастанию роли визуальной информации. Визуальность начинает играть более значимую роль и постепенно становится ведущим инструментом в процессе современного конструирования медиареальности. Социум становится главным участником процесса гибридизации индивидуального участия аудитории в восприятии, созидании, моделировании визуальной информации, превращении ее в неотъемлемую часть работы, досуга, повседневного частного общения и бытовых операций [Сальникова, 2012]. Постепенно визуальность становится «формообразующим принципом всей современной культуры, основой которой является поток экранных изображений, вмещающих в себя наряду с прочим устную речь, анимацию, письменные тексты» [Халина, Комиссарова, Внучкова, 2018, с. 189]. Это приводит к трансформации научной парадигмы лингвистического знания. Исследователи начинают рассматривать не только строго лингвистический аспект функционирования текста, но и «случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)» [Эйгер, Юхт, 1974, с. 103–110].

Одним из первых роль визуальности в тексте отметил в начале XX в. отметил советский лингвист А. А. Реформатский. Он отмечал влияние «графической выразительности» (шрифта, формы, цвета) на понимание значения сообщения [Реформатский, Коушанский, 1933].

Сегодня можно говорить о наступлении так называемого «визуального» («иконического») поворота – эпохи новой образности, где обилие информации, знаков и символов выводит на первый план элементы визуализации. Визуальный код «отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Зенкова, 2005].

Визуальное выступает не просто медиумом информации и массовой культуры, а открывает иные слои восприятия. Роль визуальной модели в конструировании реальности попытался определить У. Митчелл. Он ввел термин «pictorial turn» (пикториальный поворот) определяя новую эпоху как период «уникальной или беспрецедентной одержимости видимой и визуальной репрезентации» [Mitchell, 2002, с. 171]. Pictorial turn автор связывает с теорией знаков Ч. Пирса и теории символов Н. Гудмана, подчеркивая, что все «соглашения и коды, лежащие в основе нелингвистических символических систем, не начинаются с принятия языка, как парадигмы для мышления». Митчелл отмечает необходимость осмысления роли изображения в системе коммуникации. По мнению автора, необходимо признать невозможность исчерпывающего осмысления специфики визуального с помощью лингвистических и семиотических методов. Поэтому пикториальный поворот должен быть связан с «постлингвистическим, постсемиотическим переоткрыванием изображения» [Mitchell, 1995, с. 109.]. Вуайеризм (зрение, взгляд, практики наблюдения, надзора и визуального удовольствия) может выступать

различными формами чтения (расшифровки, декодирования, интерпретации), а визуальный опыт или визуальная грамотность не может быть полностью объяснима в текстуальной модели [Визуальный поворот как симптом изменений в культуре].

В свою очередь Г. Беме задавался вопросом герменевтики образа, определяя «визуальный поворот» как «iconic turn» (иконический поворот). Иконический поворот, как утверждает автор, зафиксировал отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному. В этой связи центральным вопросом исследования стало определение связи образа с его материальным носителем в качестве потенциального ресурса познания [Boehm, 2009, с. 104-107]. Данную связь немецкий философ Ф. Фелльман предложил трактовать как структурное единство внутреннего и внешнего компонента образа в системе человеческого сознания. Внутренний образ, по его мнению, стал самостоятельной символической формой, которая находит свою реализацию только во внешнем, материальном образе. Говоря о визуальном повороте, Фелльман имеет в виду специфическую семиотическую теорию, которая понимает образ, как особенный тип знаков – визуальное представление сознания и самосознания [Fellmann, 1995, с. 31-38].

Современный исследователь И.Инишев строит онтологию визуального образа на основе трех компонентов: *tabula*, *pictura* и *imago*. «*Tabula* – это образ как физическая вещь, как часть внеобразного «внешнего» мира» [Инишев, 2012 с. 197]. Это может быть фотография, фильм. По мнению автора, участия этого компонента в формировании смысла минимально, смысл рождается только в условиях дискурса. «Лишь ориентируясь на него, мы сможем составить себе представление о широте спектра тех трансформаций, которые материя претерпевает в контексте «производства» и «потребления» образов» [Инишев, 2012, с. 198]. Компонент «*pictura*» автор определяет в качестве «изобразительной плоскости». В плоскости иконические элементы формируют определенную индивидуальную систему, создающую образ. Выстраиваются так называемые «грамматические отношения». «*Imago* – это как раз то в самом широком смысле предметное, которое обнаруживается в специфической материальной среде иконической плоскости; это – образ в узком и строгом смысле» [Инишев, 2012, с. 198]. На этом уровне вещь уже не сама по себе, а то, что обнаруживается в материальной среде, несущей образ, причем материальность как таковая перестает быть очевидной. «В процессе исполнения иконического восприятия материальные элементы образа перетекают в образную плоскость, складываясь в новый тип отношений и новый тип материальности. Они перестают быть лишь частями трехмерного физического пространства и становятся элементами автономной иконической среды [Инишев, 2012, с. 202].

В современных медиареалиях мы можем говорить о процессе визуального конструирования культурной идентичности, создаваемой человеком с целью выработки и сохранения «народного духа».

Примером может служить концепция «шанхайского духа» – идеологема альянса стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Основу понятия 上海精神 «шанхайский дух» составляют 20 иероглифов, которые закрепляют принципы «взаимного доверия, взаимной выгоды, равенства, уважения к многообразию культур и стремление к совместному развитию» [Хартия Шанхайской организации сотрудничества, 2002]. В результате формируется визуальный образ «шанхайского духа» – иероглиф «Ци» [Халина, Валюлина, 2020, с. 124-125].

Рис. 2. Иероглиф, обозначающий Ци

Анализ медиaprостранства показал очевидное присутствие «духа народа», в том числе в визуальном языке. Исследование формируемого новыми медиа дискурса выявило закрепившие образы стран Центральной Азии в российских СМИ. Так, например, информационные поводы с тэгом «Казахстан» чаще всего сопровождаются фотографией национального монумента «Байтерек». В переводе на русский язык название «Байтерек» означает «высокий тополь» и является символом свободы, надежды и преемственности. Философский смысл монумента отражает воззрения древних кочевников. Река Ишим – образ «мировой реки», на берегу которой произрастает «дерево жизни», которое представляет собой модель Вселенной, где подземному миру соответствуют корни монумента, земному миру – ствол, а небесному – крона. Верх конструкции венчает золотое яйцо, которое ежегодно зарождает птица счастья Самрук. Высота «дерева жизни» тоже символична, она ознаменовывает перенос столицы из Алма-Аты в Нур-Султан в 1997 году.

Рис. 3. Национальный монумент «Байтерек» в Казахстане

Упоминания Узбекистана сопровождаются визуальными изображениями медресе Улугбека. Это старейшее духовное училище, построенное в первой половине XV в. Стена учебного заведения была сопровождается выдержкой из Корана, где говорится, что истинный мусульманин обязан стремиться к знаниям. Медресе становится своего рода символом истинного знания, мудрости и духовного возрождения.

Рис. 4. Медресе Улугбека в Узбекистане

Информационные поводы о Таджикистане чаще сопровождаются изображениями статуи Сомони в Душанбе. Это памятник основателю древнего таджикского государства Исмоилу Сомони. У подножия статуи величаво восседают львы, символизирующие стабильность государства. Сам Сомони держит в руке скипетр (символ единства нации), верх которого укрывает солнечный диск – символ добра, жизненных сил, мира и света. Над солнечным кругом изображено семь звезд, которые уместно трактовать как заповеди человеческого общения. Оберегает скульптуру лидера арка – традиционный символ восточного государства, обозначающий небесный свод, новое рождение и соприкосновение с божеством. Таким образом, памятник Сомони является символом продолжения развития, единства, роста и могущества таджикской государственности.

Рис. 5. Статуя Сомони в Таджикистане

Визуальным образом Киргизии в российских медиа стал монумент, изображающий юрту. Это памятник Победы во Фрунзе, сооруженный к 40-летию Победы советского народа над фашистской Германией. Основная идея памятника – возвращение сыновей-победителей к Родине-Матери. «Статуя Матери, ожидающая солдат-победителей, стоит во главе площади. Сквозь металлический венец, как и через отверстие в куполе юрты (тундук), на нее идет поток света и видно синее небо Родины. Мать, жилище, очаг – все это здесь символы жизни и родины. Таким образом центральной фигурой вместе с удачно найденными архитектурными формами создается образ, воплощающий и общечеловеческую идею гуманизма и реальность Киргизии с ее неповторимыми жизненными красками и духовными традициями» [Скульптурно-архитектурный комплекс памятника Победы].

Рис. 6. Памятник Победы в Киргизии

Новости о Туркменистане чаще всего сопровождаются изображением мечети Туркменбаши Рухы, названная в честь первого президента Туркмении. В дословном переводе название мечети звучит как «мечеть духовности Туркменбаши» или «мечеть духа Туркменбаши», фактически символизируя «дух народа» и его независимость.

Рис. 7. Мечеть Туркменбаши Рухы в Туркменистане

Таким образом, основу визуального образа стран Центральной Азии можно представить в виде метафоричного образа (рис. 8). Визуальная метафора интегрирует символы с семантической интерпретацией, обозначающей свободу, мудрость, единство, гуманизм и независимость. Центральной фигурой кода выступает дерево в качестве символа жизни и процветания. В основании дерева мощная корневая система, символизирующая силу и мудрость народов. Дерево оберегает купол как знак единства, который раскрывается под лучами солнца. Возвышающееся солнце означает мир, благостный свет которого озаряет страны Центральной Азии. Синий и белый цвета изображения подчеркивают благородство и свободу народов.

Из этого следует, что интеграция медийных символов каждой страны позволяет представить визуальный образ стран Центральной Азии – «Центрально-азиатский дух народа», который возможно использовать в визуальной коммуникации.

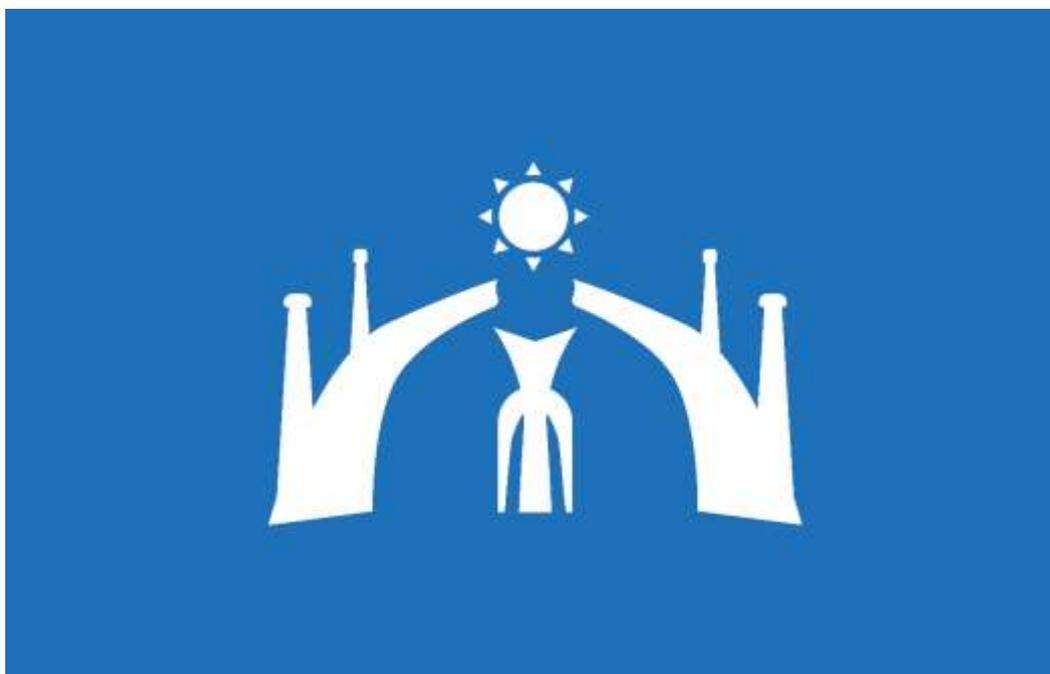

Рис. 8. Визуальный образ, обозначающий «Центральноазиатский дух».

Пространственно-территориальное представление о семантической и географической насыщенности феномена «центральноазиатский дух», его «внутренней» форме сформировано в работах Вильгельма фон Гумбольдта, в частности, в исследовании «Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии» (см. Карта ЦА, составленная В. фон Гумбольдтом, с. 180):

«Уже давно западные народы съ понятіемъ о Цетральной Азіи соединяють два существенно различныхъ порядка идей. Предмет одного – рельефъ в конфигураціи поверхности, другой ксается исторіи первоначального развитія челоѵбческой цивилизаціи. Огромное

плоскогорье, представляющееся взорамъ, поднимаются ли изъ священной долины Ганга къ Тибету, или переходятъ изъ знойныхъ равнинъ Ферганы, земледѣльческія культуры и удивительное плодородіе которыхъ были прославлены султаномъ Баберомъ, черезъ холодный Памиръ къ Кашгару и той великой ~~Рыль~~ *Рыль* *песку* (I), которая простирается отъ городовъ Хотана и Керіи до Лобъ-Нора и оазиса Хами. Такъ какъ эти пески продолжаются къ С.-В. и переходятъ въ каменистую пустыню (Гоби) , раздѣляющую, на караванномъ пути изъ Иркутска въ Пекинъ, озеро Байкаль отъ сѣверной стѣны Небесной Имперіи, немного далѣе перевала Хингана, то обычно допускали, что между 33° и 50° широты существуетъ *непрерывное* плоскогорье, близкое по высотѣ къ плато Пастось, Кито и Титикака между различными < ...>Предположеніе объ единомъ и необозримомъ плоскогорьѣ, выполняющемъ всю Центральную Азію, возникло во второй половине восемнадцатаго столѣтія. Оно явилось результатомъ остроумныхъ комбинацій, поводомъ къ которымъ послужило болеѣ внимательное изученіе удивительнаго венеціанскаго путешественника (Марко Поло) и наивныя донесенія тѣхъ монаховъ-дипломатовъ, которые въ тринадцатомъ четырнадцатомъ столѣтіяхъ, благодаря единству и обширности Монгольской имперіи, прошли почти черезъ всю внутренность материка отъ гаваней Сиріи и Каспійскаго моря до восточныхъ береговъ Китая, омываемыхъ Великимъ океаномъ» [Гумбольдт, 1915, с.32-33].

Библиографический список

Визуальный поворот как симптом изменений в культуре [Электронный ресурс] - URL.:<https://psihdocs.ru/vizualenie-issledovaniya-sovremennoj-kuleturni-fenomenologiches.html?page=14>

Горшкова Н. Э., Чернявская В. Е. Коммуникативные исследования // Коммуникативные исследования Учредители: Омский государственный университет им. ФМ Достоевского. - 2021. - Т. 8. - №. 4. - С. 689-700.

Гумбольдт А. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии/ А. ф. Гумбольдт ; перевод с французского П. И. Бородзича ; под редакцией проф. Д. Н. Анучина. Т. 1 / вступительные статьи Д. Н. Анучина и В. А. Обручева. - 1915. Москва: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1915. - 618 с.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984., с. 71

Звегинцев В. А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта //Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. - 1984. - С. 356-363.

Зенкова А. Ю. 2005: Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2004/9.pdf>.

Инишев И. " Иконический поворот" в науках о культуре и обществе //Философско-литературный журнал «Логос». - 2012. - №. 1 (85). - С. 184-211.

Инишев И. Н. " Иконический поворот" в теориях культуры и общества //NovaInfo. Ru. - 2011. - №. 5. - С. 204-207.

Макклоэн М. Понимание Media. М.: Кучково поле, 2007. С. 464.

Реутов А. С. Визуальные исследования современной культуры: феноменологический аспект //Нижний Новгород. - 2018.

Реформатский А. А., Коушанский М. М. Техническая редакция книги. Теория и методика работы / под ред. Д. Л. Вейса. М.: Гос. изд-во легкой промышленности, 1933. 414 с.

Савчук В. В. Иконологический поворот / В. В. Савчук // Философские науки. - 2010. - № 5., 134-135

Сальникова Е. В. Феномен визуальности и эволюция визуальной культуры. - 2012.

Скульптурно-архитектурный комплекс памятника Победы [Электронный ресурс] - URL: <https://www.open.kg/about-kyrgyzstan/art/sculpture/31621-trehchastnaya-skulpturnaya-kompoziciya-pamyatnika.html>

Халина Н. В., Валюлина Е. В. Культура и политический дискурс" ШОС": семантический комментарий к идеологеме" сотрудничество" и философеме" Шанхайский дух" //Культура и текст. - 2020. - №. 3 (42). - С. 194-204.

Халина Н. В., Комиссарова Л. М., Внучкова Т. Н. Терминологическое сопровождение" визуального поворота" в современной культуре познания //Филология и человек. – 2018. – №. 3. – С. 185-195.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] - URL. :<http://www.kremlin.ru/supplement/3450>

Эйгер Г. В., Юхт В. Л. 1974: К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореца. Ч. I. М., 103–110

Alexander J. C. Iconic experience in art and life: Surface/depth beginning with Giacometti's Standing Woman //Theory, culture & society. – 2008. – Т. 25. – №. 5. – С. 1-19.

Archer A. A multimodal approach to academic 'literacies': Problematising the visual/verbal divide //Language and Education. – 2006. – Т. 20. – №. 6. – С. 449-462.

Ausburn L. J., Ausburn F. B. Visual literacy: Background, theory and practice //Programmed Learning and Educational Technology. – 1978. – Т. 15. – №. 4. – С. 291-297.

Ballard W. L. MAK Halliday, Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. London: Edward Arnold, 1978. Pp. 256 //Language in Society. – 1980. – Т. 9. – №. 1. – С. 84-89.

Bamford A. The Visual Literacy White Paper. Commissioned by Adobe Systems Pty Ltd, Australia //Journal of Visual/Verbal Languaging. – 2003. – Т. 2. – С. 37-43.

Boehm G., Mitchell W.J.T. Pictorial versus Iconic Turn: Two Letters // Culture, Theory and Critique. 2009. Vol. 50 (2-3). Pp. 103-121

Chandler D. Semiotics: the basics. – Routledge, 2007.

Chang S. K. et al. A methodology and interactive environment for iconic language design //International journal of human-computer studies. – 1994. – Т. 41. – №. 5. – С. 683-716.

Cohn N. Comics, linguistics, and visual language: The past and future of a field //Linguistics and the Study of Comics. – Palgrave Macmillan, London, 2012. – С. 92-118.

Cohn N. Visual Syntactic Structures //Towards a Generative Grammar of Visual Language. – 2003.

Debes J. Some foundations for visual literacy //Audiovisual instruction. – 1968. – Т. 13. – №. 9. – С. 961-964.

Fellmann, F. Innere Bilder im Licht des Imagic turn / F. Fellman // Bilder im Geiste. – Amsterdam: Atlanta. – 1995. – S. 21 – 38.

Fitriani S., Rothkrantz L. J. M. Two-dimensional visual language grammar //International Conference on Text, Speech and Dialogue. – Springer, Berlin, Heidelberg, 2006. – С. 573-580.

Halliday, M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. (3rd ed, revised by C. M. I. M Matthiessen). London: Arnold, 2004.

Jakobson R. On linguistic aspects of translation //On translation. – Harvard University Press, 2013. – С. 232-239.

- Jewitt C. *Technology, literacy, learning: A multimodal approach*. - Routledge, 2012.
- Lester P. M. *Visual communication: Images with messages*. - Cengage Learning, 2006.
- Lloyd H. *Visual Language: an education resource for primary and intermediate teachers* //New Zeland: Picture me a story. - 2015.
- Messaris P. *Visual Literacy and Visual Culture*. - 1995.
- Mitchell W. J. T. *Showing seeing: a critique of visual culture* // Journal of visual culture. 2002. Vol. 1.№ 2. P. 165-181
- Mitchell W.J.T. *Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation*. - The University of Chicago Press, 1994. - P. 109.
- O'Halloran K. L. *Multimodal discourse analysis* //Continuum companion to discourse analysis. - 2011. - T. 120137.
- Stöckl H. *The language-image-text-Theoretical and analytical inroads into semiotic complexity* //AAA: Arbeiten Aus Anglistik Und Amerikanistik. - 2009. - T. 34. - №. 2. - C. 203-226.

Chapter 8.
THE PROBLEM OF ISOMORPHISM OF COMMUNICATION AND
COMMUNICATIVE SPACES OF MEDIA PLATFORMS OF THE ALTAI
TERRITORY

by Lyudmila Komissarova, Kseniya Yanchevskaya, Anastasiya Loginovskaya

In the modern media space, we see how interpersonal communication is integrated into mass communication. Comments on media sites, in groups, chats, social networks represent a multi-level space of transition from one type of communication to another.

The study of the media space of comments involves identifying patterns of functioning of the space of transition of mass into interpersonal communication, building a semiotic model of interaction between spaces of interpersonal and mass communication, developing communicative strategies and tactics of discourse in this type of media space for both the media and commentators, identifying criteria for the quality of comments and qualitative media reaction.

The object of analysis of this study is a space consisting of news published on regional media platforms – the Altai Territory, and comments on it. The analysis consists of three stages: 1. Analysis of the text and its denotative semantics, identification of elements of the reference situation, construction of a scheme of macroproposition with a predicate-actant structure.

2. Analysis of the interpretation of the reference situation in the comments: 1) expansion and addition of the macro-position of the news text (with a preliminary cut-off of modal-evaluative comments from denotative ones), 2) compliance with the rules of the referent of the interpretation of the news in the comments.

3. Analysis of media platform publications in terms of the coincidence of the information agenda with the social experience of commentators.

The analysis of the media platforms "Amik" and "Bankfax", the community "Barnaul 22" for December 1-14, 2021 showed a low degree of communicative activity (less than 5% has more than 50 comments).

Media platforms differ in the form of organization and the rules of commenting. Approximately half of the comments contain extensions of the denotative semantics of the text, while the second half reflects exclusively the emotional and evaluative reaction of the audience to the text of the news.

The analysis of comments showed a relatively high communicative culture of commentators: from the point of view of the rules of transport of the referent, only 10 to 20% changed focus.

The number of comments, their quality, namely, the allocation of new semantic links means the audience's request to reflect these potential topics in the media agenda. Whether the development of topics of interest appears in the media or not indicates the degree of isomorphism of the communication and communicative spaces, which ultimately allows us to talk about the identity and integrity of the regional media space.

Глава 8.

ИЗОМОРФНОСТЬ КОММУНИКАЦИОННОГО И КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВ МЕДИАПЛОЩАДОК АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Л.М. Комиссарова, А.В. Логиновская, К.А. Янчевская

Проблема взаимосвязи между массовым сознанием, массовой коммуникацией и межличностной коммуникацией исследовалась достаточно подробно [Амзин и др., 2016; Битков, 2012; Варганова, 2018; Васильева, 2010; Земская и др., 2010; Мультимедийная журналистика, 2017; Новикова, 2017; Савельева, 2020; Топчий, 2020].

СМИ являются классическим социальным институтом, в рамках которого функционирует массовая коммуникация, эту функцию в последнее двадцатилетие взяли на себя и социальные медиа, превратившиеся из средств межличностной коммуникации в массовые.

В XX веке традиционным являлось также противопоставление СМИ и аудитории; концепции выстраивались в соответствии с хронологическим принципом: выделяются концепции неограниченного влияния СМИ на аудиторию (1920–1930-е годы), концепции опосредованного влияния СМИ на аудиторию (1940–1950-е годы), концепции взаимного влияния СМИ и аудитории (1960–1970-е годы) [Питерова, 2015, с. 5].

В современном медиaprостранстве, на различных площадках и каналах мы видим, как межличностная коммуникация интегрируется в коммуникацию массовую. В настоящее время есть основания утверждать, что пространство этих двух традиционно разделяемых видов коммуникации представляют собой сложное единство. Комментарии на сайтах СМИ, комментарии и обсуждения в группах, мессенджерах, чатах, каналах, в социальных сетях представляют собой многоуровневое пространство перехода из одного типа коммуникации в другой. Эти процессы инициируются в комментариях новостей интернет-СМИ, пабликах в социальных медиа, и наоборот, темы, которые развиваются в комментариях, служат маркерами общественного мнения, их анализ и отклик-реакция в форме последующих публикаций представляет собой одну из самых важных функций медиа.

Медиaprостранство комментариев на площадках региональных интернет-СМИ представляет собой поле активного наблюдения специалистов по медиа, а его изучение предполагает несколько целей: выявление закономерностей функционирования пространства перехода массовой в межличностную коммуникацию, построение семиотической модели взаимодействия пространств межличностной и массовой коммуникации, разработка коммуникативных стратегий и тактик дискурса в таком типе медиaprостранства как для СМИ, так и для комментаторов, выявление критериев качества комментариев и качественной реакции СМИ,

что в итоге означает выявление одного из важнейших механизмов формирования медиакультуры современного – информационного общества.

Таким образом, объектом наблюдения и анализа настоящего исследования является пространство, состоящее из новостей, опубликованных на региональных медиаплощадках – Алтайского края, и комментариев к ней. Предметному анализу подвергаются процессы соотнесения основной мысли новостной публикации и вариантов коммуникативной реакции комментаторов – **референции** как важнейшего коммуникативного механизма, регулирующего процессы восприятия и интерпретации. Кроме того, в рамки задач данного исследования попадает следующий шаг взаимодействия между СМИ и аудиторией, а именно, те темы в комментариях, которые получили развитие в дальнейших публикациях.

Предположением, подвергающимся лингвистической рефлексии, является мысль о том, что между повесткой медиа как средством массовой информации и «повесткой» обратной связи, которую можно наблюдать в чатах, форумах, комментариях (межличностной) должны существовать отношения **изоморфности** – подобия. СМИ в этом случае выступают в двух ролях: с одной стороны, они являются субъектами коммуникационного пространства, с другой стороны, открывая комментарии на своих площадках, они являются инициаторами коммуникативного процесса.

Научный контекст изучения взаимодействия коммуникационного и коммуникативного пространств

При рассмотрении медиа как пространства можно обнаружить, что понятие является сложным; значение, которое ему придается, зависит от научного дискурса, прежде всего – русского или англоязычного [12]. Понимание **медиапространства** в данном исследовании наиболее приближено к «медиированному пространству» в авторской модели Ним Е.Г., которое определяется как «переданное», репрезентированное посредством медиа пространство (как физическое, так и социальное). В этом случае мы имеем дело с медиаобразами и медиатекстами как результатом медийного «картографирования» реальности» [12, с. 32]. Изначально же медиапространство понималось как синхронизированное, живое, прямое взаимодействие субъектов (отдельных личностей, групп людей), разделенных в физическом пространстве. То есть, главным условием формирования медиапространства являлась технологическая возможность синхронного объединения людей в виртуальном, онлайн-пространстве относительно определенного информационного события [10].

Медиапространство можно представить как карту из «точек» – сайтов, информационных порталов, пабликов в социальных медиа и коммуникационных процессов, которые формируют связи различных уровней и типов. В поле нашего наблюдения входит коммуникация, предметом которой является актуальная новость (коммуникационный уровень), обсуждаемая в комментариях к ней (коммуникативный уровень).

С точки зрения лингвосомиотического подхода публикация представляет собой текст как отражение ситуации действительности.

По В.Г. Гаку, «ситуация есть отрезок, часть отражаемой в языке действительности, то есть движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые объекты – субстанции ... Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общие формы такой координации, пространство и время» [Гак, 1998, с. 243].

Структура ситуации (объекты-субстанции + координация их состояний или отношения между ними) объясняет наличие в естественных языках двух взаимно противопоставленных основных разновидностей языковых элементов – имени и глагола. Имя выражает субстанции, глаголы в принципе – координации. Это противопоставление может относиться к разным уровням. В одних языках оно носит отчетливый морфологический характер, в других оно проявляется на синтаксическом уровне – в различии между синтаксическим субъектом и предикатом.

Языковым же выражением ситуации действительности является пропозиция (терминология для обозначения денотативной семантики текста заимствована из семантического синтаксиса). Пропозиции организуются в макропропозиции, репрезентирующие макроситуации. Макропропозиция является пропозицией, выделенной из ряда пропозиций на основании операции индукции, восхождения от конкретного к абстрактному [Земская и др., 2010, с. 111].

Содержание новостной публикации может быть представлено в виде макропропозиции, которая представляет собой схему, отражающую главную мысль текста. Главная мысль текста может быть вычленена с помощью методики свертывания, основанной на концепции Т.М. Дридзе. Согласно ее методу, «чтобы выделить главную мысль текста, нужно ответить на два вопроса: о чем говорится в тексте (так выделится тема) и что говорится об этом главном предмете мысли (так выделится основной анализируемый признак). Главная мысль обязательно должна быть выражена в форме предложения, а не в виде слова или словосочетания, поскольку она является суждением о предмете мысли» [Дридзе, 2007].

С точки зрения денотативной семантики новость, размещенная на медиаплощадке, и комментарии к ней представляют собой единый текст: макропропозиция текста дополняется в комментариях компонентами содержательного и модально-оценочного планов.

Вслед за В.Г. Гаком в структуре «новость + комментарии» можно выделять **денотативный и коммуникативно-модальный аспекты**, которые обозначают «не только **предметные отношения**, как они представляются говорящему, но и информированность собеседников (отражаемую актуальным членением) и **позицию говорящего** (отражаемую категориями модальности) **Модальность** отражает также специфические элементы ситуации: позиции говорящих в речи, их отношения к сообщению и ситуации» [Гак, 1998, с. 247].

Комментарии представляют собой высказывания, в которых можно отчетливо увидеть два типа коммуникативной реакции – денотативный и модально-оценочный. В денотативном типе комментариев происходит референция по денотативному типу, то есть, в фокус интерпретации попадают предметно-смысловые связи исходного сообщения. В модально-оценочных комментариях превалирует выражение эмоциональной реакции как на содержание публикации, так и на другие комментарии.

На коммуникативном уровне в тексте новости выделяется **референт**. Традиционно в лингвистике под этим понятием «понимается то, что соответствует слову (языку) на уровне предметной (внеязыковой) действительности». Процесс (или результат) соотнесения слова (языка) и предмета (предметного мира) есть **референция**» [Клюев, 2002, с. 195].

В тексте же референтом выступает не отдельное слово, а **ситуация действительности**, референтная ситуация, которая схематически отражается в макропропозиции текста.

Референция в тексте «строится как имеющий некоторый внешний мир, с которым он соотносится, будь то реальный или вымышленный мир, одно явление, событие или значительный фрагмент действительности. Референцией на уровне текста называется процесс результат соотнесения языкового выражения и действительности [Земская и др., 2010, с. 110].

Языковым же выражением ситуации действительности является пропозиция (*терминология для обозначения денотативной семантики текста заимствована из семантического синтаксиса*). Пропозиции организуются в макропропозиции, репрезентирующие макроситуации. Макропропозиция является пропозицией, выделенной из ряда пропозиций на основании операции индукции, восхождения от конкретного к абстрактному [Земская и др., 2010, с. 111].

С помощью анализа **референции** – процесса соотнесения предмета (темы) публикации с социальной действительностью, так называемой информационной повесткой (I) и соотнесения предмета публикации с содержанием комментариев, представляющих собой коммуникативную реакцию на сообщение (II) можно установить, насколько **изоморфны** коммуникационный и коммуникативный уровни в рамках единства «новость + комментарии».

Эти два вида референции актуализируют третий, а именно соотнесение предмета и содержания публикации с актуальной картиной социальной действительности комментаторов и их социальным опытом (III), что приводит к различным «метаморфозам» референта информационного сообщения.

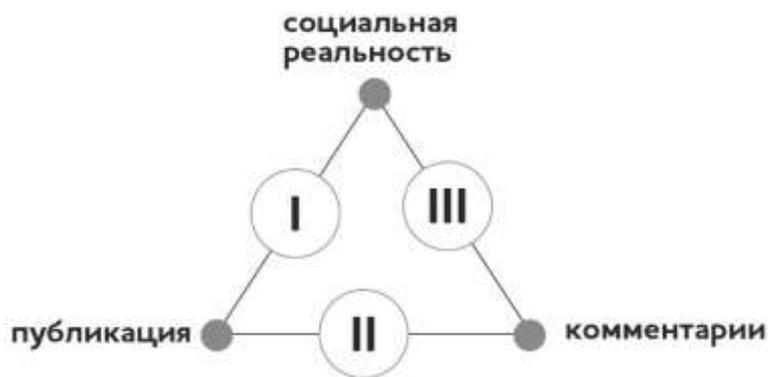

Рис. 1. Виды референции

I – референция как информационная повестка конкретного СМИ (коммуникационный уровень).

II – референция как развертывание содержания публикации, как соотнесение референта информационного сообщения с социальной реальностью в ходе коммуникативного акта (коммуникативный уровень).

III – референция как соотнесение предмета публикации с индивидуальной информационной повесткой и социальным опытом комментирующего (коммуникативный уровень).

В коммуникативном акте межличностной коммуникации речевое взаимодействие регулируется правилами транспорта референта: «акт общения допустимо считать состоявшимся тогда, когда он выполняет условия корректной референции и когда референт из пункта А в пункт В «доставляется в сохранности» [Клюев, 2022, с. 218]. Очевидно, что задачей СМИ является презентация референта в объективном свете: «презентация референта в соответствии с **конструктивной интенцией** фактически означает приглашение к анализу референта «без, гнева и пристрастия» [Клюев, 2022, с. 226–227]. Комментирование – сложный, полисубъектный коммуникативный процесс, в ходе которого предмет речевого взаимодействия – референт – «двигается» по определенным правилам: правило фокуса, стереоскопии, панорамы, унитарности, изоморфизма, фиксирования референта [Клюев, 2022,].

Таблица № 1

Правила транспорта референта по Н. Клюеву

<i>Правила референта</i>	<i>Краткое описание правила</i>
правило фокуса	Предмет не «забывается» надолго, между тем как коммуниканты обсуждают проблемы, к собственно предмету отношения не имеющие

правило стереоскопии	Предмет не характеризуется односторонне, между тем как другие его стороны вообще остаются вне поля зрения
правило панорамы	предмет не берется изолированно, вне его связи с другими предметами данной предметной группы, и с предметами, входящими в другие (смежные) предметные группы
правило унитарности	преимущественного права на «владение предметом» в ходе коммуникативного акта не имеет ни одна из сторон
правило изоморфизма	предметом не оперируют, искажая его внутреннюю структуру или деформируя его
правило фиксации референта	в ходе разговора не происходит подмены предмета другим предметом, даже и подобным ему
кросс-референция	отсылка к ранее упомянутому, или процесс обращения к референту по мере продвижения в тексте

Три из перечисленных правил транспорта референта – фокуса, стереоскопии и панорамы – наиболее жестко регламентируют коммуникативный процесс в единстве «новость + комментарии».

Правило фокуса: предмет не «забывается» надолго, между тем как коммуниканты обсуждают проблемы, к собственно предмету отношения не имеющие (отражает II вид референции на рис. 1).

Пространство «новость + комментарии» является референтной средой, активным смысловым полем, «в котором все, что обсуждается, приобретает соответствующий референту «заряд». Комментаторы автоматически «привязывают» к соответствующему референту новый комментарий. Тем важнее и показательнее являются те комментарии, в которых происходит нарушение правила фокуса, т.е. некорректная референция.

Правило стереоскопии: предмет не характеризуется односторонне, между тем как другие его стороны вообще остаются вне поля зрения.

Это правило позволяет проследить взаимосвязи между референцией комментаторов и СМИ (I и III виды референции на рис. 1).

Комментаторы «стереоскопируют» референтную ситуацию исходного текста, добавляя содержательные компоненты из своего социального опыта.

В медиaprостранстве текст новости не существует изолированно, он «стереоскопичен», так как является одним из серии публикаций на одну тему.

Анализ комментариев с точки зрения правила стереоскопии позволяет увидеть интеграцию коммуникационного и коммуникативного пространства даже в рамках одного комплекса «новость + комментарии».

Правило панорамы: предмет не берется изолированно, вне его связи с другими предметами данной предметной группы, и с предметами, входящими в другие (смежные) предметные группы (II и III виды референции на рис. 1).

Правило панорамы позволяет проследить связи, которые выстраивают комментаторы между данной темой и другими элементами ближайшего социального контекста. Так, например, темы ремонта моста, увеличения платы на проезд и постройки нового жилого комплекса формируют панораму урбанистической проблематики.

Описание исследования изоморфности коммуникационного и коммуникативного пространств

Исследование изоморфности коммуникационного и коммуникативного пространств региональных медиа проведено на материале медиаплощадок Алтайского края. Анализ блоков «новость + комментарий» состоит из трех этапов:

1. Анализ текста и его денотативной семантики текста, в результате которого выделяются элементы референтной ситуации, строится схема макропропозиции с предикантно-актантной структурой.

2. Анализ интерпретации референтной ситуации в комментариях, который выстраивается в двух направлениях: 1) расширение и дополнение макропропозиции текста новости (с предварительным отсечением модально-оценочных комментариев от денотативных), 2) соблюдение правил референта интерпретации новости в комментариях.

3. Анализ публикаций медиаплощадок с точки зрения изоморфности двух уровней медиапространства – коммуникационного и коммуникативного – совпадений информационной повестки с социальным опытом комментаторов.

Методика исследования:

- выбор площадок;
- выбор наиболее комментируемых новостей;
- выбор проблематики;
- отбор материалов;
- свертывание новости;
- построение схем смысловой структуры текста;
- анализ комментариев с точки зрения правил транспорта референта;
- выявление семантических связей комментария со смысловой структурой текста;
- выявление потенциальных тем для публикаций;
- сопоставление повестки коммуникационного и коммуникативного пространств.

Период для выборки информационных сообщений на новостных порталах был определен случайно: 1–14 декабря 2021 г.

На предварительном этапе для анализа были выбраны наиболее популярные в регионе информационные порталы: Алтапресс, Амик, Банкфакс, Толк, Политсибру, Катунь 24, Барнаул 22, как официальные страницы, так и аккаунты в социальных сетях (с опорой на рейтинг медиаресурсов Алтайского края за III квартал 2021 года, проведенный

компанией «Медиалогия» [Алтайский край: рейтинг СМИ за III квартал 2021] и анализ посещаемости региональных информационных сообществ в социальных сетях).

Среди медиаресурсов были выделены 3 площадки – информационные порталы «Амик» и «Банкфакс», сообщество в социальной сети «ВКонтакте» «Барнаул 22». Выбор основан на количестве прокомментированных новостей и количестве комментариев к новостным материалам. Были выбраны площадки с наибольшим числом комментариев. Из группы анализируемых площадок был исключен новостной портал «Алтапресс», поскольку на этом ресурсе комментарии, размещенные после публикации сообщения, были удалены редакторами со страницы портала.

Из массива новостей были выделены сообщения, объединенные темой «Городская среда», среди них – самые комментируемые публикации.

Им стали новости:

Банкфакс – «На набережной Барнаула возведут первые в Алтайском крае 150-метровые высотки», 58 комментариев (далее ТЕКСТ 1)

Амик – «"Как кильки в банке". Барнаульцы недовольны работой общественного транспорта», 62 комментария (далее ТЕКСТ 2).

Барнаул22 – «Мост новый, проблемы старые...», 202 комментария (далее ТЕКСТ 3).

Рис 2. Публикации, выбранные для анализа

Полные тексты публикаций

На набережной Барнаула возведут первые в Алтайском крае 150-метровые высотки

01.12.2021 10:18

Застройщик обещает сделать их визитной карточкой города

Компания «Вискью» (входит в ГК «Селф») построит на месте Речного вокзала в Барнауле уникальный жилой комплекс, аналогов которому пока нет в Сибири. Там появятся две башни высотой более 40 этажей (150 м) и километровая набережная с причалом для горожан. Как сообщает «Толк», концепция уже готова, на днях ее поддержали депутаты городской Думы, а ранее предварительно одобрили в Общественной палате Барнаула. Тем не менее, проекту предстоит еще несколько стадий обсуждений и согласований.

Собственник участка сообщил, что прежде чем подготовить эскизы, там почти год проводили инженерные изыскания. На территории тестировали ветровые нагрузки, уровень шума и вибрации, исследовали состав грунта, сейсмическую активность, состояние подземных коммуникаций, проводили испытание опытных свай. «Проектируемое здание попадает под категорию уникальных, поэтому изыскания производились при сопровождении научно-исследовательского и проектного института при Минстрое РФ. На основе полученных данных выполняется расчет конструктивных элементов зданий с тщательно продуманным расположением и пропорциями. Это повысит их надежность и безопасность в эксплуатации», – пояснила начальник отдела капитального строительства компании «Селф» Елена Русина.

Вместе с тем, застройщик проводил маркетинговые исследования, собирал мнения общественников, политиков, бизнесменов, архитекторов, строителей о том, как лучше развивать эту территорию. Эти суждения легли в основу проектирования, поэтому общественные зоны решили обустроить именно так, как хотели бы горожане.

Как пояснил собственник участка, проект готовили сразу две мастерские – «Графит» и «Архи Групп». Общая площадь застройки составит 1,5 га. Специалисты пришли к выводу, что здесь можно разместить здания с более чем 40 этажами, высотой порядка 150 м. При этом застройщик за свой счет разработал проект городской набережной от моста до своей территории. Она появится в завершение строительства и протянется вдоль нового жилого комплекса, а затем соединится с уже существующими благоустроенными частями городской набережной. Ее планируют выполнить в одной стилистике с уже обустроенными пространствами. Общая протяженность нового участка составит 1 км. Здесь планируют установить скамейки, сделать террасы, пешеходные мостики, ограждения.

Также издание сообщает, что на указанном участке предусмотрен причал Речного вокзала с современным павильоном для пассажиров водного транспорта. Под набережной обустраивают общественный паркинг. Территория будет открытой, а все общественные, прогулочные зоны доступны для барнаульцев и гостей города.

Что касается нового высотного ЖК, то по проекту он представляет собой две многоквартирные односекционные башни. Их соединит общий стилобат, в котором разместятся коммерческие помещения. Его кровля будет служить приватной зоной для жильцов – для них здесь обустраивают детские и спортивные площадки. Кроме башен предполагается также офисное здание, где разместят частный детский сад на 80 человек и фитнес-клуб с бассейном,

в котором будут 25-метровые дорожки. Также в проекте подземная стоянка и четырехуровневый гаражный комплекс. На его крыше планируется расположить спортивные площадки для баскетбола, волейбола, тенниса, в зимний период планируют заливать ледовый каток.

По мнению застройщика, такие решения значительно экономят место, но в то же время позволяют вместить в комплекс все необходимое. Также сообщается, что все здания соединены между собой переходами, и жильцы смогут перемещаться в секции, не выходя на улицу. В общей сложности на обустраиваемой территории появится 800 парковочных мест, включая все подземные.

Во дворе в свою очередь расположатся детские игровые площадки с резиновым покрытием и современным оборудованием. Будут и спортивные зоны, воркаут с уличными тренажерами, собственный роллердром с трамплинами. Как считает застройщик, уникальность еще и в том, что жильцам будут доступны почти все виды транспорта (авто-, вело-, электро- и водный). Для этого компания намерена создать всю необходимую инфраструктуру. Здесь уже существуют конечные пункты с разворотным кольцом автобусов и троллейбусов. Кроме того, будут оборудованы велосипедные дорожки, проезжие части для автомобилей и причал для теплоходов.

При этом все неухоженные зеленые зоны, имеющиеся сейчас, планируется сохранить и облагородить. Более того, их дополняют газонами, кустарниками и цветниками. «Мы много ездим и обращаем внимание, как строятся современные города. Что такое уникальный объект? Он не появится, если каждое новое здание будет похоже на соседние. Если мы говорим об объекте такого статуса в таком знаковом месте – он должен на 100 % отличаться. Если мы повторим соседей, то о какой уникальности говорить?» – объяснил собственник «Селфа» Нодар Шония.

Вместе с тем директор мастерской «Графит» Сергей Черепанов отметил, что прибрежная зона реки Обь уже давно знакома с высотным строительством. Здесь располагается 25-этажный ЖК «Аквамарин», который эксплуатируется уже почти 10 лет. Также по соседству строятся и заселены еще несколько высотных домов. Поэтому, по мнению экспертов, разрушающееся здание речного вокзала на их фоне выглядит неказисто.

Архитектор полагает, что будущий комплекс должен стать главной доминантой этого места. Одна башня стоит ближе к реке, вторая – развернута на новый мост. «Силуэт ЖК вливается в уже сложившуюся панораму города и просматривается с Правобережного тракта. Он будет встречать гостей, въезжающих в город. Благодаря обилию белого цвета, стекла, стройным пропорциям, объем новых зданий не давит. Он скорее парит над районом. В целом архитектура сдержанная в стиле модерн», – заключил архитектор.

Напомним, что территорию Речного вокзала в декабре 2020 года выкупила строительная компания «Селф». Руководитель компании Нодар Шония сообщал, что ведется маркетинговое исследование для определения функционала зданий. Застройщик сообщал, что хотел бы видеть здесь с

одной стороны офисный центр (с фитнес-клубом и бассейном), с другой – паркинг также с помещениями для бизнеса. Посередине площадки возможно появление двух жилых корпусов. На кровле стилобатной части планировали разместить прогулочную площадку. Застройщик уже тогда надеялся на благоустройство зоны у берега Оби, которое должно сочетаться с существующей набережной. Этот вопрос долгое время находился в проработке.

«Как кильки в банке». Барнаульцы недовольны работой общественного транспорта

3 декабря 2021 г., 09:18, ИА «Амител»

<https://www.amic.ru/news/493896/>

Горожане возмущены тем, что цены на проезд растут, а качество перевозок – нет

Жители Барнаула в социальных сетях жалуются на давку в общественном транспорте. Пост с негодованием появился в сообществе «Инцидент Барнаул».

В социальных сетях горожанка опубликовала видеозапись, сделанную в трамвае в час пик. На видео она сняла забитый пассажирами салон, в котором людям буквально приходится тереться друг о друга.

«И при этом проезд увеличился на 5 рублей... За что?!» – возмущается горожанка.

В комментариях под постом подписчики отметили, что подобная ситуация встречается на многих автобусных маршрутах, особенно по утрам и вечерам.

Напомним, с 1 декабря в Барнауле изменились тарифы на проезд в общественном транспорте. Цены выросли сразу на три и пять рублей, в зависимости от вида транспорта.

«Мост новый, проблемы старые...»

https://vk.com/barneos22?w=wall-38551279_6640407

«Каждый день постоянно фуры застревают на Старом мосту. И утром в 5-00, и вечером в 22-00.. И каждый день, и в день по две, а то и по три фуры...»

Вчера в 5-00 поехал на работу, уперся в пробку в сторону Барнаула - фура застряла, развернулся, полетел по Новому мосту, на работу опоздал. И все из-за чего? С работы поехал в Новоалтайск, опять фура, опять пробка от самого Барнаула. И так каждый день.

Позвонил в 112, чтобы приняли меры. Сколько это можно терпеть? Почему просто нельзя правильно поставить дорожные знаки для водителей фур, почему они туда постоянно едут, почему нет ГИБДД?» - негодует участник нашего сообщества klimantov.anton.

Ход исследования

1 этап

На первом этапе исследования к текстам был применен прием свертывания и выделена основная мысль текста, построены схемы смысловой структуры текстов.

Текст 1	Депутаты поддержали проект компании Селф по строительству двух 40-этажных башен на месте Речного вокзала.
Текст 2	Барнаульцы, подписчики сообщества Инцидент22, выразили недовольство ростом цен на общественный транспорт под постом с видео, в котором была снята давка в трамвае в час пик.
Текст 3	Барнаулец выразил недовольство пробками на старом мосту из-за скопления фур в утреннее и вечернее время.

Рис 3. Смысловая структура текстов

2 этап

Второй этап исследования был посвящен анализу комментариев.

Все комментарии были разделены на две группы:

- модально-оценочные комментарии;
- денотативные комментарии, в которых наблюдаются правила транспорта референта – фокуса, стереоскопии и панорамы.

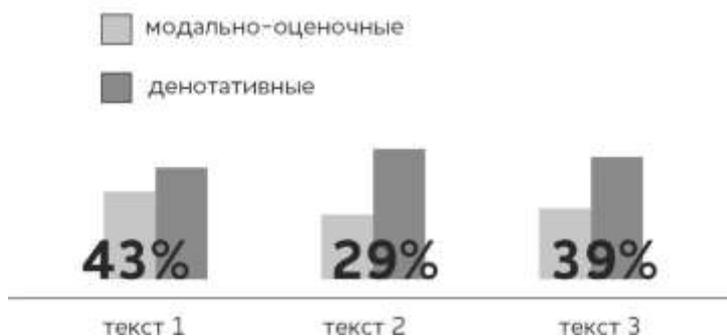

Рис 4. Соотношение модально-оценочных и денотативных комментариев (в %)

Так, например, к модально-оценочным были отнесены комментарии:
к тексту 1:

Очередной блеф

*Не хотел бы жить в таких домах. Есть опыт проживания в таких в Москве.
Исключено.*

Омерзительная безвкусица, которая изуродует город

к тексту 2:

Вот тот редкий случай, когда я полностью согласен с «Аборигеном»!!!

На фото и на видео трамвай, но никто ни в ВК ни на Амике этого не заметил. Что-то ржу с этих вконтактышей.

Между тем что должно быть и тем что есть на самом деле, в сложившихся условиях всегда будет пропасть.

к тексту 3:

Владимир, причём тут это? Ты больной совсем? Водителям фур надо показывать пример ?? А [...] им тогда права выдали?))

Сергей, больная твоя голова голубчик, ты сядь за руль если ума хватит и куда-нибудь в Саратов скатай и посмотрим как ты там по местным дорогам нарулишь умник

Вроде, так пора кругозор расширять, они же не на упряжках едут

Жизнь такая

Денотативные комментарии были оценены с точки зрения корректности / некорректности референции. Этот анализ был проведен с опорой на правила транспорта референта, выделенные Е.В. Клюевым.

В комментариях с корректной референцией были выделены способы расширения и дополнения макропропозиции текста новости.

Приведем примеры корректности / некорректности референции по указанным правилам (орфография и пунктуация комментаторов сохранены).

Правило фокуса (на примере комментариев текста 2):

Корректная референция	Некорректная референция
Повышение проезда перевозчики же объяснили тем, что это пойдёт на зарплату сотрудникам, видите ли им мало поэтому работать не идут. А как остальной рабочий народ? Им с кого брать деньги, многие не хотят тоже мало получать и что?	Рисовать и фантазировать научились, мы это поняли... уникально, дорого-богато....Тока на хлебушек людям не хватает..

Правило стереоскопии (на примере комментариев текста 1):

Корректная референция	Некорректная референция
Помнится хотели у нас в Барнауле 30ти этажки строить, но потом отказались от этого, т.к. в Барнауле нет пожарных машин которые бы могли работать при пожаре, да и видимо специалистов тоже, т.к. хотели вроде закупить пожарки, но что то пошло не так, так что сомнительно что построят выше 25 этажей, но или Шония закупит подарки и обучит специалистов сомнительно.	Я, в 2003 году во время землетресения - в панельках тогда потрясло нехило - спускался бегом с 8 этажа с большим ребенком на руках. Такой себе опыт

Правило с панорамы (на примере комментариев текста 3):

Корректная референция	Некорректная референция
Раньше помню на развилке указатель стоял на старый мост Барнаул, а на новый Рубцовск как сейчас не знаю может по этому не местные и едут	В чем смысл кап. ремонта если по нему не могут ездить грузовики.

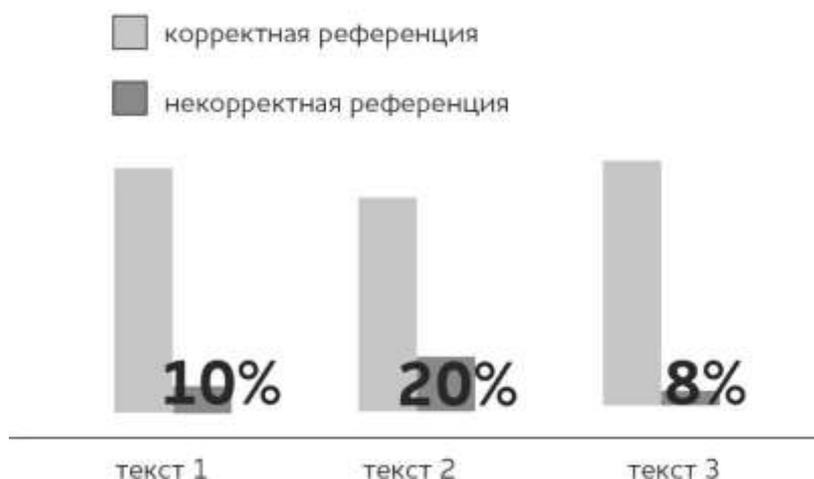

Рис 5. Количество комментариев, сменивших коммуникативный фокус (в %)

На основе анализа выявлены следующие референты, расширяющие макропропозицию текста новости:

В качестве примера приведем элементы денотативной семантики расширения текста 1:

С какими последствиями

ненадежность и опасность строительства на берегу

недостатки инфраструктуры

транспортные коллапсы

тушение пожаров в высотках

канализация, засорение Оби

несохранение исторической архитектуры

активность жителей в борьбе за город

Причины

коррупционность сферы строительства

нарушение демократии

зависимость СМИ

нарушения администрации

нарушения в работе общественной палаты

Пример некорректной референции, смена фокуса к тексту 1:

ветхий жилой фонд

жители выживают

В результате анализа расширений денотативной семантики текста, отраженной в макропропозиции текстов публикаций, были выявлены потенциальные темы для дальнейших публикаций, относящихся в данной проблематике. На рис. 6 отражено количество таких тем.

Рис 6. Развитие смысловой структуры референтной ситуации в комментариях: количественный аспект

Этап 3

Сопоставление референтов коммуникационного и коммуникативного пространств

На каждом из анализируемых медиаресурсов (информационные порталы «Амик» и «Банкфакс», сообщество в социальной сети «ВКонтакте» «Барнаул 22») были выделены все новостные материалы за период с 1 января по 14 декабря 2021 г. по теме «Городская среда».

Сравнение референтов, появившихся в комментариях к новостям, расширивших макропропозицию новости, и текстов новостей обозначенной тематики, фигурирующих в новостной ленте портала, позволяют делать выводы о степени изоморфности коммуникационного и коммуникативного пространств данного медиа.

Рис. 7. Развитие смысловой структуры референтной ситуации в коммуникационном пространстве

Выводы

Анализ медиаплощадок «Амик» и «Банкфакс», сообщество «Барнаул 22» за 1–14 декабря 2021 года показал низкую степень коммуникативной активности: комментируются незначительное количество новостей (менее 5% имеет более 50 комментариев).

Наличие и объем комментариев к трем новостным текстам позволяет оценивать медиа с точки зрения тем, на которые наиболее остро реагирует общественность.

Медиаплощадки отличаются формой организации и регламентом комментирования: к примеру, на площадке «Алтапресс» комментарии удаляются через 5–7 дней, площадка «Амик» позволяет формировать «ветки» комментариев (комментарии к комментариям), также регламентации подвергается деятельность модераторов, например, на площадках информационного агентства «Толк» на комментарии отвечает редакция.

Примерно половина комментариев содержат расширения денотативной семантики текста, в то время как вторая половина отражает исключительно эмоционально-оценочную реакцию аудитории на текст новости.

Анализ комментариев показал относительно высокую коммуникативную культуру комментаторов: с точки зрения правил транспорта референта сменили фокус всего лишь от 10 до 20%.

Наиболее типичные расширения денотативных связей в комментариях: причинно-следственные, объектные, количественные и качественные.

Количество комментариев, их качество, а именно - выделение новых семантических связей означает запрос аудитории на отражение этих потенциальных тем в повестке СМИ. Появляется ли интересующее развитие тем в СМИ или нет свидетельствует о степени изоморфности коммуникационного и коммуникативного пространств, что в итоге позволяет говорить об идентичности и целостности регионального медиапространства. При этом большая степень изоморфности характерна для части медиапространства в соцсетях, что свидетельствует о большей степени вовлеченности, свободы и доверия аудитории.

Сравнение коммуникационного и коммуникативного пространств в разных типах медиа может служить темой дальнейшего исследования.

Библиографический список

Алтайский край: рейтинг СМИ за III квартал 2021 [Электронный ресурс] – URL.: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/10005/> (дата обращения: 1.12.2021).

Амзин А. Как новые медиа изменили журналистику. 2012–2016 / А. Амзин, А. Галустян, В. Гатов, М. Кастельс, Д. Кульчицкая, Н. Лосева, М. Паркс, С. Паранько, О. Силантьева, Б. ван дер Хаак; под науч. ред. С. Балмаевой и М. Лукиной. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 304 с.

Битков Л.А. Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением [Текст] / Л.А. Битков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 28 (282). Филология. Искусствоведение.– Вып. 70. – С. 36–38.

Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы [Текст] / Е.Л. Вартанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т. 15. Вып. 2. – С. 186–196.

Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе [Электронный ресурс] / Л.В. Васильева // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – №50. Электронный ресурс] – URL.: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-smi-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 03.12.2021).

Гак В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В.Г. Гак. – Москва : шк. «яз. Рус. Культуры». – 1998. – С. 243–263.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология [Текст] / Т.М. Дридзе. – Изд. 2, доп. – Москва : Либроком, 2009. – 240 с.

Земская Ю.Н. Теория текста : учеб. пособие [Текст] / Ю.Н. Земская, И.Ю. Качесова, Л.М. Комиссарова, Н.В. Панченко, А.А. Чувакин. – Москва : Флинта: наука, 2010. – 224 с.

Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов [Текст] / Е.В. Клюев. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

Медиапространство. Электронный ресурс] – URL.: [//https://livepcwiki.ru/wiki/Media_space](https://livepcwiki.ru/wiki/Media_space) (дата обращения: 1.12.2021).

Мультимедийная журналистика / Коллектив авторов. – Москва : «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2017. – 272 с.

Ним Е.Г. Медиапространство: основные направления исследований [Текст] / Е. Г. Ним // Бизнес. Общество. Власть. – 2013. – № 14. – С. 31–41.

Новикова А.А. История и теория медиа / А.А. Новикова. – Москва : «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2017, 2020. – 281 с.

Питерова А.Ю. Взаимодействие СМИ и общества: основные модели и концепции [Электронный ресурс] / А.Ю. Питерова // Наука. Общество. Государство. – Электронный научный журнал. – 2015. – Т. 3. № 4 (12). Электронный ресурс] – URL.: <http://esj.pnzgu.ru>. – Загл. с экрана (дата обращения: 12.02.2021).

Савельева И.В. Интернет-комментарии в сети: интенциональные модели [Текст] / И.В. Савельева // Современный дискурс-анализ. – 2020. – 2-2 (26). – С. 53-58.

Топчий И.В. Комментарий в социальных медиа [Текст] / И.В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2020. – 2 (36). С. 157–162.

Сведения об авторах

Боржиков Темирлан Сергеевич, преподаватель кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета pitshow277@gmail.com

Валюлина Екатерина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета serev@ya.ru

Дмитриева Лидия Михайловна, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Алтайского государственного университета, доктор филологических наук, профессор dmitrlm@mail.ru

Жеребненко Анна Вячеславовна, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета annav1167@gmail.com

Зубайдуллаев Ибодулло Амриллоевич, преподаватель кафедры русского языка Самаркандского государственного университета (Самарканд, Республика Узбекистан) vik-zikratov@yandex.ru.

Латина Наталья Владимировна, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета lapi-na@yandex.ru

Логинская Анастасия Валерьевна, старший преподаватель кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета log-a-v2014@yandex.ru.

Ковалёва Алла Владимировна, заведующий кафедрой медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета, доктор социологических наук, профессор alla_k65@mail.ru.

Комиссарова Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета komissarova@yandex.ru

Пивкина Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского университета «МЭИ» nadezhda_stolyar@mail.ru.

Халина Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета nkhalina@yandex.ru.

Чуканова Татьяна Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета chukanova64@mail.ru.

Янчевская Ксения Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиакоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью Алтайского государственного университета kсения_yanshevskaya@mail.ru.

Information about the authors

Temirlan Borzhikov, Lecturer at the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Ekaterina Valulina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Lidiya Dmitrieva, Head of the Department of Russian as a Foreign Language at Altai State University, Doctor of Philology, Professor

Anna Zhrebchenko, Associate Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Ibodullo, Zubaydullaev, Lecturer of the Russian Language Department of Samarkand State University (Samarkand, Republic of Uzbekistan)

Natalia Lapina, Associate Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Anastasia Loginovskaya, Senior Lecturer at the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Alla Kovaleva, Head of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University, Doctor of Sociology, Professor

Lyudmila Komissarova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Nadezhda Pivkina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the National Research University "MPEI"

Natalia Khalina, Doctor of Philology, Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University

Tatiana Chukanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Youth Policy of Altai State University

Ksenia Yanchevskaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations of Altai State University.

Научное издание

**ПРАКСЕОЛОГИЯ,
СЕМИОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА
КОММУНИКАЦИОННО-МЕДИЙНОГО
ПРОСТРАНСТВА
ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО
И АЛТАЙСКОГО РЕГИОНОВ**

Коллективная монография

Публикуется в авторской редакции

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 05.05.2022.

Дата выхода издания в свет 11.05.2022.

Формат бумаги 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 23,3.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 200 экз. Заказ № 186

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66